

От
„Рождения
Васана“
до
Тягуяре
Севака

ОТ «РОЖДЕНИЯ ВААГНА» ДО ПАРУЙРА СЕВАКА

Антологический сборник
армянской лирики в двух книгах

КНИГА ПЕРВАЯ
Древнейший период. Средние века

*Вступительная статья,
составление
биографические справки
и примечания
Левона МКРТЧЯНА*

«СОВЕТАКАН ГРОХ», ЕРЕВАН — 1983

ББК 84 Ар
О-80

О-80 От «Рождения Ваагна» до Паруйра Севака: Антолог. сборник арм. лирики. /Пер. с арм. Вступ. статья, сост., биогр. справки и примеч. Л. Мкртчяна. Кн. 1. Древнейший период, средние века. — Ер.: Совет. грох, 1983. — 384 с.

Книга открывается образцами армянской языческой поэзии, записанными в пятом веке, но восходящими ко временам значительно более отдалённым; народная лирика представлена любовными, колыбельными, трудовыми песнями, а также плачами, песнями изгнания и скитальчества. Значительную часть книги составили произведения выдающихся армянских поэтов V — XVIII веков — Месропа Маштоца, Григора Нарекаци, Костандина Ерзнкаци, Наапета Кучака, Арутина Саят-Новы.

О $\frac{4702080000(777)}{705(01)83}$ 182.82

ББК 84 Ар
Ар

© Издательство «Советакан грох», перевод с армянского, вступительная статья, составление, биографические справки, примечания, оформление, 1983.

ПОЭТЫ АРМЕНИИ

(Древнейший период. Средние века)

В 1045 году Григор Магистрос, армянский учёный, философ и поэт, изложил содержание Библии стихами и объяснил, почему он это сделал. Арабский поэт Мануче, с которым Магистрос познакомился в Константинополе, хвастался тем, что Коран написан стихами. Магистрос заключил с ним пари и за четыре дня изложил сюжет священного писания в стихах. Мануче был потрясён, и, как уверяет Магистрос, он, мусульманин, принял христианство.

В этой истории, рассказанной Магистросом, есть одна более чем достоверная мысль: поэзия на самом деле обладает свойством обращать людей в свою веру, и не в христианскую или мусульманскую, а в свою веру высоких человеческих идей. Поэзия издревле участвовала в борьбе за жизнь, помогала людям жить и выстоять. Так было всюду, у всех народов. Так было и в Армении...

Первые сведения об армянских племенах восходят ко второму тысячелетию до нашей эры. В 401 — 400 годах до н. э. Армению описал Ксенофонт, по сведениям которого армены (так называли армян, хотя сами армяне именовали себя хайами, а Армению Хайастаном) занимались земледелием и скотоводством и жили в достатке.

Во втором веке до н. э. образовалось государство Великой Армении. В конце IV века н. э. (387) страну поделили между собой Персия и Рим (римляне стремились завоевать Армению ещё в I веке н. э.). Затем на протяжении веков «одних завоевателей сменяли другие. Смерчем и ураганом проносились над страной гунны, персы, римляне, арабы, византийцы, сельджуки, монголы, османы» («Правда» от 28 ноября 1935 г.).

В V веке историк и писатель Мовсес Хоренаци говорил об Армении как о стране сокрушённой: «Оплакиваю тебя, земля армянская, оплакиваю тебя, страна благороднейшая из всех стран севера: у тебя нет более ни царя, ни иерея, ни советника, ни учителя! Мир возмутился, укоренился беспорядок, потрясло православие, невежество утвердило лжеучение». Однако народ никогда не отчаивался. Народ боролся и жил. И если на самом деле стихи пишутся так, как сказано об этом у Анны Ахматовой:

Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет, —

то понятно, почему песня была для армянина надеждой, была на протяжении веков символом свободы, символом потерянной и вновь обрётённой родины.

1

Древнейшие образцы армянской языческой поэзии впервые были записаны Мовсесом Хоренаци в его «Истории Армении» — великом историко-литературном труде, который был завершён в начале 80-х годов V века. Известный армянский учёный XIX века Н. Эмин исследовал «Историю» Хоренаци и пришёл к выводу, что языческая Армения «обладала обширными эпическими произведениями, заменившими в этой стране историю в древнейший период её существования».

Хоренаци был одним из немногих учёных той поры, которые рассматривали фольклор как материал по истории данного народа. В дальнейшем такой подход к фольклору стал всеобщим, и не случайно основную проблему фольклористики многие современные учёные определяют как проблему по сути своей историческую.

Мовсес Хоренаци записал фрагменты языческих народных песен («Рождение Ваагна», «О царе Арташесе»), которые в те времена преследовались христианством, провозглашённым в Армении государственной религией в 301 году. История Хоренаци сберегла для нас и древнейшие эпические сказания о Хайке и Беле, об Ара и Шамирам. Христианство делало всё, чтобы уничтожить языческую культуру. В работах армянского учёного VII века Анания Ширакаци находим ценные свидетельства того, как высоко была развита наука времён язычества, также преследуемая христианством. «Если же кто-нибудь, — пишет Ширакаци, — пожелает получить от языческих философов наглядный пример, воспроизводящий положение земли, то мне кажется подходящим пример с яйцом: подобно тому, как в середине яйца расположен шарообразный желток, вокруг него — белок, а скорлупа заключает в себе всё, точно так же и земля находится в середине, а воздух окружает её и небо замыкает собой всё».

Подобные идеи противоречили догматам Священного писания и объявлялись ересью.

Несмотря на преследования, языческая культура, языческое мировосприятие не исчезают сразу и бесследно. Древняя дохристианская Армения унаследовала культуру урартов (государство Урарту образовалось в IX веке до н. э. и пало в VI веке до н. э.). Позднее Армения испытывает благотворное влияние эллинизма. Особого расцвета армянская эллинистическая культура достигает во II — I веках до н. э. Армянский царь Артавазд II (I в. до н. э.) был автором трагедий, речей и исторических трудов, написанных на греческом языке. По сведениям Плутарха, некоторые сочинения Артавазда были известны в начале II века.

При Артавазде в Армении были свои театры в городах Арташате и Тигранакерте. Здесь ставили трагедии и самого Артавазда и греческих авторов, например «Вакханок» Еврипида.

На территории современной Армении в Гарни сохранились развалины армянского языческого храма, построенного в I — II веках и свидетельствующего о высоком уровне армянской архитектуры той поры. (Ныне храм восстановлен).

Многие века после принятия христианства, вплоть до XIX века, язычество оказывает влияние на культуру Армении. По мнению Н.Я. Марра, в V веке армянские переводчики Библии «восприятие новой религии наследуют от своих народных языческих жрецов и пророков», и поэтому перевод Библии есть «в то же время — богатая сокровищница языческих переживаний армянского народа, армянских народных языческих неоценимых изречений».

И сами стихи о рождении Ваагна, языческого бога солнца и грома, есть по сути своей поэтическое описание восхода солнца:

В муках Рождения пребывало Небо,
Пребывала Земля в муках Рождения,
В муках Рождения было и розово-красное Море.
Томила в муках Рождения
Красная Тростинка в Море.
Из горлышка Тростинки выходил дым,
Из горлышка Тростинки выходило пламя,
Из пламени выбегал огненно-русый Отрок,
У Отрока кудри из огня,
Борода — из пламени,
А очи у него — как два солнышка.

(Пер. Л. Мкртчяна)

Языческое мировосприятие было во многом поэтическим. О высоком чувстве художественности в народной языческой поэзии говорят стихи о царе Арташесе:

Храбрый царь Арташес на вороного сел,
Вынул красный аркан с золотым кольцом,
Через реку махнул быстrokрылым орлом,
Метнул красный аркан с золотым кольцом,
Аланской царевны стан обхватил,
Стану нежной царевны боль причинил...

(Пер. В. Брюсова)

Арташес, словно удалой добрый молодец, похитил свою возлюбленную, причинив её царственному тонкому стану боль. Эта последняя деталь придаёт стихотворению особую прелесть, подчёркивая всю нежность, всю любовь к девушке. И важно не то, что она царского происхождения, а то, что она царственно прекрасна и нежна.

Так поэтично воспел народ любовь царя к аланской царевне. На самом же деле, пишет М. Хоренаци, «у аланов была в большом уважении красная кожа, и потому Арташес, отдав большое количество лайки и много золота, берёт царственную деву — Сатиник».

Народные певцы, конечно же, не могли воспевать купленную любовь. Это противоречило бы законам эстетики. Поэтому в песне Арташес похитил Сатиник, тогда как на самом деле он отдал за неё много золота.

Образная структура стихотворения построена на реальном материале, казалось бы, малоприспособленном для высокой поэзии. «Также и о свадьбе, — пишет Хоренаци, — вымышляя, поют певцы следующим образом:

Золотой дождь шёл на свадьбе Арташеса,
Жемчужный дождь лился на свадьбе Сатиник.

У наших царей, — объясняет Хоренаци, — было обыкновение, когда они во время свадьбы приближались к дверям дворца, начинали сыпать деньги, подобно римским консулам; равным образом царицы сыпали жемчуг в своих брачных покоях. Вот смысл, заключающийся в этих словах».

Сопоставляя комментарии Хоренаци с самими стихами, нетрудно заметить высокую культуру безымянных певцов древней Армении: они очень искусно, следуя законам красоты, «переплавляли» конкретный жизненный материал в образ, в метафору («жемчужный дождь», «аркан из красной кожи с золотым кольцом»).

Ещё Брюсовым было замечено, что армянский песенный фольклор очень напоминает «тонко обдуманное создание какого-нибудь позднейшего поэта, искушённого в стихотворной технике». Такой вывод напрашивается, когда знакомишься с образцами народного творчества. Известно пренебрежительное, а порою враждебное отношение церкви к устному народному творчеству. Этим, в частности, объясняется то, что поздно были записаны народные песни. Кстати, приведённые в «Истории» Мовсеса Хоренаци народные предания о Шамирам и Ара Прекрасном ещё совсем недавно передавались изустно и были записаны Г. Сrvандзтяном, что также косвенно подтверждает солидный возраст дошедших до наших дней фольклорных произведений.

Песня — история народной жизни. Горная, каменистая Армения предопределила нелёгкую судьбу крестьян — отсюда множество трудовых песен о жизни крестьян-земледельцев.

Земли было мало, а та, что была, трудно возделывалась и, как правило, была безводной. «Когда бы не волы да плуг, была пустыня бы вокруг», — говорится в одной народной песне. Земля везде требует ухода. В армянских горах она упрямо неподатлива и тверда, здесь всегда приходилось работать особенно много и напряжённо:

Даёт господь рабам своим
И день и дело вместе с ним.¹

В борьбе с землёй, в борьбе за насущный хлеб вол был чуть ли не единственной надеждой крестьян:

...Остаётся за сохой, ороло,
Борозда в земле сухой, ороло!
Вы, волы, — мои цветы, ороло!
Нету краше красоты, ороло!
И отдам всё без остатка я, ороло,
За мычанье ваше сладкое, ороло!

Вол был героем крестьянских песен, ибо он был кормильцем крестьянской семьи. И не потому ли знаменитый «Судебник» Смбата Спарапета (XIII в.) запрещал отбирать у крестьян волов. «...Имеешь право взять под залог, — сказано в “Судебнике”, — то, что тебе захочется. Исключаются только волы, забрать которых нельзя ни при каких обстоятельствах, ибо они являются необходимым условием для труда на жизнь».

Пахари пели о своих волах — словно молились им:

Ямы и бугры — зерну помеха,
Вол мой дорогой.
Не оставь ни одного огреха,
Вол мой дорогой!

Песенный фольклор имел, конечно, влияние на армянскую поэзию. Нетрудно заметить это влияние и в стихах современных поэтов. Когда, например, Амо Сагян пишет о волах, он подчёркивает преемственность своих стихов, их народно-песенную основу:

Был он надеждой семьи бедняков.
На шее ярмо, пот курился с боков,
Нёс он луну меж корявых рогов,
Вол был таков.

(Пер. Т. Спендиаровой)

Народная песня вообще и армянская народная песня в частности обожествляет всё, что связано с работой, что помогает людям жить. Труд в народной песне — это и вопрос чести, и мерило нравственности, и сама мораль. «Песня для народа, — заметил А.И. Герцен, — его светская молитва, его другой выход из голодной, холодной жизни, душной тоски и тяжёлой работы».

Для армянского песенного фольклора очень характерны стихи о скитальцах — пандухтах, вынужденных покидать землю отцов в поисках крова и хлеба. Часто завоеватели изгоняли земледельцев с насиженных мест, меч и огонь агрессора опустошали страну. Песни эти, называемые пандухтскими, были очень популярны, так как для многих армян судьба уготовила постылую жизнь на чужбине. И то, что писал Аристакэс Ластивертци применительно к XI веку — «утвердившиеся на чужбине ушли во второе изгнание», — характерно для Армении и до и после XI столетия.

Пандухтские песни полны горя, полны слёз:

Сердце моё — что разваленный дом,
Груда камней над упавшим столбом,
Дикие птицы устроятся в нём.

¹ Стихи, кроме особо оговоренных случаев, цитируются в переводе Наума Гребнева.

Эх, брошусь в реку весенним я днём...

(Пер. Н. Тихонова)

Однако самая распространённая песня «Журавль» (она на устах у каждого армянина) — полна надежды. Это песнь песней скитальческого народа. Образ журавля, посланника родины, священен в Армении. Любовь к потерянной земле — это острое, даже болезненно острое чувство. И, может быть, именно поэтому ещё и сейчас широко популярны в народе пандухтские песни. Точно так же влюблённые полнее выражают себя в песнях о неразделённой, трагической любви.

Грустные стихи задушевы, потому что они помогают чувствовать всю «сладость жизни». В одном из стихотворений вечность природы противопоставляется быстротечности человеческой жизни, и сама эта соотнесённость природы и человека — напоминание о том, что жизнь коротка и грустна и её надо уметь прожить:

И услышал я голос, который
Шёл откуда-то с самого дна:
«Оживут ещё белые горы,
Ибо снова настанет весна...

Будет солнце, весна ещё будет,
Снег сойдёт и пройдут холода,
Потому что и горы — не люди
Умирающие навсегда».

Даже заклинания полны чувства и жажды жизни, удачливой, счастливой. В «Заклятии от сглаза» сказано: «Злого глаза нет! Злого шипа нет! Сгинь лихой навет, сгинь лихой совет!» (Перевод В. Брюсова). Так стихами отводили беду.

Давно было замечено, что много общего в устном творчестве даже тех народов, которые в древности, когда активно создавался фольклор, не знали каких-либо экономических и культурных связей. И если даже враждовали правители, всё равно народы пели об одном и том же, их идеалы были общими.

Прекрасны любовные народные песни. Они изысканны и сдержанны. Но сдержанность в армянской любовной песне полна страсти и огня, а изысканность — простоты. Благодаря развитому чувству меры народные певцы сумели избежать в любовных стихах (в особенности в тех из них, что были созданы в эпоху раннего средневековья) приторного пышнословия.

Народная песня всегда лаконична, если даже это образец там называемой восточной лирики. Песни с обилием образов, песни, несколько сентиментальные, характерны для армянского фольклора более поздних времён — начало, очевидно, восходит к XIII — XIV векам, а расцвет приходится на XVII — XVIII века.

Трудно переоценить влияние армянского песенного фольклора на стихи армянских поэтов, начиная от Григора Нарекаци и Наапета Кучака до Саят-Новы, Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна.

2

Армянская письменная литература возникла сразу же после того, как в 405 — 406 годах была изобретена Месропом Маштоцем письменность. Общеизвестно литературное значение трудов историков V века — Мовсеса Хоренаци, Павстоса Бюзанда, Егише, Лазаря Парбеци и других учёных.

Первыми армянскими писателями были создатель письменности Маштоц, его сподвижники и ученики. Завершив работу над алфавитом, Маштоц с учениками занялись литературным творчеством, переводом Библии. Одновременно переводчики сочиняли собственные произведения. Ученик и биограф Месропа Маштоца Корюн пишет: «...Своей пре-высокой учёностью блаженный Маштоц начал с божьей милостью по духу и существу книг пророков сочинять и распределять разнообразные проповеди для частного чтения, легко повествуемые, вдохновенные, полные прелести истинной евангельской веры».

Для формирующейся армянской литературы V века и для армянской литературы последующих веков имела большое значение и собственная дохристианская культура, и многочисленные переводы научных, философских, религиозных, художественных сочинений на армянский язык. Поистине велико значение того «огромного труда, который вложили Саак и Месроп в создание группы высокообразованных и любимых нами **переводчиков**, которые, горя вдохновенным и неистребимым пламенем любви к небу и земной отчизне, позабыли все наслаждения, соблазны и прелести мира и полностью посвятили свою жизнь, свои труды богу и нации».

Исключительное значение деятельности переводчиков для развития национальной культуры было полностью осознано уже в V веке, когда переводчиков причислили к лику святых, когда учредили **таркманчац тон** — день переводчика. Ежегодно в октябре отмечали этот день как национальный праздник.

Владея языками, деятели средневековой армянской культуры имели возможность приобщиться к достижениям инонациональных литератур и непосредственно по подлинникам. Они читали сирийские, греческие, латинские, персидские, арабские, французские рукописи. «Со всех этих языков соответственно обстоятельствам и требованиям времени были сделаны переводы».

В ряде случаев древнеармянский перевод заменяет собою подлинник, не дошедший до наших дней. Так, например, благодаря древнеармянскому переводу обнаружен текст трактата «О природе», принадлежащего перу знаменитого греческого философа Зенона Стоика.

Во второй половине V века были переведены с греческого на древнеармянский «Определения...» Гермеса Трисмегиста, то есть Трижды Величайшего. (Гермес Трисмегист — вымышленный автор теософической литературы). Приведу некоторые выдержки из «Определений...» Трисмегиста о слове: «Слово есть спутник разума, ибо слово выражает то, чего хочет разум». «Для разума нет ничего недоступного; для слова нет ничего невыразимого», «Слово, рождённое молчанием и разумом, — одно спасение. Слово, рождённое словом, — гибель».

Эти высказывания Гермеса Трисмегиста говорят о том, какое значение могли иметь «Определения...» для культуры письма вообще и языка художественной литературы.

Под влиянием Библии создавались в Армении V века духовные стихотворения. Месропу Маштоцу и Сааку Партеву приписывается авторство ряда Духовных песен — кцурдов, то есть своеобразных продолжений библейских псалмов и гимнов, названных позднее шараканами. Догматический, религиозный характер этих песен был обусловлен самой эпохой активного утверждения христианской религии и борьбы с ересью. Саак Партев и Месроп Маштоц, как пишет Корюн, «с особым усердием уничтожили их (лживые, еретические книги — Л. М.)... чтобы дым сатанинский не смешался со светлым учением».

Однако самый факт, что приходилось «дописывать» псалмы, придумывать к ним «довески» (кцурды), говорит о сложном душевном мире верующих, о том, что существующие религиозные песнопения были для них, очевидно, недостаточны.

В стихах первых армянских поэтов сквозь религиозное смирение прорываются порой сильные страсти. Так, у Месропа Маштоца есть молитва о том, что его одолевают враги, что

всюду его настигает «море жизни», от которого ему не уйти, не спрятаться, и он просит бога помочь ему.

Настойчивость и строгость, с которой армянские средневековые поэты воспевают идеи христианства, объясняется, в частности, тем, что вера была средством объединения и сохранения нации. Ведь уже в IV веке персы стремились обратить армян в маздеизм и тем самым ассимилировать их. Борьба за веру становилась в подобных случаях и борьбой за родную землю (отсюда в христианских странах клич воинов постоять за веру и за землю).

В частности, в средневековой Армении был популярен сюжет о святой мученице Рипсимэ и её подругах — христианках. Этот сюжет был положен в основу шаракана Комитаса (VII в.):

Вам — корабль вести, ваш опытен дух,
Стремительна мысль, безбрежна плоть...
Вы — ветви лозы виноградной Христа.
Виноградарь небес сберёт ваш сок, —

(Пер. С. Шервинского)

пишет Комитас, и в его стихах узнаёшь не только верующего, но и истинного поэта. Изобразительная щедрость стиха — отличительная особенность многих шараканов. Можно говорить даже об изобразительной смелости, когда, например, Степанос Сюнеци (VII — VIII вв.) пишет, что богородица сияет подобно жемчужине, что она — это и пальма в выжженной пустыне, и поток золотых лучей...

Духовные, религиозные стихотворения сохранила церковь, тогда как светская поэзия раннего средневековья (её существование не вызывает сомнения) дошла до нас лишь в немногих образцах.

Самый ранний памятник светской поэзии (если не считать стихотворного отрывка, приведённого одним из толкователей «Грамматик» Дионисия Фракийского) — это знаменитый «Плач на смерть великого князя Джеваншира», принадлежащий перу Давтака Кертога (VII в.).

Сохранился «Плач...» (у Кертога были, очевидно, и другие произведения, не дошедшие до нас) благодаря тому, что Мовсес Каганкатваци писал в своей «Истории Агван» о князе Джеваншире и процитировал стихи на смерть последнего.

О самом Каганкатваци существовали в научной литературе разные мнения — одни утверждали, что историк жил в VII веке и был современником Кертога, другие склонны были считать его автором X века, написавшим свой труд по материалам V — X веков. В новейших исследованиях придерживаются той точки зрения, что Каганкатваци писал свою историю в VII веке, а позднее, в X веке, рукопись была продолжена, дополнена новыми данными. В пользу такого решения говорит и то, что историк очень подробно, как очевидец, пишет о событиях, относящихся к VII веку.

Герой «Плача...» князь Джеваншир был предательски убит в 670 году. «Именитые вельможи и вся страна, — пишет историк, — оплакивали князя с воплем и стонами и тяжёлыми вздыханиями». Судя по всему, Джеваншир был очень популярен. Он, очевидно, покровительствовал искусствам. Известно, например, что Давтак Кертог находился при дворе царском, когда была получена весть об убийстве князя. Каганкатваци пишет о Джеваншире с большой любовью: «Прославленный, воспетый Джеваншир, славный полководец, подчинял себе всех своей разумностью, наслаждаясь великими земными благами, горделиво возносился своим разумом и храбростью». Поэт Давтак также пишет о смерти князя как о величайшем несчастье, постигшем страну:

Нас стена защищала, но пала стена.
Скалы, нас укрывавшие, ныне разбиты...

Стихотворение Кертога — это плач и о князе, и, в ещё большей степени, о его подданных. Кертог настойчиво повторяет мысль о том, что со смертью князя рушатся самые основы жизни:

Покрываются брачные комнаты пылью,
Облачаются в траур земные цари...

И ложится на наши угрюмые лица,
Словно пыль на дороги, бесславия тень.

Джеваншира оплакивает весь свет, весь мир. Однако одический стих Кертога не знает того, что мы называем потоком восхвалений. Давтак — мастер стиха, поэтому и прозван Кертогом (Поэтом). Каганкатвацци пишет о нём как об «известном риторе», сведущем в науках. Речь Давтака, свидетельствует историк, «изобиловала украшениями в слоге», изъяснялся он красноречиво, «подобно скоропишущему перу». (Имеется, очевидно, в виду импровизаторский дар Кертога).

«Плач...» имеет ещё одну особенность — в подлиннике начальные буквы строф воспроизводят армянский алфавит. Это своеобразный акростих. Но только ли из уважения к своему языку Кертог избрал подобную форму стиха, и нельзя ли предположить, что поэт хотел подчеркнуть таким образом своё отношение к Джеванширу как к государственному деятелю, которого оплакивает он всеми письменами, всеми звуками родной речи?

Армения VIII и IX веков вела борьбу против арабского владычества. В этой борьбе народ завоевал себе свободу, в борьбе создавался величайший памятник народной литературы — эпос «Давид Сасунский». Стихотворный эпос как бы связует собою седьмой век армянской поэзии с десятым, озарённым творческим гением Григора Нарекаци (951 — 1033).

Нарекаци жил в эпоху мощного крестьянского движения, вспыхнувшего в конце IX века в селе Тондрак и известного в истории как тондракийское движение. Тондракийцы выступали против церкви и церковных обрядов, духовенства и сословных привилегий. «Они не приемлют церковь и церковный чин, не признают ни крещения, ни великого и страшного таинства литургии, ни креста, ни поста», — писал о тондракийцах живший в XI веке Аристакэс Ластивертци. Неизвестно, примыкал ли Нарекаци к «еретическому» движению. Полагают, однако, будто он был заподозрен в симпатиях к тондракийцам.

Сохранились сведения о хулителях Нарекаци, которые хотели оклеветать его перед епископом и князьями. Отец поэта епископ Хосров Андзеваци в конце жизни был предан анафеме как еретик.

В стихах Нарекаци, в его «Книге скорби» (название «Книги...» передают на русском языке и в несколько иных редакциях — «Книга скорбных песнопений», «Книга трагедий»; в Армении существует давняя традиция называть «Книгу...» по имени автора «Нареком») отразилось его время, прозвучал протест против всего, что угнетает человека, что есть низкого и греховного в нём.

Нарекаци думал о боге, но говорил о людях, о противоречиях жизни, писал о богоматери — получалось о женщине и её земной красоте («Грудь светозарна, словно красных роз полна...»). Минуя церковь, поэт хотел непосредственного, личного общения с богом и стремился к прямому, откровенному разговору. Его монологи, обращённые к богу, полны острых, обличительных картин жизни, полны осуждения всего порочного в человеке и стремлений «страданием очиститься».

«Книга скорби» Нарекаци — это внутренний монолог личности, раздираемой противоречиями. Поэт видит себя падшим и видит обретающим силу. Решительно всё он подчиняет

главной своей задаче — полнее раскрыть личность своего героя, поставленного в центре всей «Книги...».

В Армении средних веков «Книга скорби» широко читалась и удостоилась многочисленных толкований. До нас дошли толкования XII и последующих веков.

Нарекаци написал историю душевных мук одного человека, написал о своих личных переживаниях, сомнениях и поисках, что оказало влияние на развитие средневековой армянской литературы.

Пристальное, преувеличенно подчёркнутое внимание Нарекаци не просто к человеку, но к жизни его души, противоречивой, обуреваемой страстями, было явлением новым и прогрессивным. Армянские философы-номиналисты всегда подчёркивали значение индивида, что опосредствованным образом влияло на возникновение гуманистического индивидуализма в средневековой литературе. Так, ещё в VI веке неизвестный толкователь «Категорий» Аристотеля писал: Аристотель «справедливо назвал индивида сущностью главнейшей, первичной и преимущественной, которая является причиной образования видов и родов». Но это всего лишь научное осознание значения индивида. До художественного осмысления личности и её внутреннего мира как темы искусства было ещё далеко.

Нарекаци в «Книге скорби» воспел, как было сказано, не просто человека, но мир его души, охваченной пламенем противоречий, мир, полный вопросов, неразрешимых и пугающих.

Самобичевание, саморазоблачение не знает у него границ. «Кто восстанет за меня против злодеев? Кто станет за меня против делающих беззаконие?» — сказано в псалме Давида. Нарекаци ссылается на этот псалом и цитирует его вольно: «Кто сравнится со мной в злодеяниях и беззакониях?».

Проблема совести, разъедаемой противоречиями, — основная проблема «Книги скорби» Нарекаци. Поэт обращался к богу, к этой «мудрости без тени», но он искал совершенства в человеке, он хотел, чтобы бог жил в нём и чтобы бог слился с ним, с человеком. Нарекаци, как верно заметил Аршак Чобанян, искал приметы, возвеличивающие бога, не в истории, не в известных преданиях о боге, а в своей разгорячённой душе, в своём воображении, и охотнее писал не о том, что сделано богом, а о том, что он может сделать.

«Книга скорби» Нарекаци — крик о том, что жизнь и человек несовершенны. «И если уж надобно, — писал Горький, — говорить о “священном”, — так священо только недовольство человека самим собою и его стремление быть лучше, чем он есть...». Слова Горького помогают понять, чем именно близок нам сегодня Нарекаци с его монологами, обращёнными к богу. Монологи поэта — это молитвы о совершенстве, о жизни, осмысленной делами, борьбой и плодами борьбы:

Не дай моему сердцу чрево, что не родит,
И не дай глазам моим иссохшие соски, всемилосерднейший,
Пусть не буду бесплоден я в своих малых трудах,
Как тщетно усердствующий сеятель земли сухой и негодной.
Не дай испытать мне муки родов и не родить,
Скорбеть и не плакать,
Мыслить и не стенать,
Покрываться тучами — и не пролиться дождём,
Идти — и не дойти...

(Подстрочный перевод)

Нарекаци чувствует себя в ответе за неустроенность мира, за всё, что в человеке порочно. Вместе с тем чувство осознанной вины, осознанного преступления есть надежда на жизнь, на воскрешение.

В «Книге скорби» и судья и подсудимый — одно и то же лицо. Нарекаци часто пишет о себе во втором и третьем лице:

Наглый во всём, ты бессловесен и нем,
Когда надо ответить за содеянное...
.
Если услышит, что хотят его смерти,
Говорит «да» и ещё раз повторяет «да»...

Это и стилистический приём, и осознание разорванности, раздвоенности своей личности. Двойник Нарекаци — его враг. В поэте трагически совместились враждующие начала, два человека-антипода. Но сам он жаждет цельности, жаждет внутреннего умиротворения: «Я, разделённый на большие расстояния, буду ли вновь единым, увижу ли вновь радостным моё горестное, скорбное сердце?». Но тема творчества Нарекаци — раздвоенная личность. И он верен этому герою, его страданиям и раздвоенности; он избегает благополучных судеб, законченных личностей: в них нет проблем, нет мук человеческих, нет борьбы, падений и взлётов. «Книга скорби» Нарекаци — это прежде всего горение страстей, неосуществлённые поиски и погибшие стремления:

Хотел ещё более убыстрить шаги — стал проваливаться,
Стремился к чрезмерному, но и до своего не дошёл.
Пытаясь достичь высочайших вершим, я и с этой скатился —
С небесных высот был низвергнут в бездну.
Остерегался, но жестоко пострадал,
Желал быть беспорочным, по мелочам себя сгубил,
Искал второе, но потерял и первое,
Увлекался незначительным — лишился главного,
Убегая от мелких хищников — попал к большим...

Нарекаци живёт страдая, он не хочет и не может облегчить себе жизнь равнодушием. Для таких людей, как Нарекаци, равнодушие — величайший порок. Он сознательно обнажает противоречия.

Нарекаци молит бога: «Не прибавляй моим слезам боли, не пронзай меня, раненого, не осуждай меня, наказанного, не терзай меня, измученного, не избивай меня, избитого, и не отталкивай меня, упавшего...». Поэт просит бога быть человеческим, он знает жизнь и знает, что в жизни часто ранят слабого, осуждают осуждённого, терзают измученного; знает, как это ужасно, и очень хочет, чтобы его бог был добрым, был справедливым: «Сочувствуй мне и будь мне как врач, а не как следователь — судья». Поэт знает, что в жизни за дары ругают, за щедрость клеветают, за милости укоряют, знает, что долготерпение — осуждают, высокодушие — высмеивают. Но только господу богу, как уверяет Нарекаци в 82-й главе, за добро не платят злом.

В «Книге скорби» Нарекаци проявляет поразительно глубокое понимание жизни. «Кладовые убийц — полны, а сокровища защитника разграблены», — пишет он.

Нарекаци строил храм своей веры богу, и ценен для нас строительный материал, взятый поэтом из самой жизни. Нарекаци приемлет бога, но не приемлет созданный богом мир и прежде всего не приемлет самого себя как средоточие этого несправедливого мира.

Я — высокое, ветвистое, многолиственное дерево,
Но бесплодное,
Точно та смоковница, что иссушена богом.

Трагедия для Нарекаци, следовательно, не в том, что человек ничтожен по природе своей, а в том, что дела его ничтожны; сам же человек — разумная земля, живое дерево и потому он должен «плодоносить», иначе нет ему прощения.

Борение противоречивых стремлений и дерзаний, как пишет Александр Дейч в своей статье о Нарекаци, «смена утверждения человеческой мощи и отчаяния, вызванного ощущением суетности и мелочности людских дел, — ось, вокруг которой медленно и мучительно вращается сознание поэта».

Нарекаци терзался миром до самораспятия, до невозможности. Поэтому Нарекаци так трудно писалось, и он говорил: «Бог мой, тебе легче простить мне мои грехи, чем мне писать о них».

Он не замедлил бы стать самоубийцей,
Но эта потеря неспасающий шаг, —

говорил о себе Нарекаци. Так больно, так остро чувствуют только редкие, большие писатели.

В своих монологах, обращённых к богу, Нарекаци не брезгует самыми низменными словами (проститутка, собака и т. п.), которые могли бы оскорбить «божественный слух». Поэт не знает запрещённых стилистических пластов. Наиболее характерная черта «Книги скорби» — это нагнетание синонимов и нагнетание сравнений, всё более и более уточняющих мысль, исчерпывающе выражающих оттенки чувств. То, что у другого писателя воспринималось бы как простое повторение, у Нарекаци выражает могучую энергию стиха, духовную и эмоциональную переполненность его монологов.

Творчество Нарекаци — свидетельство начавшегося расцвета армянской культуры. Естественно, что в этот период некоторые авторы стали интересоваться вопросами эстетики. Ещё раньше, в V — IX веках, в трудах армянских философов, историков и учёных встречались отдельные высказывания об искусстве, о законах красоты и творчества. Так, философ Давид Анахт (V — VI вв.) говорил: «Когда мастер искусства, желая что-нибудь создать, приступает к делу, он создаёт первым долгом в самом себе представление о вещи и потом только выполняет её. А природа никогда не создаёт в себе представление о вещи».

В каком соотношении находятся искусство и природа? — этому вопросу посвящена «Мудрая беседа, которую вёл в час прогулки философ Ованес Саркаваг с птицей, именуемой пересмешник». По Ов. Саркавагу (XI — XII вв.), надо следовать природе, ибо природа — основа творчества, основа искусства, и она, природа, недостижима. «...Созданная художником картина, — пишет Саркаваг, — не в состоянии воспроизвести находящееся в движении живое существо, ибо всякая картина приблизительна, в ней и выдумка и нечто от лже-свидетельства». Саркаваг завидует тому, как поёт птица, и просит, чтобы она обучила его, лжепоэта, своему искусству. Из «Мудрой беседы...» выясняется, что птица верна природе, которая дарует ей откровение, тогда как люди не верны природе, и их искусство ложно. Причём человек вне природы вследствие прегрешений перед природой. Таким образом, призыв поэта следовать природе нужно понимать широко, также и в том смысле, что природа безгрешна, безгрешны следующие ей птицы-певцы, а человек виновен. Поэту надлежит быть чистым и возвышенным, как природа, ибо всё, что греховно в человеке, естественно. Следовать природе — значит жить в согласии с ней, жить праведно.

В «Мудрой беседе...» достаточно чётко выражена ещё одна мысль — людей настигли беды из-за того, что они провинились перед богом.

В средневековой Армении многие авторы так наивно объясняли и жизненные невзгоды, и кровавые трагедии. Аристократ Ластивертци рассказывает, в частности, о том,

как в начале XI века ромейский (византийский) император предал Армении огню и мечу. «Одних (речь идёт о грудных младенцах — Л. М.), вырвав из материнских объятий, избивают о камни, — пишет историк, — других поддевают пиками, и кровь младенцев смешивается с материнским молоком».

«Грех был причиной всего постигшего нас», — заключает Ластивертци. Эта концепция греховности убиенных так широко распространилась, что позднее, в эпоху монгольских завоеваний, даже Чингисхан уверовал в неё. Во всяком случае, ему приписываются слова: «Я — кара господня. Если бы с вашей стороны не были совершены великие грехи, великий господь не ниспослал бы на ваши головы подобной мне кары».

Как о невиданном преступлении перед богом повествует Ластивертци среди прочего о воинах-христианах, которые «вышибли гвозди из крестов и злословили, мол, унесём и прибьём ими конские подковы».

Какая сатанинская мощь ощущается в людях, выдирающих гвозди из крестов, дабы подковать ими коней. Так под пером историка оживала сама действительность.

Ластивертци пишет «Об избииении мечом прославленного на весь мир города Ани», который в 1045 году был взят византийцами, а в 1064 году турками-сельджуками и с падением которого Армения утратила свою государственность.

Одиннадцатый век был для Армении веком великих потрясений. «Ни одного дня, ни разу не обрели мы покоя и отдохновения, — свидетельствует Ластивертци, — но всё время было насыщено смутами и невзгодами». Эти его слова точно определяют положение Армении и в последующие века.

В средние века приобретает широкую известность поэма Нерсеса Шнорали «Плач на взятие Эдессы» (XII в.). Шнорали был крупным общественным деятелем и поэтом Киликийского армянского княжества (царства), возникшего в конце XI века на берегу Средиземного моря. Киликийское царство, павшее в 1375 году, образовалось и существовало под знаком борьбы армянского народа за свою независимость.

О судьбе армянских городов напоминало падение в 1144 году Эдессы, этого важного центра христианского мира в Северной Месопотамии.

Нерсес Шнорали написал свою поэму от лица Эдессы-матери, оплакивающей смерть своих детей:

Смерть грудей не коснулась чьих?
Губили и детей грудных,
И старцев, хилых и больных.
Что им ребёнка нежный лик?
Что им священник-духовник?
Что даже патриарх-старик?

(Пер. В. Брюсова)

Мать Эдесса в безмерном своём горе обращается к армянской столице Ани, просит, чтобы и она плакала и горевала, «повергла в траур каждую душу».

Олицетворение Эдессы в образе матери, рассказывающей о своей судьбе, дало поэту возможность создать подлинно лирическое взволнованное повествование, не оставляющее читателя равнодушным. Эдесса-мать беспощадно «отрезает свои кудри», бьёт себя по лицу, как то положено скорбящему, и облачается не в пурпурные наряды, а в чёрный цвет траура... Некогда Эдесса была подобна земле обетованной, ручьи текли к цветникам, воздух над морем был полон неба, и небо сладостно смеялось...

Такой была Эдесса в прошлом, такого будущего желает ей Шнорали, жаждущий возрождения всего христианского мира и уповающий на единение христиан.

Выдающееся значение поэмы Шнорали обусловлено, конечно, тем, что в ней широко и реалистически отображены события, действительно имевшие место (в поэме больше двух тысяч строк). А самое главное, поэт поставил своё произведение на службу современности, стремясь способствовать решению наиболее острых вопросов, вставших перед Арменией и другими христианскими странами.

Нерсес Шнорали — автор известных стихотворных загадок, написанных на основе фольклора. В творчестве Шнорали явственнее, чем у Нарекаци, также использовавшего фольклор, прослеживаются заимствования из народно-поэтических произведений. Шнорали — что очень важно — не ограничивал свою поэзию темами и мотивами религиозной литературы, хотя, конечно, дань поэта традиционной христианской тематике была велика.

Знаменит Нерсес Шнорали и как мастер стиха, он виртуозно владел словом и многое сделал, в частности, для развития рифмы в армянской поэзии.

О рифме писал ещё Григор Нарекаци, зарифмовавший небольшой отрывок в «Книге скорби». Одни и те же созвучия в конце строк, говорил Нарекаци, усиливают эмоциональное воздействие стиха. Рифмованным стихом писал в XI веке Григор Магистрос. Широко стал пользоваться рифмованным стихом Нерсес Шнорали.

Учеником Нерсеса Шнорали, развившим его достижения в области стихотворной формы, был его племянник (сын брата) Григор Тха (1133? — 1193) — видный поэт Киликийской Армении. «Горяча во мне любовь к богу, но холода близки, хочу взрастить зёрна, но воздух зноен и зол», — сетовал Тха.

Армянские поэты средних веков свои стихотворения, даже поэмы часто писали на одну и ту же рифму. Григор Тха преодолел вслед за Шнорали эту условность. У него есть строфы с рифмами парными (аабб), перекрёстными (абаб) и кольцевыми (абба).

Если стихи армянских поэтов раннего средневековья, как правило, не знали рифмы, то в пору расцвета средневековой поэзии рифмованный стих — обычное явление.

Рифма в армянской поэзии мужская, так как ударение в армянском языке постоянно — на последнем слоге. Женские и дактилические рифмы практически не встречаются.

В начале нынешнего века считалось, что армянское стихосложение силлабическое. В. Брюсов, например, писал (и, конечно же, не без влияния своих армянских консультантов) о «разнице стихосложения русского (тоническое) и армянского {силлабическое}». Однако в 1933 году Манук Абемян издал своё обстоятельное исследование «Стихосложение армянского языка», в котором доказывал, что армянское стихосложение тоническое. Точка зрения Абемяна ныне оспаривается. Считается всё-таки, что армянское стихосложение силлабическое.

В средние века попытки научного, философского объяснения мира часто приводили к поэтическому открытию действительности. Наука на ранней стадии своего существования словно бы компенсировала отсутствие глубины познания поэтичностью, яркой образностью.

Когда в XIII веке Ованес Ерзнкаци по прозвищу Плуз писал в своих философских сочинениях о том, что «бог создал все ощущаемые и телесные вещи из земли, одел их в зелень через посредство воды, сообщил им движение через воздух, придал им видимость и цвет посредством огня», то он, конечно же, художественно познавал действительность. Вообще, Ованес Ерзнкаци придавал большое значение чувственному началу познания. «...Весь этот мир, — писал он, — вливается в наш разум через наши органы чувств, как через городские ворота».

Таким образом, в своих философских сочинениях Ованес Ерзнкаци оставался поэтом. Вместе с тем философична его поэзия, особенно его короткие нравоучительные стихотворения. (В XII — XIII вв. наивысшего расцвета достигает жанр басни. Особой популярностью пользовалась знаменитая «Лисья книга» Вардана Айгекци).

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечёт судьба;
Верх падает, и вновь ему взнестись настанет черед.
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

(Пер. В. Брюсова)

Ованес Ерзнкаци говорит о тщете жизни, о предопределённости судьбы. Однако, вчитавшись в четверостишия поэта, можно, очевидно, понять его основную идею и так — поэт говорит о суетности мира, чтобы сказать, как глупо жить недостойно. Есть у Ованеса Ерзнкаци стихи, открыто обличающие «безрассудство человека».

Л.О. Бабаян приводит по одной рукописи, хранящейся в Матенадаране, высказывание Ованеса Ерзнкаци, характеризующее его как человека, остро реагирующего на всякую несправедливость: «Неужто князья-владельцы есть помазанники божьи, если они своё княжество удерживают великими несправедливостями, захватом, лишениями и ограблением... Ибо как врачи должны помогать больным, так и князья — обойдёнными законами, и подобно тому как несведущие врачи вредят больным, точно так же князья, которые не знают справедливых законов или не соблюдают их, вредят несправедливостью невинным и праведным беднякам».

Судя по «Стихотворению, написанному Ованесом Ерзнкаци» (условно оно названо нами «Ованес и Ашá»), поэт ставил превыше всего земную жизнь человека с её радостями и печалью и не призывал своих читателей к смирению и христианскому аскетизму.

Ованес, сын священника, и Аша, дочь кади, полюбили друг друга. Этот сюжет мог бы развернуться в условиях средневековой религиозной нетерпимости в трагическое повествование, однако Ованес Ерзнкаци с некоторым юмором пишет о любви Ованеса и Аши как о забавном случае. А ведь в средневековой Армении, как сказано в одной памятной записи XIV века, заставляли христиан «пришивать на спину чёрную нашивку, дабы люди, увидев их, узнали, что это христиане, и поносили бы их». Для героев Ованеса Ерзнкаци любовь сильнее веры. Страдает, убивается мать Ованеса, а сын её уговаривает:

«Примиришься ты, о мать дорогая,
Не гневись ты, меня ругая.
Тонок стан у Аши невинной,
Звонок голос её соловьиный».

Просто и легко снимает религиозные противоречия Аша:

Ты сказала мне: «Семя гяура,
Не смотри на меня так хмуро!
Ничего, что отец твой священник,
Мой отец — мулла и кади.
Всё забудем мы во мгновенье,
Лишь прижмёшь ты меня к груди».

Чувственные стихи Ов. Ерзнкаци свидетельствуют об освобождении армянской любовной лирики от пут религиозной морали.

Ованес Ерзнкаци назывался, как известно, Плужом, что означает одновременно и голубоглазый, и низкорослый. Арменуи Срапян полагает, что Плуз в данном случае имеет одно значение: человек невысокого роста. Она ссылается на предание, согласно которому Ованес Ерзнкаци был невысок собою и мудр. Она же обращает внимание на то, что и в стихотворении «Ованес и Аша» сказано:

Ростом малый, умом великий,
Будь моим, Ованес, владыкой...

Эти строчки также могут служить свидетельством того, что Плуз был мал ростом и что автор «Ованеса и Аши» именно Ованес Ерзнкаци Плуз.¹ Из этих же строк следует другое: возможно, что стихотворение «Ованес и Аша» носит автобиографический характер. Если это так, то мы можем говорить о том, что уже в XIII веке личные переживания, личная жизнь поэта становились темой поэзии не в опосредствованной форме, а в форме откровенной, прямо лирической исповеди, не стесняющейся гласности и душевной открытости. Правда, ещё в X веке именно душевная открытость, даже душевная обнажённость определяют произведения Григора Нарекаци, однако то была хотя и личная, но философская исповедь, а в стихах у Ованеса Ерзнкаци — гласность и обнажённость любовных переживаний.

Город Ерзнка дал армянской поэзии ещё одного лирика, которого звали Костандином и который жил несколько позже Ованеса, в XIII — XIV веках.

И если автобиографичность одного любовного стихотворения Ованеса предположительна, то многие произведения Костандина явно автобиографичны.

Стихотворения Костандина Ерзнкаци говорят о личности ранимой и не понятой современниками. Есть у него стихотворение «Иные злословят обо мне» (пер. М. Лозинского). Злословят из зависти:

Твердят: «Как это он речам даёт столь нежный лад,
Что между нас ему никто не равен, не собрат?»

Костандин Ерзнкаци объясняет тайну своего творчества как дар, данный ему богом. Ещё юношей он видел бога «в солнечном одеянии, читающего свет»:

Я молвил: «Грешен я, ты, царь, прости меня, ты свят».
Я молвил: «Болен духом я, — уста твои целят».
Я молвил: «Беден я, язык безмолвием заклят,
Дай мне от дара твоего, насыть духовный глад».

Так Костандин Ерзнкаци провозгласил себя по сути дела поэтом милостью божьей и сделал это не столько как верующий, сколько как человек дерзкий и смелый, знающий цену и себе — человеку, и себе — поэту.

Я только глиняный сосуд, а в нём бесценный клад
От бога вещью душой, как манна, восприят.

Кто посягнёт на этот клад как дерзкий супостат,
Тот против бога восстаёт, пред богом виноват...

Заклиная своих врагов именем бога (а врагов у поэта было множество), Ерзнкаци думал оградить себя от бед, но жизнь поэта была горькой, а родная земля была ему не матерью, а мачехой. Достаточно сказать, что Костандин Ерзнкаци жил в трагическое для Армении время — монголы завоевали и разорили страну.

В стихах Ерзнкаци, в его «Слове на час печали, написанном о братьях, обидевших меня» видишь человека, преследуемого судьбой:

Нет друзей, любимой нет, опоры нет внутри и вне.
Кто поймёт, сколько скорбей в каждом моём прожитом дне!

(Пер. М. Лозинского)

¹ Некоторые литературоведы считают, что стихотворение «Ованес и Аша» принадлежит не Ованесу Ерзнкаци, а другому средневековому поэту, другому, неизвестному Ованесу.

Костандина Ерзнкаци мучит разлад с миром человеческим. Однако не так страшен и не так трагичен разлад между поэтом и современной ему действительностью, как разлад поэта с самим собой:

Меж двух огней моя свеча, и тот и этот жжёт;
Опоры мыслям нет моим, они идут вразброд.

Или ещё:

Две воли властвуют во мне, я раб у двух господ...
И в ранах сердце у меня, и боль мне душу жжёт.

(Пер. М. Лозинского)

Этими своими стихами, неудовлетворённостью собой, внутренним разладом Костандин близок Григору Нарекаци, его мятежной поэзии. «Незнаком душе покой, и не придёт радость ко мне», — пишет Костандин Ерзнкаци, и это его признание рисует нам характер крупный, ждущий многого от жизни и от себя самого. Редкая, острая неудовлетворённость поэта жизнью и собой говорит в данном случае и о масштабности его личности.

Костандину Ерзнкаци не везло в жизни и не везло в любви. Поэт написал о неразделённой любви стихи, прекрасные своей выстраданностью, а значит, и правдивостью:

Я чахну от любви и боли,
И я молю тебя, как молит
О благодатной влаге поле,
Которое сжигает зной!

Стих у Костандина Ерзнкаци неспокоен, драматичен. Однако когда он пишет о природе, преимущественно о весне и пробуждении земли, на него словно бы нисходит благодать:

Дохнул ветерком запевающим Юг,
Из мира исчезли все горести вдруг,
Нет места, где мог бы гнездиться недуг,
И всё переполнено счастьем вокруг.

(Пер. В. Брюсова)

Можно сказать, что гонимый и не понятый современниками поэт находит себя только наедине с природой.

Но, говоря о весне, он, оказывается, хотел также сказать о воскресении Христа. Когда он писал о солнце и свете, он тоже, как выясняется, думал о Христе. Воспевая любовь соловья к розе, он и тут тщился, по его же свидетельству, «разработать» религиозную тему. Однако стихи у него так верно, так по-земному изображают утро и свет, цветение земли, любовь соловья и розы, что, как мне представляется, читатель (и тогда, в XIII веке, и теперь) не подчиняется иносказанию, религиозной зашифрованности стихов, по всем признакам земных и светских. Костандин Ерзнкаци субъективно толковал свои стихи о весне и любви, о розе и соловье. «Может быть, вначале автор и хотел, — замечает Манук Абемян, — сочинить религиозно-иносказательные стихи, следуя мотивам и форме светской любовной песни, но написанное им на самом деле получалось светской песней, а пояснения, уже потом приписанные поэтом, не вязались с собственно стихотворением».

Природа суть свою раскрыла,
Не утаив от нас щедрот,
И, опьянённый розой милой,
Влюблённый соловей поёт:

«...Не отвратишь ты увяданья,

Как я осенний свой отлёт,
Но мысль о нашем расставании
Теснит в груди моей дыханье
И мне покоя не даёт».

Такие стихи не могут не восприниматься в их земном и, я бы сказал, в их благородном смысле. И как тут не вспомнить Тютчева:

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...

В данном случае и впрямь не дано предугадать, не дано уже потому, что аллегория розы и соловья (к ней прибегали и другие лирики средневековой Армении, среди которых выделяется поэт XVI века Григорис Ахтамарци) — это скрытая аллегория, нуждающаяся в специальных разъяснениях. Так, например, поэт XIV — XV веков Аракел Багишеци «Песню о розе и соловье» заканчивает указанием на то, как надо понимать его стихотворение:

Всё это, полн земных грехов, писал я, Аракел,
Так соловья и розу я, как только мог, воспел.
А Гавриила в соловье изобразить хотел,
Марию — в розе и Христа — в царе, как я умел.

(Пер. В. Брюсова)

Подобные предостерегающие и направляющие комментарии — лучшее свидетельство того, что стихи о розе и соловье жили своей, так сказать, светской жизнью и не всегда понимались так, как того хотели бы их авторы. В. Нерсисян полагает, что авторы зашифрованно-аллегорических стихотворений специально стремились к тому, чтобы их песни понимались двояко: и как светские, и как религиозные.

Стихами, нарочито контрастно изображающими жизнь, известен поэт XIII — XIV веков Фрик. Смысл и значение его стихов не «упрятаны» в иносказание, но открыты, как раны, а сами стихи — это крик о боли, это те самые «проклятые вопросы», которые с неизбежностью встают перед всеми, кто угнетён.

Ты прожил век — и ныне,
Как прежде, бос и гол.
Ты этот мир покинешь
Таким же, как пришёл, —

пишет Фрик. Может быть, в этих стихах — и его личная судьба. Стихи Фрика рисуют нам образ человека много увидевшего, перестрадавшего. По сведениям, содержащимся в стихотворениях поэта, мы догадываемся, что он потерял семью, потерял детей, что был преследуем судьбой, которой посвятил обличающие, горькие строки:

Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор иль плут.
Ошибки чаще ты творишь, судьба, чем на земле весь люд.

(Пер. В. Брюсова)

Стихам Фрика придаёт особую остроту то, что он, верующий, не сомневается в высшей справедливости бога, в его праве творить над людьми суд и вместе с тем видит, как дико несправедливо устроена жизнь. Не понимая, почему же при наличии всемогущего и справедливого, как никто, бога так нелепо устроен мир, и не умея молчать, поэт решает обнажить жизненные противоречия, дабы показать всю их чудовищность. Он словно бы надеется, что кто-то снимет эти противоречия, увидав, как они уродливы, как страшны. Пишет Фрик, словно взывает о помощи:

Зачем, подобно травам сорным,
Людей, нас вырывают с корнем?
Зачем ломают, как тростник,
И жгут в неистовстве упорном?

В своих «Жалобах» Фрик собрал жалобы всех отверженных, всех угнетённых и покинутых, собрал и, недоумённый, предстал с ними перед богом. Среди многих вопросов, заданных поэтом богу, есть и такие:

Тот жив, хоть умереть мечтает,
Другому б жить — он умирает.
Старуха дряхлая живёт,
Отроковица угасает.

Жизнь одному кошель раздула,
Другому лишь суму швырнула,
У одного — табун коней,
А у другого нет и мула.

Одним судьба дарит палаты,
Другим — на рукава заплаты.
Одним жалеет медяка,
Другим дарует горы злата...

Уже в новое время атеисты часто говорили верующим о классовых, жизненных противоречиях, о вопиющих контрастах в «божьем мире» — таков один из способов доказать вымышленность бога. Фрик, сам того не сознавая, пользуется этим способом, но истово верит в бога и ни на минуту не сомневается в том, что он есть.

Средневековый армянский философ Григор Татеваци (ок. 1340 — 1410), толкуя притчи Соломоновы, писал: «Разум — это не испытывающий стыда и бесстрашный судия, ибо он не боится бога, ведь он сам себе господин... Он мудр, ибо исследует постоянно. Вот почему он судит истинно и точно». Фрик верил в бога и бога боялся, но его разум, его душа восставали против несправедливости «божьего мира», постоянно исследовали его и судили о нём истинно и точно.

Фрик не мог понять и не мог примириться с тем, что верующие оказались под властью племён, не признающих святого креста.

Так почему ж на белом свете
Могучи нечестивцы эти?

Монголы, завоевав Армению, были беспощадны к трудящемуся человеку, взимали налог даже за вероисповедание.

Теперь ещё труднее нам, когда татарин сел на трон,
Всех обделил он, и воров поставил господами он.

(Пер. В. Брюсова)

И так как жить становилось «ещё труднее» и было от чего отчаяться, Фрик призывал к самоусовершенствованию, к внутренней чистоте и свободе (см. стихотворение «Цветок любви»). Проповеднический пафос поэта обращён в одном из стихотворений к богатым, то есть к самым грешным людям:

На муку вас осудят
За пурпур, за виссон,

Последний нищий будет
Скорей, чем вы, спасён!

Мысль о греховности людей занимала Хачатура Кечареци, современника Фрика. Стихотворения Кечареци свободны от пресного догматизма, ненужного морализирования. Хачатур Кечареци с болью за людей писал:

Кого-то пламенем сжигал я,
И сам терпел, сгорал дотла,
И зло кому-то причинял я,
Страдая от людского зла.

Одна такая строфа может открыть человеку глаза на жизнь, им же самим устроенную бессмысленно и зло.

Жизнь — это снег на склоне горном.
Грядёт весна — растает он.

Надо поэтому жить праведно и правильно.

Мысль о том, что люди живут неправильно и что надо жить иначе, занимала многих средневековых поэтов. Они знали, как неустроен человек в мире социальных контрастов, хотя самый этот мир воспринимался ими односторонне, — всё зло они видели в человеке, стремились переделать его, не переделывая самой жизни.

Выдающимся явлением армянской поэзии средних веков стали айрены — песни любовные, иногда дидактические. Основная масса айренов, как теперь полагают, была создана в XIII — XIV веках автором, имя которого нам неизвестно. По установившейся традиции считают, что автором айренов был Наапет Кучак. При этом Кунака — автора айренов — уже не отождествляют с Кучаком Хараконисским, жившим в XVI веке.

О жизни Кучака сколько-нибудь подробных и достоверных сведений нет. Остались легенды. А главное — остались стихи.

Кучак писал айрены. Это песни, состоящие, как правило, из четырёх стихов по 15 слогов. Стих делится на два полустихия из семи и восьми слогов (с ударением в первом полустихе на втором, пятом и седьмом слогах, во втором полустихе на третьем, пятом и восьмом слогах). В одних изданиях айрены печатаются как четверостишия — каждый стих с двумя полустихиями занимает одну длинную строку, в других изданиях как восьмистишия — каждое полустихие с новой строки. (В древних рукописях айрены не разделены на строчки). Соответственно и на русский язык айрены переводятся либо как четверостишия, либо как восьмистишия.

Айрены дошли до нас в рукописях XVI века. М. Абегиан считает, что айрены созданы гусанами, народными певцами. Точку зрения М. Абегиана разделяет, в частности, Ас. Мнацаканян и находит, что было бы правильнее датировать их тринадцатым и последующими веками.

Изучение языка, стиля и образной структуры айренов показывает, что именно один поэт довёл айрены как стихотворную форму до совершенства. Принято считать, что этим поэтом был Наапет Кучак.

Айрены продолжают выходить (не только на армянском, но и на русском и на иностранных языках) как сочинения Наапета Кучака. А самый «разговор о том, что в наследии Кучака есть что-то не кучаковское, только потому и возможен, — как замечает Н. Джусойты, — что перед нами единый, самобытный, индивидуальный поэтический мир, созданный великим вдохновенным мастером».

Спорам, ведущимся вокруг личности Кучака, нельзя, как мне думается, придавать преувеличенное значение и забывать о самом главном — о стихах.

В айренах Кучака выразилась главная черта эпохи Возрождения — чувство полноты жизни, полноты ощущения красоты мира.

Большинство дошедших до нас айренов Кучака — это стихи о любви, свободной от канонов домостроевщины, любви, знающей одну только власть — власть сердца. А ведь не только во времена Кучака, но ещё в V веке армянский учёный и католикос Саак Партев предписывал священникам: «А вы, священники, вовсе не благословляйте брака малолетних впредь до совершеннолетия, а совершеннолетних, которые по своей воле друг с другом не виделись, также не смейте венчать без расследования и расспросов их самих; быть может, по принуждению родителей, помимо воли своей, они дали согласие, и не смейте благословлять такие свадьбы, ибо по сей день от таких беспорядков — одни лишь беды, духовные и телесные».

Поэзия Кучака знаменует собою торжество высоких принципов любви по своей воле, по законам сердца. Священники и те (о них пишет Кучак с улыбкой, с иронией) не могут устоять перед «чарами любви»:

Поднимись, выйди из дома,
Как выходит солнце.
От твоих грудей исходят лучи,
Как весенние молнии из-за туч.
Многих дьяконов и священников
Твоя любовь увела от амвона,
И меня ты сделала влюблённым,
Заставила уйти из отчего дома.

(Подстрочный перевод)

Светский, внерелигиозный характер многих айренов был подготовлен, очевидно, и отголосками движения тондракийцев. Тондракийцы, как известно, проповедовали равенство, отказ от церкви. Идеолог тондракийцев Смбат Зарехаванци учил, что жизнь человеку дана только в этом мире, что другой жизни не будет, ибо душа человека не бессмертна. А раз это так — только в этой жизни можно познать радости любви.

В айренах Кучака любовь к женщине чиста именно своей прямоотой, своей высказанностью, я бы сказал, обнажённостью. Однако необузданность чувств не переходит в распущенность, а сила любви — в грубость. В айренах много нежности:

Грудь твоя — как утро,
Утренняя роса на ней.
Стать бы мне солнцем —
Собрать бы росу.

(Подстрочный перевод)

Есть в айренах целомудренная сдержанность. Даже самые откровенные признания смягчаются вдруг улыбкой. Любовные излияния, часто столь смелые в своей прямооте, с большим тактом заключены в несколько шутиливую форму, которую неоднократно использует Кучак. Айрены любви богаты интонационно, богаты по содержанию. Это песни страстных, неожиданных, причудливых признаний в любви.

Культ любви не был, конечно, проявлением беззаботно-весёлой жизни. Айрены Кучака — диалог двух влюблённых, не всегда одаряющих друг друга взаимностью, не всегда равноправных, но, как заметил Нафи Джусойты, к этому диалогу «всё время молчаливо прислушивается некто третий, какой-то сумрачный соглядатай. Кучак даже в своей неистовой устремлённости к возлюбленной не забывает о нём, спорит с ним, проклинает его, то высучивает, то издевается над ним, то горько, по-мужски рыдает в сознании неодолимости

этой силы». И сама любовь во многих айренах поэта — источник боли и страданий.

Спокойная медлительность созерцания жизни, присущая некоторым средневековым поэтам, не характерна для айренов. Им свойственны настроения мятежного беспокойства. Большой цикл составляют айрены о пандухтах — скитальцах.

Стихи Кучака о скитальцах, ушедших или угнанных в чужие края, полны горем одиночества, мучительным одиночеством жён и матерей.

Часто Кучак использует народную речь, мотивы и образы народной поэзии.

Поискам путей, которые могли бы вернуть человека в райское лоно, откуда были изгнаны прародители, посвятил свои поэмы «Адамова книга» и «Книга рая» Аракел Сюнеци (ок. 1350 — 1425).

В поэтическом наследии Сюнеци не всё равноценно. Порой его увлекали формальные задачи, он прекрасно владел техникой стиха и как бы щеголял своим умением. Одно из стихотворений Сюнеци написано в форме сложного акростиха, который я бы назвал многоступенчатым. В стихотворении 39 строф. Начальные буквы первых строчек 36 строф производят армянский алфавит. (Подобный тип акростиха встречается, как мы знаем, ещё в VII веке). Начальные буквы последних строчек 37 строф воспроизводят имя автора и тему стихотворения — «О лучезарных цветах». Начальные буквы вторых строчек всех 39 строф составляют двустишие, а начальные буквы третьих строчек образуют ещё одно двустишие. Таким образом получается рифмованное, строго выдержанное ритмически четверостишие, вписанное в стихотворение в виде акростиха:

Ты — лучезарное, цветущее дерево,
Если догадаешься, что здесь сказано (скрыто).
Догадавшись, просветишься душой
На светлом, лучезарном лоне.

(Подстрочный перевод)

И так как только недавно исследователь творчества Сюнеци Аршак Мадоян прочёл зашифрованный акростих поэта XIV — XV веков, то, следовательно, словно бы именно к нему, Мадояну, обращены стихи о лучезарном, цветущем дереве...

Сила и привлекательность лучшего произведения Аракела Сюнеци, его «Адамовой книги», в том, что он, воспользовавшись известным библейским преданием о грехопадении Адама и Евы, изобразил муки человеческие — душевное потрясение своих героев.

«Адамова книга» контрастна по мысли, по краскам, ибо контрастен самый материал книги — рай и ад, душевная чистота и грехопадение. Свет как символ чистого, возвышенного, божественного восходит к раннехристианской поэзии, к шараканам. Рай для Сюнеци — традиционно изображаемое царство света. Адам и Ева одеты в свет, и тела их, по слову поэта, как приемлющий свет бриллиант... И чем светлее жизнь прародителей в раю, тем она греховнее и мучительнее на земле, где им надлежит в поте лица своего добывать хлеб свой. Заслуга Сюнеци в том, что он развил библейский сюжет, создал характеры, душевно смятенные, буруеваемые сомнениями. Изгнание прародителей из рая воспринимается в изображении Аракела Сюнеци как трагедия неправильно прожитой жизни, трагедия невосполнимых утрат.

Мысль о быстротечности жизни, которую надо прожить не бессмысленно, особенно сильно выражена в мрачном до безысходности стихотворении Керовбе (конец XV в.) «Горе несчастному мне...». Человек смертен, и это должно быть ему предостережением, призывом творить добро, не осквернять свою душу грехами. Ованес Тлкуранци, поэт XIV — XV веков, нашёл стихотворную формулу этой идеи, кстати сказать, довольно распространённой в христианском мире:

Коль не было б мужей, что грешных нас
Предостеречь хотят святым писаньем, —
Смерть и без них была бы всякий раз
Остережением и напоминаьем...

Стихотворение Ованеса Тлкуранци «Коль не было б мужей...» выходит за рамки христианско-дидактической морали. В нём ясно обозначены раздумья поэта о жизни и смерти в характерном для народного творчества философском ключе:

Не одного я видел удалца, —
Теперь они давно лежат в могилах,
И даже муравья согнать с лица,
Ходившие на львов, они не в силах.

В средневековой армянской поэзии нередки случаи, когда в стихах переплетаются два влияния — христианских идей и народной мудрости. Эти влияния скрещиваются, на мой взгляд, в стихотворении Мкртича Нагаша (XV в.) «Суета мира»:

Не собирай земных богатств — с огнём в очах:
Одет и сыт? Доволен будь! — иное — прах!

(Пер. В. Брюсова)

Двусторонне отмечено влиянием народной философии, народного понимания жизни, хотя стихотворение Нагаша в целом — это сентенция в Духе христианства о суетности мира. Народное миропонимание отчётливее выразилось в стихотворении М. Нагаша «О жадности». Здесь поэт обличает человеческие пороки не столько с точки зрения виновности людей перед богом, сколько исходя из реальных, основанных на законе чистогана, хищнических отношений между людьми:

Один болтается в петле, другой сидит в тюрьме сырой,
А те пропали с головой, — всё из-за жадности людской.

Цари садятся на коней, цари воюют меж собой,
Гоня покорных на убой, — всё из-за жадности людской.

(Пер. П. Панченко)

Обвиняя во всём человеческую жадность, поэт считает причину (жизненные, классовые противоречия) следствием, а следствие (страсть к накопительству) — причиной, но, главное, им замечены противоречия современного ему мира.

Тема защиты родной земли была во все времена актуальной. Она была актуальна и в Армении XIV — XV веков, когда дикие племена завоевали страну и вели между собой войны, вконец разоряя землю и народ.

Сохранились об этом тяжёлом времени сведения очевидцев, переписчиков рукописей, Переписчики в конце рукописи, над которой они трудились годами, делали так называемую памятную запись. Они рассказывали о себе, об исторических событиях, очевидцами которых были, комментировали виденное и пережитое. В этих записях, приложенных к уже известным книгам, скажем, к Библии, звучал живой человеческий голос. Памятные записи образовали в средневековой письменной культуре Армении своеобразный жанр. Они изданы и исследованы Л. Хачикяном.

Переписчики рукописей часто выступали в роли летописцев. Порой «Памятные записи» делались в стихах.

Пусть возопит истошный глас
О том, как попирают нас,
Как безграничны наши беды,
Как нас господь обрѣк страдать,
Как в руки чужеземцев предал,
Пустил на нас чужую рать, —

читаем в одной «Памятной записи XV века».

Земля армянская на протяжении всей своей истории подвергалась нашествиям. Войны, навязанные народу, опустошали и разоряли страну. Ованес Тлкуранци посвящает свою «Песнь о храбром Липарите» герою, сражающемуся с врагами отечества, но вероломно преданному своим же царём. Липарит — героическая личность с трагической судьбой. Описываемые Ованесом Тлкуранци события произошли в 1369 году. Патриотический подвиг Липарита не был забыт, о нём были созданы народные сказания, ему посвящены стихи. Поэма Тлкуранци — призыв защищать родину. Тлкуранци осуждает предательство, зовёт к объединению сил. «Песнь о храбром Липарите» характеризует её автора как гражданина и поэта-патриота.

Ованес Тлкуранци — автор страстной и многокрасочной любовной лирики. Он, словно изжаждавшийся любовник, которого угнетала немота, одаряет любимую эпитетами (я здесь воспользуюсь стилем Тлкуранци) яркими, как огонь, горячими, как солнце, и нежными, как луна.

Я такое увидел впервые.
Очи — словно волны голубые,
Волосы — как нити золотые,
Брови — ночи зимней чернота...

Слово обладает свойством меркнуть от обилия эпитетов и красок. Но у Тлкуранци много чувств и немного слов, он не напевает, не нашёптывает любимой о своих чувствах, он кричит ей о своей страсти:

О! сердце ты моё сожгла, чтоб углем брови подвести.
О! кровь мою ты пролила, чтоб алый сок для ног найти.

(Пер. В. Брюсова)

От неразделённости чувств стих у поэта нервный, мятущийся, а «огонь любовный» от этого разгорается ещё сильнее. Ованес Тлкуранци не прошёл, конечно, мимо специфического арсенала восточной поэзии:

За твой поцелуй отдам Хорасан,
Абаш и Дели, Емен, Индостан.
Цена твоих кос — Китай и Яздан,
Стамбул и Хата — всё обилие стран.

(Пер. С. Спасского)

Ованес Тлкуранци — один из открывателей этого традиционного приёма восточной поэзии. Существует легенда о завоевателе Тимуре, который прочёл в стихах о том, что поэт Хафиз готов отдать за родинку любимой Самарканд и Бухару, прочёл и возмущен, ибо поэт не был обладателем городов, города принадлежали ему, Тимуру. Но любовь, а значит, и города, и вся вселенная всё-таки принадлежали поэту.

Армянская лирика XVI века открывается поэзией Григориса Ахтамарци. В любовных стихах, принесших ему славу, он развивает традиции Ов. Тлкуранци. Стилистически его стих ещё более красочен, чем у предшественников, и перенасыщен эмоциями. Валерий Брюсов

верно писал о стихотворении поэта «Песня» («Весна пришла! Весна пришла!..»): «Эта пышная поэма, насыщенная напряжённостью страсти, по-восточному цветиста и сама похожа на горсть самоцветных камней, отливающих всеми цветами радуги».

Изобретательность Ахтамарци не знает границ. Когда надо воспеть любимую, он находит всё новые и новые образы. Возлюбленная поэта — ладан, живой цветок, жемчужно-светлая звезда, кипарис, янтарь, сандал, цветок апельсина, пальма, свежий росток шафрана, фиалка, мускус, нарцисс, беспорочный изумруд, золото, серебро... Нельзя поэту отказать в утончённости мысли и в художественном такте. При таком количестве слов-образов стих его не приторен.

Мы знаем, что Григорис Ахтамарци также писал стихи, в которых была заключена аллегория. Его стихотворение «Песнь об одном епископе» воспринимается и как рассказ об одной жизни, и как характерное для Армении XVI века изображение переменчивости жизни вообще, неуверенности в завтрашнем дне, ибо любой час может стать часом последним.

«Песнь...» — это монолог епископа о неудавшейся жизни, о той печальной истине, которая стала пословицей: «Когда дом построен, в него входит смерть».

Епископ разбил сад, взрастил виноград, гранаты, розы, и ещё не собран урожай, вино ещё не выпито, ещё не раскрылись розы, а ему говорят: уйди из сада.

Опустошил я горный скат, —
Камнями защитил свой сад,
Собрал колючки для оград —
И слышу: встань, покинь свой сад!..

(Пер. В. Брюсова)

В этих стихах нет и следа известной христианской доктрины о том, что земная жизнь ложна, что она лишь преддверие жизни вечной. Всё стихотворение Ахтамарци пронизано щемящей, острой любовью к жизни земной.

«Песнь об одном епископе» стилистически менее «восточна», она написана сдержанно, без обилия красок, характерных для других стихотворений Ахтамарци.

В армянской действительности средних веков исторические катастрофы сменялись одна другою. Роковым оказался для Армении XVII век. В 1604 году персидский шах Аббас I насильственно переселил армян в Персию. Обезлюдели армянские города и сёла. Как сообщает историк XVII века Закария Канакерци, «осталась страна Араратская пустынной и безлюдной». «Поэтому, — продолжает историк, — в стране размножились звери, устроили себе логово в сёлах и плодили там детёнышей. И были звери те: барс, медведь, гиена, волк, куница, ёж и другие подобные им, крупные и мелкие. И не осталось человека, чтобы прогнать их, и они смело и бесстрашно бродили всюду. Но смелее других зверей были волки...».

Однако как бы ни приходилось худо, люди жили (в безвыходные, казалось бы, времена выживали) и думали о будущем. Чем труднее была жизнь, тем больше люди дорожили ею и тем с большей решимостью боролись за неё. Исторический пессимизм всегда был чужд народу. Поэтому в XVI — XVII веках, так же, как и во все времена, писались стихи, полные радости бытия, стихи, говорящие о жизненной активности их создателей. Думается, не случайно поэт XVI — XVII веков Нерсес Мокаци написал стихотворение о споре Неба и Земли и решил этот спор в пользу Земли:

И Небо в гордыне смирилось,
И Небо Земле поклонилось...
И вы, неразумные дети,
Скорее на этом свете

Воздайте Земле почёт!

Не следует преувеличивать значения этих стихов, но призыв поэта воздать Земле почёт и его мысль о превосходстве Земли над Небом стоят того, чтобы их упомянуть.

Из армянских поэтов позднего средневековья владел сатирическим стихом Мартирос Крымеци (XVII в.). Века иноземного гнёта способствовали процветанию в армянской действительности «деятелей», прежде всего думающих о чреве своём. Тип такого «деятеля», равнодушного решительно ко всему, кроме живота своего, высмеивает Мартирос Крымеци в стихотворении «Иерей Симеон». (Позднее, в XIX веке, этот же тип вновь станет объектом сатиры армянских писателей, в частности популярного во второй половине XIX века гражданского поэта Рафаела Патканяна).

Мартирос Крымеци обращается к фольклору, но это поэт, для которого важны традиции письменной литературы, тогда как уже для Наташа Овнатана (1661 — 1722) главное — фольклорные традиции. Это, конечно, не значит, что Овнатан, как и Саят-Нова, игнорировал богатейшую поэзию предшественников. Речь идёт о том, какая тенденция сильнее выразилась в творчестве того или иного поэта.

Народные певцы — гусаны или ашуги (так называют поэтов, слагающих песни в традициях фольклора) — всегда были популярны в Армении. Исследователь так называемой ашугской поэзии Гарегин Левонян составил список армянских поэтов-ашугов за тысячу лет. В его списке около четырёхсот имён! Понятно, что только отдельные наиболее выдающиеся поэты-ашуги удостоивались признания.

Овнатан, как Тлкуранци и Ахтамарци, — автор по преимуществу любовных стихов, написанных в традиционном ключе, когда стих строится на нанизывании образов, рисующих красоту женщины (и обязательно необыкновенную красоту), говорящих о страсти (тоже необыкновенной) и муках любви (исключительно тяжких, невыносимых). Характерность поэзии Овнатана в том, что стилистически и лексически его лирика более народна по сравнению с поэзией предшествующей. Он часто пользуется готовыми, постоянными эпитетами ашугской поэзии и достигает многого за счёт того, что не раз уже бывшие в употреблении слова-образы звучат в его песнях внове и, как протёртое стекло, передают чистоту и глубину света. Причём слова «свет», «чистота и глубина света» точно определяют отношение Нагаша к женщине. В «Песне о грузинских красавицах» он говорит, что от женщин — светло в глазах, — они излучают свет:

Их брови загнуты дугой,
В глазах чудесный луч такой!..

От них исходит звёздный свет, —
Кому грузинки не понравятся?

(Пер. П. Панченко)

Женщина и свет для Овнатана — синонимы. Он не устаёт об этом писать и не устаёт восхищаться этим чудесным светом:

Зажёгся нынче новый свет,
От милой слышал я привет...

Лик твой светлый, глаз твоих горенье
Смертных повергают в изумленье...

Мой озарило путь твоё сиянье,
Твой взгляд пронзил меня издалека...

Любимая, твой взгляд огнём лучится...

Брови — две светящихся дуги.
Милая, меня побереги...

Овнатан любит писать стихи о счастье, ничем ещё не омрачённом, о радости незамутнённой. Даже в стихах о неразделённости чувств и любовных страданиях его увлекает возможность сказать, как прекрасна любимая и как прекрасен свет (и белый свет, и свет, исходящий от женщины). Нагаш Овнатан в своей любовной лирике словно не замечает противоречий мира, и не потому, что он их не знает (Овнатан — автор и сатирических стихов, остро и смело высмеивающих всё, что отжило свой век), а потому, что он всегда поворачивался лицом к свету — его призвание утверждать жизнелюбивые чувства. «И розы пусть подарит брату брат...». Этот призыв Овнатана — ключ к его творчеству и к раскрытию его личности.

Позднее средневековье начинается, как известно, в XVI столетии, а завершается в первой половине XVII века. Это общепринятая периодизация. Но «в силу неравномерности развития ряда стран понятия «средневековая литература» и «литература средних веков» не идентичны».¹

Армянские поэты конца XVII и XVIII века, то есть нового времени, по существу продолжают и завершают средневековую литературу (идеи, стиль, тема, образы). Культурная жизнь в Армении не прекращалась, но веяния нового времени слабо проникали в поработанную, лишённую самостоятельности страну.

Поэтов XVIII столетия и такого выдающегося поэта века, как Саят-Нова, историки армянской литературы относят к культуре армянского средневековья.

Армянские поэты раннего средневековья писали на грабаре — древнеармянском языке. Уже в V веке это был язык богатый, литературно сложившийся. О богатстве грабара можно судить по переводу Библии, осуществлённому в начале V века. До сих пор этот перевод считается одним из лучших. С XII века грабар постепенно выходит из употребления и уступает свои права среднеармянскому языку, близкому к разговорной речи и общепонятному.

В XIII веке Ованес Ерзнкаци, а позднее Костандин Ерзнкаци, Фрик, Наапет Кучак, Ованес Тлкуранци, Григорис Ахтамарци и другие поэты писали свои стихи на среднеармянском языке.

В XVII — XVIII веках проблема литературного языка встаёт с особой остротой. Для нарождающейся новой армянской культуры был необходим единый, доступный для всех слоёв народа литературный язык. С этой функцией не мог к тому времени справиться и среднеармянский язык, который стал малопонятен, хотя по сравнению с грабаром был более доступен. И тем не менее некоторые деятели армянской культуры XVII — XVIII веков полагали, что надо вернуться к грабару. На грабаре писали Багдасар Дпир, Петрос Капанци, Григор Ошаканци и другие поэты и общественные деятели XVIII века. Усилия сторонников грабара оказались напрасны: культивируемый ими язык не мог привиться, хотя они старались писать на так называемом простом грабаре; вместе с тем литература, созданная в XVII — XVIII веках на грабаре, представляет безусловный интерес, хотя стихи и Багдасара Дпира, и Петроса Капанци, этих наиболее видных поэтов, писавших на грабаре, были «закрыты» для простолюдина.

Лирика Багдасара Дпира традиционна по своей тематике и общему настроению.

Исследователи лирики Дпира обращают внимание на его стихотворение «К мамоне», стихотворение именно по теме своей оригинальное для армянской поэзии той поры. Дпир задался целью разгадать, в чём власть денег, власть богатства. Он знает, как эта власть

¹ Литература Востока в средние века, М., 1970, с. 3.

сильна, как она гибельна, и пишет о мамоне с точки зрения народной морали, отказывающей этому страшному божеству в почестях, которые щедро воздают ему богачи.

И хоть ты, может, всех сильней,
Но всё-таки порой бывает,
Что и слабейший из людей
Тебя с презреньем попирает, —

такова заключительная, итоговая строфа стихотворения.

Учеником Багдасара Дпира принято считать Петроса Капанци. Капанци не был, однако, певцом любви, хотя, как пишет Шушаник Назарян, некоторые литературоведы ошибочно считали его автором преимущественно любовной лирики. Петрос Капанци прежде всего автор религиозно-нравственных, пейзажных стихотворений и патриотических песен. Правда, его аллегорические стихотворения о розе, о соловье воспринимаются как любовные песни — их скрытый смысл смутно улавливается. Любопытно, что некоторые стихотворения поэта имеют разъясняющий заголовок — «К почтенному народу моему с иносказательным обращением к Розе», «Вновь о Константинополе, воспетом в образах Розы и Соловья».

У многих, если не у всех средневековых армянских поэтов можно найти стихи о весне, о чуде обновления земли. Эта тема была очень популярна в средневековой поэзии. Нередко картина весеннего пробуждения мира вольно или невольно ассоциировалась с ожидаемым пробуждением и обновлением родной страны. Так написаны многие «весенние», пейзажные стихотворения Петроса Капанци.

Есть у Капанци стихи, освобождённые от колодок аллегории и прямо обращённые к народу, стихи, в которых свою личную судьбу он ставит в зависимость от судьбы народа:

Нет без тебя мне счастья, я безроден,
Без твоего участия я бесплоден.
На что я годен и кому угоден?
Я словно древо, где не зреет плод.

Капанци молит бога помочь его народу, он одержим идеей свободы, но язык его скован немотой грабара — стихи поэта не доходят до любимого народа, а бог, который, надо полагать, владел грабаром, всегда был глух к мольбам угнетённых и поправленных.

Последним великим поэтом армянского средневековья был Арутин Саят-Нова (1722¹ — 1795). Писал он на армянском, грузинском и азербайджанском языках. Саят-Нова — признанный поэт и в Грузии, и в Азербайджане.

В Тифлисе, у грузин, поборником любви
Тебя, Саят-Нова, назвали, говорят, —

сказано в одном из азербайджанских стихотворений поэта (пер. К. Липскерова).

В лирике Саят-Новы нам дороги интернационализм, идейная глубина и могучая нравственная сила. «Кто справедлив и чист в делах, я лишь того готов ценить», — пишет Саят-Нова (пер. С. Гайсарьяна). «Но у всех — душа: возлюби чужих, бедных возлюби, гостя возлюби», — поучает он (пер. В. Брюсова).

В песнях Саят-Новы широко и эмоционально отражена современная поэту действительность, контрасты которой жгли сердце и душу поэта.

¹ Дата рождения Саят-Новы уточнена Паруйром Севаком. См.: *П. Севак. Саят-Нова*, Ереван, 1969, с. 13 — 117 (на арм. языке).

Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетёт, мне стал не мил.
Кто взглянет — ранен. Язвы жар, что душу жжёт, мне стал не мил.

(Пер. С. Шервинского)

Поэт в разладе с миром и судит о нём не по царскому дворцу, где был ашугом, а по виду улиц, ибо он — истинный поэт народа. Воздействие лирики Саят-Новы на читателя, на уличную толпу всегда было велико.

Стихи Саят-Новы чрезвычайно образны. Он поистине чарует «жемчугами» речей. «Славословий моих, — говорил поэт о себе, — только слон мог бы книгу нести» (пер. К. Липскерова). Саят-Нова в ряде своих песен характеризовал своё творчество, неизменно подчёркивая образное богатство своей лирики:

Из дальних стран — безумец я! — для всех свой клад сюда принёс,
Рубинов рой — пусть ювелир свой косит взгляд — сюда принёс,
Товар индийский, что милей нам всех услад, сюда принёс.
С каких станков, каких шелков, какой наряд сюда принёс!

(Пер. К. Липскерова)

Поэт обращался и к традиционным образам армянской лирики (и вообще к щедрой образности восточных литератур, к образам песенного творчества народов Закавказья), и, разумеется, к образам самой жизни, питавшей его творчество. В этом буйстве образов и красок виден большой мастер, искусно повелевавший миром метафор и сравнений, в которых сливались поэзия жизни и поэзия воображения. Поэт сохранил самобытность при явной традиционности многих его стихов. Он, как писал С. Гайсарьян, «отлично чувствует различие в стилях и традициях». Поэт был во многом традиционен, по-восточному пышен, но гений его был не пленником, а властителем цветников восточной поэзии: «Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь себе» (пер. К. Липскерова).

Палитра Саят-Новы не знает обесцвеченных красок, стёртых образов. «У последователей и подражателей Саят-Новы многие особенности его поэзии выродились в условность: изысканная форма свелась к мёртвым повторениям, напевность — к пустой игре звуками, тонкая смена оттенков — к скучной монотонности содержания. Но у самого Саят-Новы всё оживлено и одухотворено силой подлинного поэтического гения», — писал В. Брюсов.

Поэт как подлинный новатор пользовался старым речевым материалом традиционной поэзии, в бесчисленных образах и сравнениях которой сходство явлений устанавливалось по ценности предмета («ты — лал цены безмерной, яр»), по уникальности («а ты, как редкостный товар, открыта взору в год лишь раз»), по внешней эффектности («ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах, красавица») и даже на вкус («ты гибко вытянула шею — сладка, как сахар, грацией своею»).

Саят-Нова опирался на творческое наследие прошлого и, понимая всю необходимость развития песенных традиций, воспевал стихию поисков: «Что мне помнить о минувшем! Новых берегов ищу» (пер. К. Липскерова). Обогащённый лирикой минувшего, Саят-Нова доводил до совершенства красочный язык поэзии образов:

Художники со всей вселенной пускай сберутся вокруг меня,
Индийский резчик пусть рассмотрит узоры, тонкость оценя.
Любуйтесь яхонтом, рубином, игрой их тайного огня.
Заворожат вас шёлк и бархат, и златоткань, к себе маня.
Искусно убрана, с умением, — не сыщешь худа — кладь моя.

(Пер. В. Звягинцевой)

Саят-Нова чувствовал, что возможности традиционной поэзии Востока исчерпаны. Он, этот армянский, грузинский и азербайджанский поэт, был её последним (я здесь воспользуюсь словами Генриха Гейне, сказанными им по другому случаю) и не «отрекшимся от престола сказочным королём», чувствовавшим, однако, необходимость реформ. Ведь и время было уже не то — на дворе был XVIII век!

При всей яркой живописности стиха Саят-Новы, в его песнях многое значили нюансы, выражающие малейшие движения чувств и настроений. Во многих песнях Саят-Новы звучат «оголённые» суждения, «прямолинейные» (как сказали бы мы теперь) признания, но стих не утрачивает своей эмоциональной тонкости и непосредственности, потому что он продиктован чувством, рождённым в глубинах души.

Есть у Саят-Новы стихи, обращённые к его литературным противникам, к тем, кто не понимал его творчества:

Отойди, чашей кровь ты мою не лей:
Люди знают, что я поценней камней.

(Пер. К. Липскерова)

Чувство правоты своего слова и святости своего призвания никогда не покидало поэта:

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьёв моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь, меня легко свалить: гранитна твердь основ моих!

(Пер. В. Брюсова)

Стихами Саят-Новы завершается средневековая армянская поэзия, особый смысл и особый вкус которой обеспечили ей достойное место в ряду литератур мира.

ЛЕВОН МКРТЧЯН

НАРОДНАЯ ЛИРИКА

ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПЕСЕН

РОЖДЕНИЕ ВААГНА

В муках Рождения пребывало Небо,
Пребывала Земля в муках Рождения,
В муках Рождения было и розово-красное Море.
Томила в муках Рождения
Красная Тростинка в Море.
Из горлышка Тростинки выходило пламя,
Из горлышка Тростинки выходил дым,
Из пламени выбегал огненно-русый Отрок,
У Отрока кудри из огня,
Борода — из пламени,
А очи у него — как два солнышка.

О ЦАРЕ АРТАШЕСЕ

Храбрый царь Арташес на вороного сел,
Вынул красный аркан с золотым кольцом,
Через реку махнул быстrokрылым орлом,
Метнул красный аркан с золотым кольцом,
Аланской царевны стан обхватил,
Стану нежной царевны боль причинил,
Быстро в ставку свою её повлачил.

.
Золотой дождь шёл на свадьбе Арташеса,
Жемчужный дождь лился на свадьбе Сатиник.

ВОСПОМИНАНИЯ АРТАШЕСА

Кто бы мне дал увидеть
Дым дымарей в январе,
И утро августа-навасарда,
И бег оленя,
И скачущую лань, —
А мы в трубы трубим
И бьём в барабаны,
Как пристало царям.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНЯ — МОЛИТВА СЕЯТЕЛЯ

Господи мой боже,
Пусть хлеб уродится.
Горсть я дам прохожим,
Горсть другую — птицам,
Третью горсть — нищим,
Пусть будет им пищей.
Пусть прохожие жуют.
Птицы божии — клюют.
Все, кто может, пусть берут.
Горя пусть вовек не знают.
Пусть посеянному мной
Этой раннею весной
Изобилья пожелают!

* * *

Ёр, ёр, ёр, ёр...
Наше поле между гор.
Меж высоких двух холмов,
Двух глубоких родников.
Мой лемех остёр, и в дышле
Пара сотенных волов!

Ёр, ёр, ёр, ёр...
Кто поставит мне в укор,
Что весной весь день пашу,
В летний зной траву кошу.
И затем, что недосужно,
На красавиц не гляжу.

Ёр, ёр, ёр, ёр...
На работу я востёр.
Утром вышел я, нашёл
Абрикоса крепкий ствол,
Смастерил для плуга дышло
И за плугом вслед пошёл.

Ёр, ёр, ёр, ёр...
Не женат я до сих пор.
Может статься, в этот год
Хорошо ячмень взойдёт.
Может, мать уговорю я:
Пусть невесту мне найдёт!

ОРОВЕЛ

Оровел. Оровел...
Вот рассвет зарозовел.
К борозде борозду
В чистом поле проведу.
Дай бог, чтоб я всё успел...
Оровел, оровел!

Сын — помощник, видит бог,
Как погонщик — слишком плох.
В борозду лемех вонзать
Глубоко,
Землю твёрдую пахать
Нелегко!
Много в мире трудных дел.
Оровел, оровел!

Оровел, оровел!
Словно камень мой надел.
Батогом волов огрею,
Хоть всего, чем я владею,
Я б за них не пожалел...
Оровел, оровел!

* * *

Вол, кормилец, поспеши,
Труд нелёгкий заверши.
Вспашем поле под пшеницу,
Станем господу молиться,
Чтоб о нас господь радел,
Дал пшенице уродиться,
Ороло-оровел!
Вспашем поле под пшеницу!

Мы с надеждой вспашем поле
И с надеждою прополем,
Лишь бы нас господь жалел —
Ниспослал бы влаги вволю,
Чтоб сам-двадцать иль поболе
Дал бы хлеба наш надел.
Ороло-оровел!
Лишь бы влаги было вволю!

Будем господу молиться,
Чтоб созревшую пшеницу
Зной и град не одолел,
Чтоб на жатве потрудиться,
Чтоб серпам не затупиться.
Ороло-оровел!

* * *

Денница, как счастливый знак,
Мерцает, нам желая благ.
Мы понимаем утра зов:
В ярмо впрягаем мы волов!

Мы даровых не ждём щедрот,
За сладкий плод — солёный пот.
Когда бы не волы да плуг —
Была пустыня бы вокруг.

Сжимая плуга рукоять,
Молитвы будем повторять.
Даёт господь рабам своим:
И день и дело вместе с ним!

Волы, я дам вам пить и есть.
Кормильцы, ваша доля есть
Во всём, что с поля мы потом
По божьей воле соберём.

Наш плуг врезался в глубь земли,
Мы ровно борозды вели.
Упорный труд, проворный труд
Превыше злата люди чтут.

К вечерне скоро зазвонят,
Мы скоро повернём назад,
И корма зададим волам,
И поспешим в господний храм.

* * *

Божьей волей плуг спустился.
С неба в поле вдруг спустился
И на пашне у реки
Вырвал с корнем сорняки.
Чтобы стала наша нива
Изобильною на диво,
Чтобы каждому дано
Было по трудам,
Чтобы пахарю — зерно,
Плевела — попам!
Чтобы яблочко — бедняку,
Чтобы девицу — батраку,
Чёрный клобук — чернецу,
Верёвку да сук — подлецу,
И чтобы бестии старосте
Было возмездие в старости,
Пусть у злодея знахаря,
Что порчу шлёт на пахаря,
Погаснет очаг.
Да будет так!

ПЕСНЯ ПАХАРЯ

Боже, боже, пощади,
От ненастья огради,
Нам нужна лишь малость —
Чтоб скорее позади
Пахота осталась!
Хоо!

Милые мои волы,
Знаю — сохи тяжелы.
Хоо!
Ну, а мне легко ль пахать,
Нажимать на рукоять?
Хоо!

Что взойдёт на поле нашем,
Если мы его не вспашем?
Хоо!

Вот жена ко мне идёт,
На плече кувшин несёт.
Хоо!
Сам поем и вам, волам,
Корма досыта я дам.
Хоо!

ПЕСНЯ ПАХАРЕЙ

Мы с первой зорькой встаём,
Идём работать в поля,
Простую песню поём,
Сердца свои веселя!

Тёмная ночь прошла,
Весел зелёный простор;
У бога много тепла,
Солнце встаёт из-за гор.

Идём! За дело пора!
В лесах нам птицы поют.
Богат, кто взялся с утра
На ниве за скромный труд.

Пусть долго спит богатей
И ждёт от других услуг.
Я сжился с долей своей,
Хоть ем только хлеб да лук.

У меня нет лишних забот,
Всегда беспечален я,
И пахарь песню поёт
Звучней, чем песнь соловья.

Едва проснётся богач —
Клянёт он участь свою;
Над жизнью, бедный, не плачь:
Такая же будет в раю!

Мы с первой зорькой встаём,
Идём работать в поля,
Песню простую поём,
Сердца людей веселя!

СОХА

Облегчи, соха, беду,
Сделай глубже борозду.
К беднякам не будь бездушной.
Что нам нужно? Хлеб насущный.

Давят нас долги, нужда,
Стала горькою вода,
Дети голодны всегда,
Не поможешь нам — беда!

К беднякам не будь бездушной.
Что нам нужно? Хлеб насущный.
Ты печаль мою развей,
Пожалей моих детей!

ПЕСНИ БОРОНОВАНИЯ

1

Тап-тап-тап-тап.
Вол-кормилец, ты не слаб!
Комья крепкие земли
Взбороним проворно,
Чтоб скорее проросли
Золотые зёрна.

Тап-тап-тап-тап.
Каждый выровняй ухаб.
Утром медлить не расчёт,
Топай веселее, —
Скоро солнце припечёт,
Станет тяжелее!

2

Эй, шагай ты прямо, а не в сторону,
Вол мой дорогой.
Комья разрыхляй, тани ты борону,
Вол мой дорогой.
Чтоб бугров и впадин не осталось,
Вол мой дорогой.

Чтобы всходам легче прорасталось,
Вол мой дорогой.
Ямы и бугры — зерну помеха,
Вол мой дорогой.
Не оставь ни одного огреха,
Вол мой дорогой!

СЕЯТЕЛЬ

Сеятель, наш хлебодатель,
Награди тебя создатель!
Без тебя, кормилец мира,
Было б холодно и сиро.

Люди от твоей горсти
Глаз не могут отвести.
Одичали бы поля,
Не будь тебя.
Наша вымерла б земля,
Не будь тебя!

За холщовый шейный твой платок
Стать бы жертвой нам.
За чувяки с огрубелых ног
Стать бы жертвой нам.
Да пошлёт благословенье бог
Всем твоим трудам!

ПЕСНЯ ПОЛОЛЬЩИЦ

Вот подул с Масиса ветерок,
Это значит — вечер недалёк.
Кончим мы прополку, и, быть может,
Каждой встретится её дружок.

Девушки, пусть нам не будет лень
Спины гнуть, не убегая в тень.
Всё, что заработаем за лето,
Может, сбережём на чёрный день.

Кажется, с утра сто лет прошло,
А на поле всё ещё светло.
Оглядишься — нет конца работе,
Не темнеет небо, как назло!

Хлопок, хлопок — низкие кусты,
Жёлтые и белые цветы.
Поля мы ещё не пропололи,
От его устали красоты.

ПЕСНЯ МОТЫЖНИЦЫ

В поле я работаю с утра.
Зной слепит глаза, печёт жара.
Стать бы жертвой за кушак любимого,
С украшением из серебра!

Мне земля подошвы изожгла,
Зноен день, мотыга тяжела.
К милому щекой своей румяной
Я прижалась, если бы могла.

Меж кустов кунжута я иду.
Пекло здесь нещадней, чем в аду.
Где же рай? — У милого в объятьях,
Коль в его объятья упаду.

Я сотру с лица солёный пот,
Боль, усталость — сразу всё пройдёт,
Я надену бусы и забуду
Про печаль, что сердце мне гнетёт.

Сада без цветов не бывает,
Розы без шипов не бывает.
Девушек красивых без дружков
И без женихов не бывает!

ПЕСНЯ КОСАРЯ

Ты свисти, коса, свисти!
Выше травам не расти.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Поспешайте, косари,
Начинайте до зари.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик!

Травы смочены росой,
Ровно лягут под косой.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Чтоб скосить траву скорей,
Вышло много косарей,
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Ты помашешь два часа,
И затупится коса,
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Эй, косарь, давай скорей,
Косу молотком отбей.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Чтобы честь по чести было —
Вот брусок и вот точило.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

Косовище укрепи,
Снова косу торопи.
Джан хыше джик-джик,
Джан хыше джик-джик.

Коль коса твоя остра —
И косьба твоя быстра.
Хыше джик-джик,
Хыше джик-джик.

ПЕСНЯ ЖАТВЫ

В чистом поле жарким днём,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Жнём мы дружно, в ряд идём,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Из нужды, а не в охоту,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп!
Жнём мы, не жалея поту,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Мы свою полоску сжали,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Все снопы заскирдовали,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Крикните, чтоб Мартирос,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Плова жирного принёс,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Кто отстал, тот виноват,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп!
Кто закончил — будет рад,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Жните все, покуда в силе,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Чтобы сытыми вы были,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

Все, как есть, сожнём мы жито,
Яр ле-ле хоп, ле-ле хоп,
Чтоб зимою есть досыта,
Джан ле-ле хоп, ле-ле хоп!

ПЕСНЯ ЖНЕЦА

Пусть дует ветер горный,
Чтоб я не так устал,
Чтоб серп в руке проворной
Быстрее пшеницу жал.

Как много раз случалось,
Что я не видел дня,
Что сердце обливалось
Кровью у меня!

Судьба, не будь жестока,
Чтобы я слёз не лил,
Врагов — которых много —
Чтоб я не веселил.

Ты, серп, ходи резвее,
Ты, ветер, с гор гуди.
Пусть голос твой развеет
Печаль в моей груди!

Чтоб я быстрее работал,
Чтоб на исходе сил,
И обливаясь потом,
Я горьких слёз не лил.

Чтоб улеглась тревога
И до скончанья дней
Чтоб я со словом бога
Растил своих детей

На пастбищах, на нивах,
Под бременем забот,
Нелёгкий, несчастливый
Так весь мой век пройдёт!

ПЕСНИ МОЛОТЬБЫ

1

Над землёй плывут облака.
Эй, мой вол, оровел, оровел!
Ветер дует издалека.
Эй, мой вол, оровел, оровел!

Все снопы отвезём на гумно,
Отделим от соломы зерно,

Солнце в тучи заходит неспешно,
Дело кончить пора бы давно.

Мы с зарёю сюда пришли,
С темнотою домой не ушли.
Солнце гаснет, и ветер на поле,
Дождевые капли закапали.

2

Вол, я говорю как другу —
Торопись, чтоб дело шло.
Поживей ходи по кругу.
Ороло, ороло!
Хо!

Мы разделим по-простому
Всё, что поле нам дало:
Мне — зерно, тебе — солому.
Ороло, ороло!
Хо!

ПЕСНЯ ВОЗЧИКА

Сто снопов — тяжёлый воз.
Вол другой его б не свёз.
За тебя, мой вол рогатый,
Жизни мне не жаль своей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Для тебя, дружище вол,
Я из жил постромки сплёл.
Не порвёшь ты их, рогатый,
Не сотрёшь и за сто дней.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Крепко я поставил ось,
Чтоб не шли колёса вкось.
Воз тяжёл, мой вол рогатый,
Но бывало тяжелей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Сноп, что с воза обронил,
Поднял я на зубья вил.
Эй, иди ровней, рогатый.
Ты спокойней — груз целей.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

Воз высок; чуть поворот —
Не усмотришь — упадёт.
Круто не бери, рогатый,
Будь ловчее, будь умней.
Потрудись, прошу как брата,
Не ленись, хей, хей!

ПЕСНЯ ЖЁРНОВА

Вертится жёрнов, вертится жёрнов,
Много зерна он смолот на веку,
Белые зёрна, белые зёрна
Он превращает в крупу и муку.

Нашей пшеницы зерно золотое
Жёрнов мгновенно в муку превратит.
В горло зерно ему всыпьте любое,
Всё раздробит, разотрёт, размельчит!

Зёрна гороха и зёрна пшеницы,
Зёрна бобов подавайте ему.
Жито в крупу и в муку превратится,
Гости придут — начиняйте долму.

Эй, отгребай, молодая, проворней,
Пусть красота твоя вечно цветёт!
Крутится тяжело грохочущий жёрнов,
Крутится жёрнов, дело идёт.

ПЕСНЯ КРЕСТЬЯНИНА

Лунный свет нам с испокон сладок,
Труженика крепкий сон сладок.
Ночь неторопливо убывает,
Звук свирели ей вдогон — сладок.
Травы в поле ветер обдувает.
Ласковый и добрый, он — сладок!
Слышно, как с горы поток стекает,
И его далёкий звон — сладок.
Где-то соловей поёт — рыдает,
Нам же соловьиный стон — сладок.
Всё в цветеньи, сад благоухает,
Каждый кустик и бутон — сладок.

МАЛЕНЬКИЙ ЗЕМЛЕДЕЛЕЦ

Солнце землю припекло,
Время пахоты пришло.
Чтоб зимою жить в достатке,
Я в ярмо запряг гусей,
В дышло — белых журавлей;
Взял на помощь для порядку
Воробья и куропатку.
В добрый час, паши и сей.
Всё вспахал я понемногу,
Всё засеял, слава богу!

Подошла пора полива,
Превратил глаза в родник,
Слёзы брызнули — и вмиг
Оросил поля на диво,
Завершил труды счастливо!

Вот и жатва уж близка,
Словно серп моя рука.
Я пшеницу сжал умело,
И, чтоб ветер не унёс,
Свил я свясла из волос,
Всё связал и кончил дело.
День прошёл — и сжата нива,
Завершил труды счастливо!

Дело новое припело:
Всё, что сжал, везти на ток.
На спине снопы сволок,
Уложил их все в рядок.
Завершил и это дело —
Молотьбы приходит срок.

Журавля на помощь взял,
Чтоб журавль колосья мял,
Чтоб на холке журавлиной
Восседал бы чибис чинный,
«Хелев-хелев» — погонял.

Дело вмиг завершено:
Тут солома — там зерно.
Через пальцы всё просеял,
Дунул я — зерно провеял.
Но забот ещё полно.

Жду я сборщиков налога.
Надо подати платить.
Надо ухо наострить,
Чтоб держались правил строго,
Чтоб не брали слишком много,

Но и это, слава богу,
Удаётся завершить.

Вот кручёные чулки
Превращаются в мешки —
Я ссыпаю в них пшеницу,
Хоть мешки и велики.

Заплатить хочу сторицей
Всем помощникам-друзьям:
И гусям и журавлям,
Чибису и прочим птицам
Справедливо, по грудам.

Что осталось — видит бог —
Я упрячу под замок,
Буду я муку беречь,
Чтобы хлеб зимою печь.

ПЕСНЯ ВЫПЕЧКИ ХЛЕБА

Хлеб печётся, я гляжу, хеп-хо-хеп!
Ты печёшь, а я сижу, хеп-хо-хеп!
Посижу ещё часок, хеп-хо-хеп!
Развяжу твой поясок, хеп-хо-хеп!
Развяжу его, а там, хеп-хо-хеп!
Я прильну к твоим устам, хеп-хо-хеп!
Щёки у тебя румяны, хеп-хо-хеп!
Груды твёрды, как шамамы, хеп-хо-хеп!
Месяц на небе всё выше, хеп-хо-хеп!
Плоски в нашем крае крыши, хеп-хо-хеп!
Клонит ночь тебя ко сну, хеп-хо-хеп!
Ты вздремни, и я вздремну, хеп-хо-хеп!

ПЕСНЯ МАСЛОБОЙКИ

Аист прилетел издалека — вот как,
Мы в ведро надóим молока — вот как,
Молоко заквасим и поставим — вот как,
Сделаем мацун, мацун оставим — вот как,
После будем бить мацун сбивалкой — вот как,
Будто нам его совсем не жалко — вот как,
Мы побьём, побьём его получше — вот как!
Из мацуна масло мы получим — вот как!
Гоп-леле,
Гоп-леле!

* * *

Ах, сбивалка, ты моя сбивалка,
Мне мацуна для тебя не жалко!
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Ты Бабкена угости
Маслом белым.

Дашь, сбивалка, масла нам немало,
Зря ль тебя я мыла, вытирала.
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Варсик-джан ты угости
Маслом белым!

Эй, моя сбивалка, бей проворно,
Будь всегда моей руке покорна.
Бей мацун, крути-верти,
Дело делай,
Бабку с дедом угости
Маслом белым!

ПЕСНЯ ВЕРЕТЕНА

Крутись, крутись, веретено,
Трудись, трудись, веретено.
Тебя благословил священник,
И плату попросил священник,
Но денег нет у нас давно.
Крутись, крутись, веретено,
Трудись, трудись, веретено!

Купец за шерсть заплатит честно.
Крутись, крутись, веретено!
У нас на выданье невеста.
Не обломись, веретено.

Придут за дочкою моею.
Крутись, вертись, веретено.
А что нам, бедным, дать за нею?
Трудись, трудись, веретено!
Пряди быстрее, ради бога,
Крутись, крутись, веретено!
Добра нам надо справить много,
Не покривись, веретено!

Лусик — хорошего бы мужа!
Крутись, веретено, быстрее.
Мы справим ей, бог даст, не хуже
Приданое, чем у людей.
Крутись, вертись, веретено,
Трудись, трудись, веретено!

ПРЯЛКА

Людям бедным — милость бога, прялка.
Многодетным ты — подмога, прялка!
Ты — спасительница хворых, прялка,
Для покинутых опора, прялка!
Ты для сирот — мать с отцом, прялка,
Для людей бездомных — дом, прялка!

Тонким голосом поёшь, прялка,
Шерсть керманскую прядёшь, прялка,
Песнь слагаешь как ашуг, прялка,
О печали, что вокруг, прялка.
Песню тонко пой в тиши, прялка,
Больними с моей души, прялка!

Ты пряди, пряди, пряди, прялка,
Много дела впереди, прялка!
От твоих трудов одежда наша,
На твои труды надежда наша!

Звёзды светятся давно, прялка,
А в моих глазах темно, прялка,
При тебе я, как раба, прялка,
Прясть всю жизнь — моя судьба, прялка!

Даже в час, когда ты спишь, прялка,
В голове моей шумишь, прялка.
Я с тобой и ты со мной, прялка,
Нитью связаны одной, прялка!
Ты жужжишь в тиши ночной, прялка,
Сон овладевает мной, прялка!

Пусть любимый мой придёт, прялка,
В сеть мою он попадёт, прялка.
Я пряду, мне не уснуть, прялка.
Милый отбыл в дальний путь, прялка.
Лягу, но не спится мне, прялка.
Хоть не сплю — он спится мне, прялка.

ПЕСНЯ ПРЯЛКИ

Пряди, крутись, колесо.
Ты мой алмаз, колесо.
Ты свет в тени, колесо.
Ты нить тяни, колесо.
Ты бедным брат, колесо.
Ты нищим клад, колесо.
Ты мой ашуг, колесо.
Мой верный друг, колесо.
Крутись быстрее, колесо.
Тоску развей, колесо.

ПЕСНЯ ЧЕСАЛЬЩИЦЫ ШЕРСТИ

Гребень привела в порядок.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Вам меня просить не надо,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит.

Гребень мой дороже злата,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Только им я и богата.
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу!
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит.

От овцы и от барашка
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Хоть работать мне и тяжело,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу!
Шерсть шершавая шуршит,
Надо много пыль кружит!

Гребень — кость и позолота,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу,
Нелегка моя работа,
Шерсть несите, расчешу, шерсть несите, расчешу.
Шерсть шершавая шуршит,
Надо мною пыль кружит!

ПЕСНИ ЛЮБВИ

* * *

Я высечен резцом
Из красного гранита,
Но я горю огнём,
Вся жизнь моя разбита.

Мой камень, мой гранит —
Неверная защита.
Душа моя горит —
Она не из гранита.

* * *

Склон вершины Мндзурской слишком крут,
Люди говорят — вода целебная
Там стекает в золотой сосуд
По извилистой трубе серебряной.

Как-то за целебной водой
Шла красавица с кувшином в гору,
И какой-то всадник молодой
К роднику подъехал в эту пору.

Он сказал: «Чтоб я не изнемог,
Чтоб от жажды не погиб безвинно,
Дай, красавица, один глоток
Мне отпить из твоего кувшина!»

Но в ответ и бровью не ведёт
Эта тонкостанная девица:
«Будешь ты не первым, кто умрёт,
Не успев воды моей напиться!».

Бедный всадник повернул коня
И сказал пред тем, как вдаль помчался:
«Я умру, и все, кто знал меня,
Пусть сочтут, что я и не рождался!».

ПОЦЕЛУЙ БЫЛ СЛАДОК

В летний день спускалась я с Гарманца,
За день я устала,
Очень я устала.
Сладкий запах роз и померанца
Жадно я вдыхала,
Жадно я вдыхала.

Спящего тебя я увидала,
И была я рада,

Как была я рада.
В губы я тебя поцеловала,
Спящего тебя поцеловала.
Поцелуй был сладок,
Поцелуй был сладок.

Будь благословенным, склон Гарманца,
Где попал ты в сети,
Где попал ты в сети.
Поцелуй был слаще померанца
И всего на свете,
И всего на свете!

* * *

Нынче вечером был я пьяным,
Нынче вечером был я пьяным,
Я стоял у входа в твой дом,
Я стоял у входа в твой дом,
Ты взглянула, всплеснула руками,
Я стоял, ты всплеснула руками,
Протянула мне чашу с вином.

«Не прошу я иной услуги —
Я молю: запиши меня в слуги,
Хоть рабом допусти к очагу!»
— «Нет, рабу я не буду рада,
И прислужников мне не надо,
Я лишь друга пустить могу!»

Обнялись мы с тобой, невинной,
Но раздался крик петушиный.
«Ах, предатель, ах, горлодёр!
За его оранье бесстыжее
Посреди ночного затишья
Нож ему, шампур и костёр!

Петуха за шею возьмём мы,
На костре его испечём мы
И поделим с тобой пополам.
Мы ему отомстим, как можем,
Ножки, крылышки — всё обгложем,
А из косточек сложим храм!»

«Ах, мой милый, мой бестолковый,
Храм с тобой мы построим новый,
И на радость обоим нам
Благовонный воскуришь ладан,
Купишь масла, нальёшь в лампы,
Будешь их зажигать по ночам!»

КАК МНЕ СПАСТИ ТЕБЯ?

Сгустилась мгла, недобрым стала знаменьем,
Любовь рекой была, а стала пламенем.
Влюблённого, она дотла сожгла меня.
А как тебя спасти от злой руки?
Ты — роза, ты роняешь лепестки,
Ты — роза, ты роняешь лепестки.
Чем помогу тебе я, нищий странник,
О роза, ты роняешь лепестки,
О роза, ты роняешь лепестки.
Я гибну от печали и тоски,
А не от острых стрел на поле брани!

Любовь тяжка, я изнемог от бремени.
Изгнанник я, без роду и без племени.
Не в пору я расцвёл, увял без времени.
Но как тебя спасти от злой руки?
Ты — роза, ты роняешь лепестки,
Ты — роза, ты роняешь лепестки.
Чем помогу тебе я — жалкий странник,
Я гибну от печали и тоски,
А не от вражьих стрел на поле брани!

ТЫ — МОЯ МИЛАЯ

Ах, почему ты, любимая, зла,
Что ж ты и знака не подала?
Мимо прошла, а кивнуть не могла,
Ты, моя милая!

Утром срывала ты розы в саду,
Ты ли не знала, что я тебя жду.
Что ж красовалась у всех на виду
Ты, моя милая!

Солнце сияло, и розы цвели,
Разве не знала, что ждал я вдали,
Самая лучшая роза земли —
Ты, моя милая!

РАСКРЫЛСЯ ЦВЕТОК

Раскрылся цветок
На крыше соседской,
На крыше соседской
Раскрылся не в срок.

Коль можешь помочь,
Заснуть помоги мне,
Заснуть помоги мне.
Не сплю я всю ночь!

Дари поцелуй мне,
Хотя б по субботам.
Дари поцелуй мне, —
Пусть кровь мне зажжёт он.

Хотя бы раз в месяц
Ко мне приходи,
Чтоб крепко прижаться
К горячей груди!

И коль повезёт,
Ты будешь дарить мне,
Ты будешь дарить мне
Детей что ни год.

* * *

Стан твой словно рукоять кинжала,
Вот ты вышла, вот у двери стала.
Изнемог я от любви к тебе,
А тебе, насмешница, всё мало!

Ты мне сердце жжёшь, тебе не жаль его.
Ты не сердце жги, сожги печаль его.

С гор бежит поток издалека,
Но водой студёной с ледника
Сердце остудить не удаётся:
Жжёт его любовь и жжёт тоска,

Ты мне сердце жжёшь, тебе не жаль его.
Ты не сердце жги, сожги печаль его.

* * *

«Ты не плачь, не плачь! — сказал бывалый
Попугай залётный птичке малой. —
Я тебя счастливою весною
В благодатный край возьму с собою.
В дальнем том краю с тобой вдвоём
На вершине мы гнездо совьём.

Тёплый ветер будет обдувать тебя,
Ночью звёзды будут озарять тебя,
В полдень солнце будет согревать тебя,
И тюльпаны будут окружать тебя».

* * *

Милая, ты в благодатном саду
Тонкими пальцами гроздь срываешь,
Взглядом случайным мне сердце пронзаешь,
Словом нечаянным грудь иссушаешь.
Ты ли не знаешь, что я тебя жду.
Что же ты медлишь — ведь жизнь быстротечна.
Юность даруется нам не навечно.

Белая роза средь красных одна,
Белая роза уже распустилась.
Что же ты медлишь, скажи мне на милость?
Сколько бы красных цветов ни раскрылось,
Белая роза, лишь ты мне нужна!
Что же ты ждёшь, ведь уйдут без следа
Юность моя и твоя красота!

* * *

Если на гору поднимешь ты взгляд,
Я над тобою — седой Арарат,
Вечен мой снег, но и снег растоплю я,
Каплю на плечи тебе оброну я.

Если под небом захочешь уснуть, —
Облаком лягу к тебе я на грудь.
В путь ты пойдёшь одинокой тропой, —
Буду я ветром лететь за тобой!

* * *

Ах, яр, ямман, ямман, ямман!
Ах, яр, причудница моя!
Наш дом — под грушею стоит,
Ваш дом — под грушею стоит.
Пусть поп ваш бороду спалит:
Хочу жениться — не велит.

Инжир — близ нашего жилья,
Инжир — близ вашего жилья.
Здесь — яр моя, там — яр твоя,
С дурнушкой — ты, с красоткой — я!

У нас — кувшины, сорок в ряд,
У вас — кувшины, сорок в ряд,
Пред каждым — чаши в ряд стоят.
«Коль пил — целуйся», — говорят.

Наш дом, ваш дом — рядком, рядком,
Мы в сад сойдём, травы нарвём,
С травой душистой, яр, пойдём

И в ясли травку отнесём.
Чья яр светлей других лицом?
Моя светлей других лицом!

Ах, яр, ямман, ямман, ямман!
Ах, яр, причудница моя!

* * *

Я повторять всегда готов:
«Не надо роз — они язвят,
Люби фиалку без шипов,
Её так нежен аромат.

Ты розу пышную нашёл?
Она увянет, — вот гляди!
Люби цветок, что не расцвёл, —
Он расцветает на груди!»

* * *

Ах, раствориться — и стать водой,
И покатиться — большой рекой,
Водой струиться, — ах! ключевой!
А яр пришла бы — налить кувшин,
Я прожурчал бы — в её кувшин,
С водой поднялся — ей на плечо,
Ей грудь облил бы — так горячо!

ПЕСНЯ НА ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ

Роза распустилась под Ваном в саду.
Господи! дорогу как туда найду!
Милая, малютка, скажи мне: ты чья?
Целый мир ответит: ты — моя, моя!

Роза распустилась, и петух пропел.
Милую в саду я утром подсмотрел.
Роза распустилась утром под росой,
Милая срывала розы пред собой.

Роза распустилась в Воскресенье роз.
Ты зажгла любовью рощу моих грёз.
Милая, малютка, скажи мне: ты чья?
Целый мир ответит: ты — моя, моя!

* * *

Как из яблок шербет — твой румяный лик!
Губы — мёд у тебя, и сахар — язык!
Голос твой — каманча, сердце жаждет — тебя,
Словно звёзды — твой взгляд, груди — сладостный сад!

Если в сад ты войдёшь, — как стан твой высок!
Поцелует тебе ноги каждый цветок,
Все деревья тебе отвесят поклон,
И стыдно луне блистать в вышине.

Как павлин ты идёшь, хороша и стройна,
В переливных цветах и ала и бледна.
Да какую из птиц с тобой сравнить?
И чайке морской не спорить с тобой!

ПЕСНИ ИЗГНАНИЯ

* * *

Что, красавица, плачешь в печали,
Совершилось какое из зол:
Лето ль кончилось — розы опали,
Час ли пробил — твой милый ушёл?
Не печалься: цветы не утрата —
Лишь наступят весенние дни,
Заалеют на грядках они
Даже, может, пышней, чем когда-то.
Если ж милый отправится в путь,
В край, откуда нам нету возврата,
Знай, слезами его не вернуть!

Я — НЕСЧАСТНАЯ ПЛЕННИЦА

Птица, я поймана, в клетке глухой заперта я,
Нету мне счастья с тех пор, как отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Пусть, как гусаны, мне песни поют попугаи.
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Я о наряде из перьев цветных не мечтаю.
Нету мне счастья с тех пор, как отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Пусть меня холят, зерном золотым ублажая,
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Мне во владенье не надо обширного края.
Нету мне счастья, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Пусть суетятся рабы, мне во всём угождая,
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Пусть вознесётся дворец, позолотой блистая,
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Если и вырвусь из клетки, бессильна одна я.
Счастья не будет, я, птица, отбилась от стаи.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Птице несчастной, не надо мне вашего рая,
Взвиться бы в небо, прибиться к взлетающей стае.
Сердце разбито моё, я — несчастная пленница!

Может, не так безнадежна судьба моя злая,
Может, за мною вернется родимая стая,
Может быть, в жизни моей всё ещё переменится!

ЖУРАВЛЬ

Отчего, журавль, ты в небе стонешь?
Нет ли вести из страны моей?
Чуть помедли, ты свой стан догонишь.
Нет ли вести из страны моей?

Ты спешишь, и ждут тебя в Халебе,
Но прошу, как о насущном хлебе,
Пожалей, скажи, летящий в небе,
Нет ли вести из страны моей?

Потерял давно я всё на свете,
Чем владел когда-то — не владеть мне.
О журавль, помедли и ответь мне:
Нет ли вести из страны моей?

Сам я выбрал путь неосторожно,
Изменить бы всё — да невозможно.
Зло вокруг, всё в этом крае ложно.
Нет ли вести из страны моей?

Как живу я? — спросят. — Понемногу.
Плачу я, клянусь свою дорогу.
Чем я плох, чем негоден богу?
Нет ли вести из страны моей?

Остаюсь для всех я посторонним,
Я привык к безверью, к беззакониям.
Всё вокруг отравлено зловоньем...
Нет ли вести из страны моей?

Я с тобой, журавль, гонец мой статный,
Весть отправлю в край мой благодатный.
Скажешь ты, пустившись в путь обратный:
Нет ли вести из страны моей?

Полетишь обратно от Багдада,
Твой прилёт мне будет как награда.
О журавль, мне так немного надо —
Нет ли вести из страны моей?

* * *

«Ручеёк немноговодный,
Ты откуда?»
— «Я с горы.
Снег растаял от жары
Нынешний и прошлогодний».

Ручеёк я отведу,
Напою цветы в саду,
Расцветут — свяжу в букеты
И любимому пошлю.
Мой любимый — бедный странник,
Он забыл в своих скитаниях,
Что я здесь его люблю.

Пусть вдохнёт он аромат,
Мой, быть может, вспомнит сад,
И моё поймёт он горе,
Затоскует сам и вскоре,
Может быть, придёт назад.

ПЕСНЯ БЕЗДОМНОГО

Сердце моё — что разваленный дом,
Груда камней над упавшим столбом,
Дикие птицы устроятся в нём.
Эх, брошусь в реку весенним я днём,
Пищей для рыб пусть я стану потом, —
Эх, бездомный ты!

Чёрное море, от пены бело,
Волны на волны, сражаясь, вело,
Море двояким пред взором росло,
В сердце моём так же мутно и зло,
Лучше бы вовсе его унесло, —
Эх, бездомный ты!

ЖАЛОБА КУРОПАТКИ

На горячем камне, вся в слезах,
Куропатка жалуется птицам:
«Ни в лесу дремучем, ни в горах,
Бедной птице, негде мне укрыться.

Где мне схорониться от врага,
Есть ли место на земле такое,
Есть ли в мире горы и луга,
Где б меня оставили в покое?

В нашем крае горы высоки,
Там орлы когтистые гнездятся,

На лугах расставлены силки,
Ждут стрелки, что я должна попасться.

Спрячусь я — стрелок меня найдёт,
Острый нож в его руке блеснёт.
Потечёт из горла кровь ручьём,
Обагрится грудь моя мгновенно,
Ножки тонкие мои ножом
Мне стрелок отрежет по колено.

Пёстренькие пёрышки мои
Ветер злой развеет по равнине,
Унесут их быстрые ручьи,
Вот и всё, и нет меня в помине.

Разнесётся белый мой пушок,
Улетит по ветру без возврата,
И любой ничтожный ручеек
На волнах умчит его куда-то».

КУРОПАТКА

Стоном оглашая лес,
В глушь забилась куропатка.
И спросил господь с небес:
«Что случилось, куропатка?»

— «У меня пропал птенец.
На вершине ль поднебесной
Или в пропасти отвесной
Отыскал он свой конец?..
Буря ли сосну свалила —
Моего птенца убила,
Или бешеный поток
Моего сынка увлёл?
Но с бедой не примирюсь я,
Полечу я поутру,
Отыщу сынка — вернусь я,
Не найду — сама умру!»

ПЕСНИ О ПРИРОДЕ

ПЕСНЯ О ВРЕМЕНАХ ГОДА

ВЕСНА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой весною приходят.

Надели зелёный наряд,
Надели зелёный наряд,
Надели зелёный наряд,
Над землёю кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от неё,
Раб умилённый творца.

ЛЕТО

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждым летом приходят.

Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Надели багряный наряд,
Над розой кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от неё,
Раб умилённый творца.

ОСЕНЬ

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что осенью каждой приходят.

Надели жёлтый наряд,
Надели жёлтый наряд,
Надели жёлтый наряд,
Над сушью кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,

Пой, сладкогласый, мне песнь,
Я без ума от неё,
Раб умилённый творца.

ЗИМА

Вновь прилетели те птицы,
Опять прилетели те птицы,
Снова явились те птицы,
Что каждой зимою приходят.

Надели белый наряд,
Надели белый наряд,
Надели белый наряд,
Над снегами кружатся, кружат.

Пой, соловей, свою песнь,
Пой, сизокрылый, мне песнь,
Пой, сладкогласий, мне песнь,
Я без ума от неё,
Раб умилённый творца.

* * *

«Как вам не завидовать,
Горы вы высокие!»
— «Что же нам завидовать —
Участь наша горькая:
Летом жжёт нас солнышко,
В зиму — стужа лютая!»

ПЕСНЯ АИСТА

Здравствуй, аист! аист-друг!
Ты вернулся, аист-друг,
Разлилась весна вокруг,
Веселей нам стало вдруг!

Милый аист, к нам спустись,
К нам на кровлю опустишь,
В нашем доме поселись,
Свей на ясене гнездо.

Я пожалуюсь тебе,
Ах, пожалуюсь тебе:
Много бед в моей судьбе,
Горе сердца — море бед!

Ах! когда ты улетел,
С нашей кровли улетел,
Ветер злой рассвирепел,
Иссушил цветы в саду.

Омрачился небосвод,
Помрачился небосвод,
Выпал снег, закрылся лёд,
И зима цветы смела.

От Варагских самых гор,
Ах, с Варагских самых гор,
Замели снега простор,
Холод выбелил поля.

Аист! здесь у нас в раю,
Всё занес мороз в краю,
Засушил и умертвил
Розу милую мою!

* * *

Белым снегом вершины покрыло,
Небо милость сменило на гнев.
Вот и осень сады оголила,
Вот и листья опали с дерев.

Я промолвил: «Чинары и вишни,
Смерть коснулась и ваших голов!»
И почудился голос чуть слышный
Из глубин оголённых стволов:

«Не жалея нас: весна ещё будет,
Увяданье для нас не беда,
Потому что деревья — не люди,
Увядающие навсегда!»

И прощальным окинул я взором
Всё, что знал и любил искони,
И неспешно поднялся я в горы,
Но под снегом молчали они.

Их вершины во льдах холодели,
И промолвил я в скорбный их час:
«Горы, горы мои, неужели
Смерть слепая коснулась и вас?»

И услышал я голос, который
Шёл откуда-то с дальних высот:
«Оживут ещё белые горы,
Всё ушедшее снова придёт.

Птицы пустятся в путь свой обратный,
Зажурчат водопады опять,
И цветения дух благодатный
Над вершинами будет витать.

Будет солнце, весна ещё будет.
Снег растает, пройдут холода,
Потому что и горы — не люди,
Умирающие навсегда».

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

ПЕСНЯ ОБЛАЧЕНИЯ ЦАРЯ

Над теми горами высокими солнце в зените.
Эй, люди, царю молодому одежду скроите.
Вы солнце на верх, а луну на подкладку возьмите,
Небесные звёзды по верху узором пустите,
Дождитесь, и дождик в иголки проденьте, как нити,
Отгладьте кафтан и в обновку царя нарядите!

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

1

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Зарю ли дам я, что займётся,
Займётся, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не солнце ль дам я, что засветит,
Засветит, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не радугу ли дам, что встанет,
Что встанет, с этим солнцем схоже?

2

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не бальзамин ли, что задышит,
Задышит, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не розу ль дам я, что заблещет,
Заблещет, с этим солнцем схоже?

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не гамаспюр ли, что не вянет,
Не вянет, с этим солнцем схоже?

3

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не абрикос ли, весь цветущий?
Цветите, с абрикосом схоже.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не виноград ли, плод дающий?
Давайте плод, с лозою схоже.

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не дуб ли дам я, крепко мощный?
Вы будьте мощны, с дубом схоже.

4

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не василёк ли дам пахучий?
Благоухай твоя царица!

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не дам ли жёлтый мак пахучий?
Благоухай твоя царица!

Царю что дам я, с ним что схоже,
С его зелёным солнцем схоже?
Не златоцвет ли дам пахучий?
Благоухай твоя царица!

СВАДЕБНАЯ ПЕСНЯ

С божьего благословения
Сел ты за праздничный стол,
Будь щедрым твоё цветение,
Будь крепок твой стройный ствол!

Пусть волей бога пречистого
И Крестителя Карапета
Зелёными, красными листьями
Покроется дерево это!

«Царь, что принести мы можем
На солнце твоё похожее?
Звезду принесём, что в полночь
Заблещет по милости божьей!»

«Царь, что принести мы можем
На солнце твоё похожее?
Зарю принесём, что под утро
Займётся по милости божьей!»

«Царь, что по милости божьей
Ещё принести мы можем?
Принесём цветок бальзамин,
На солнце твоё похожий!»

Нас не оставь, господь,
Нам помоги, спаситель.
Дух наш и нашу плоть
Ты укрепи, вседержитель!

«Пусть скажет — что хочет от нас
Царь, который наш пир возглавил?»
— «Соловья принесите тотчас,
Чтобы древо моё восславил!»

И тогда соловей влетел,
И по воле царя державной
Он владыку сперва воспел,
А потом весь род его славный.

«Царь, что хочешь ещё от нас,
Мы исполним просьбу любую!»
— «Чтоб восславить мой род, тотчас
Приведите мне лань степную».

Лань степную тотчас привели
В золотые царёвы чертоги.
И склонилась она до земли,
И упала владыке в ноги.

И ни слова не говоря,
Только взором своим и смиреньем
Лань восславила род царя
С достославным его окруженьем.

«Царь, что хочешь ещё от нас,
Только слово скажи, повелитель!»
— «Вы ягнёнка сюда тотчас
Златорунного приведите!»

Златорунного агнца ввели
В золотые царёвы чертоги.
И склонился он до земли,
Повалился владыке в ноги.

И ни слова не говоря,
Только взором своим и смиреньем
Он восславил весь род царя
С достославным его окруженьем.

«Чтоб тебе умножалась хвала,
Что ты хочешь ещё, повелитель?»
— «Тотчас Каменного Козла,
Чтоб восславил меня, приведите!»

Тут же Каменный тот Козёл
Появился в царёвом чертоге.
Он восславить царя пришёл,
Повалился владыке в ноги.

«Царь венчанный чего б ни спросил,
Мы исполним желание любое!»
«Я хочу, чтоб восславлен был
Род мой праведною пчелою».

И тогда впустили пчелу.
И она государю в угоду
Принесла сладчайшего мёду,
Прожужжала она хвалу
И царю и царёву роду.

«Царь венчанный, мы слова ждём,
Чем тебе угодить, скажи нам?
Быть стволу твоему миндалём,
Стройной пальмою быть, инжиром!

Ты не знай никакой напасти,
Вкруг тебя друзья и родня,
Вкруг тебя веселье и счастье,
Как в раю после Судного дня!

Ты хвалы принимаешь по праву.
Пусть вовек ты не знаешь беды.
Дай, господь, тебе счастья и славы,
Но и нас одари за труды!

Ты, венчанный, наш царь молодой,
Награди славословие наше.
Пусть нам вынесут полные чаши
И подносы с горячей едой!»

БЕТ ДИЗАН

(Свадебная песня)

«Бет дизан, а это кто,
Скажи нам, пожалуйста».
— «Бет дизан, бет-бет дизан,
Это сельский староста».

— «Бет дизан, бет-бет дизан,
Кто, скажи нам, это?»
— «Бет дизан, бет-бет дизан,
Это — вардапеты».

— «Бет дизан, а это чьи
Клохчущие клушки?»
— «Эти клушки, бет дизан,
Наши молодушки».

— «Чьи же это, бет дизан,
Птицы без насеста?»
— «Эти птицы, бет дизан,

Девушки-невесты».

— «Что за псы пришли в ваш дом,
И зачем их много?»

— «Это псы с большим мешком
Сборщики налога».

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

* * *

У меня ль невеста есть,
Жениху прямая честь,
У меня ли дочка есть кудрявая,
Справлю свадьбу на славу я,
Посреди зелёных свеч,
В кудрях с лентами до плеч.
Девочка руками двигает,
Девочка в постельке прыгает.
Я кому её отдам?
Принцу я её отдам,

А в приданое я дам — сто карет
С платьями, каких нигде — краше нет,
Дам покрыться ей — узорчатый платок,
Дам чесаться ей — янтарный гребешок,
Дам одеться ей — серебрян поясok,
Дам обуться ей — сафьянный башмачок,
Всё, что в доме есть, — от крыши по порог.

* * *

Баю-бай, идут овечки,
С чёрных гор подходят к речке,
Милый сон несут для нас,
Для твоих, что море, глаз,
Усыпляют милым сном,
Упоют молоком.

Баю-бай! Христос с тобой,
Богоматерь над тобой,
Богоматерь над тобой,
Чтобы ты тихонько спал,
Чтоб в постельке ты лежал,

Богоматерь — мать твоя,
Сын её — хранит тебя.
В церковь божью пойду,
Всех святых я попрошу,
Чтоб Распятый нас хранил
И тебя благословил.

* * *

Колыбель качает южный ветер.
Песню напевает южный ветер.
Лань степная молока
Своего
Не жалеет для сынка
Моего.
Солнце над сынком моим светило,
Днём оно сыночку нянькой было.

«Зегзегун» — поёт ночной
Ветерок,
Чтобы крепко спал родной
Мой сынок.

* * *

Щёчка у тебя бела,
Родинке на ней — хвала!
Дочь я на руки взяла,
В розовый цветник пришла.

Алые сорву цветочки
Для моей любимой дочки.
Пусть не розе соловей —
Доченьке поёт моей.
Златотканый твой наряд
Пусть людской чарует взгляд.

Воробьи и куропатки
Пусть с тобой играют в прятки,
А пока бы на замок
Запереть твой язычок.

* * *

Наша доченька мала,
Розу дочка сорвала:
Доченьке по воле бога
Будет долгою дорога.

Пролетит за годом год.
Будет жизнь её как мёд.
Платье из парчи сошьёт
Наша дочка,
Удальца себе найдёт
Наша дочка!

* * *

Что за мать тебя породила?
Породила тебя и вскормила?
Лань степная тебя родила,
Соколица тебя принесла,
Солнце в небе тебя согревало,
А луна тебе грудь давала,
Ветром люльку твою качало,
Пел он песню: «Баю-баю!»
Словно в крапинках одеяло,
Небо звёздное укрывало
Колыбельку твою!

* * *

Баю-баю, кончается день,
От деревьев склоняется тень.
Над моею дочуркой, деревья,
Спойте песенку, если не лень!

* * *

Баю-баю, Орсагюль,
Спи, родная Орсагюль!

Твой свивальник — листик тонкий.
Лист большой — твоя пелёнка.
Лист ольховый — покрывало.
Лист кленовый — одеяло.

Месяц сон твой озаряет,
Ветер колыбель качает.
Если дождик литься будет,
Если доченьку разбудит, —
Пожалею дочь свою,
Слёзы горькие пролью.

* * *

Дочку, что досталась нам,
Дочку, что стройней чинары,
Никому я не отдам:
Нет ей подходящей пары,
Хоть и выложит жених
Десять тысяч золотых!

Нашу дочь полюбят все,
Кто бедны и кто богаты,
К нам наедет больше сватов,
Чем волос в её косе.
Что я дам за ней приданым,

Не свезти ста караванам.

Пусть все сваты прочь идут,
Распротысь с пустой надеждой.
Если всё ж тебя возьмут
И из дома увезут, —
Как мне жить, осиротевшей?

* * *

Соловей под горой,
Твой отец под землёй;
Твоя люлька — камыш
Да пещерная тишь.

Ветер ночной качает тебя,
Баюкают звёзды, мерцая тебе.
С гор коза молоко принесёт,
Ты ж расти и цвети, стань большим.

Бай-бай, малыш, бай-бай, дитя,
Лилия на розовой щеке,
Бай-бай, цветок, бай-бай, сынок,
Люлька на чистом стоит ветерке.

Коза бы дала молока,
Шептала б луна над тобой,
Солнце бы дало покой,
Бай-бай, дитя моё, бай-бай,
Бай-бай, цветок мой, бай-бай.

ПЛАЧИ

ПЕСНЯ О КНЯЗЕ МОКСКОМ

День пятый тот —
Канун суббот.
В Малакяве пьём, веселясь.
Из Джезире гонцы, явясь,
Письмо несут, к тебе стремясь,
И прямо в руки, Мокский князь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

В письме как будто мёда сладь,
Боль сердцем пронеслась,
Скосил глаза он, ртом кривясь,
Сошла со щёк румянца власть,
Как жаль тебя, о Мокский князь!

Велит слуге прийти с конём,
Тот серый конь — не конь, а гром
Под перламутровым седлом.
«Послом поеду я, гордясь».
Как жаль тебя, о Мокский князь!

До Чамбаре уже домчась,
Он видит: женщины тотчас
Все у окон, глядят, смутясь,
Его красе большой дивясь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

До Джезире доехал князь,
Пришёл весь город, встал, теснясь,
О, Мокский князь,
Один ты стоишь всех, явясь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!

Ты проклят будь, Колот-паша,
Длинноволосый, в чём душа,
К себе повёл он, не спеша.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Брал деньги, шёл он на базар,
Купил арбуз, как будто в дар,
Ножа отравленный удар...
Кусок, в котором яд живёт,
Он князю Мокскому даёт.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Князь на коня сел, как всегда,
Пришла беда:
Отвисла челюсть, глаз — слюда,
Вся выпадает борода

И волос с красных щёк тогда,
Усы — с губ нежных — без следа;
Не пот, а жёлтая вода.
Будь тебе пусто, Колот-паша!

К ущелью Хынку доберясь,
Добром до Хынка доберясь,
Мы видим: гроб несут, теснясь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

До Барнашена доберясь,
Благополучно доберясь,
Носилки двигались, трясясь,
Кувшин подвешен к ним, искрясь,
За каплей капля — в землю кровь.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Несите весть в Малакяве,
Там ждёт невеста, с нею зять,
Чтоб танец тризны начинать.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Несите весть в Малакяве,
Хозяйке — крепости главе,
Оставит трон пускай она,
В одежды мрака облачась.
Ей больше власть не вручена.
Как жаль тебя, о Мокский князь!
Будь тебе пусто, Колот-паша!

Дошли уж до Малакяве,
Посреди города идут,
Налево пляшет зять, правей
Невеста тоже пляшет тут.
Скажите матери с отцом:
Дорогую Назлухан
Пусть замуж выдают.

Пришли, собрались мокцы все,
Ко трупу князя подошли;
Труп между скал кладёт народ,
Открыли с юга ветру ход.
Людям привет —
Тысячу лет.
Дорогую Назлухан
Пусть замуж выдают.

* * *

Пришла я, но очи твои не видят,
Зову я, но уши твои не слышат,
Что мне сделать, чтоб ты увидал меня,
Что мне сделать, чтоб ты услышал меня?
Чтобы кто-нибудь сердце моё больное
Уврачевал бы целебной травой?

Серп, что был у тебя в руках,
Выпал из рук, коса затупилась,
И вошёл в мою душу страх.
Горе в сердце моём поселилось.
Если б могла, я по собственной воле
Стала бы жертвой за старый твой плуг,
Стала бы жертвою за мозоли
На ладонях натруженных рук.

Муж мой, отдыха днём не знал ты,
Ночью работал, глаз не смыкал ты!
Ах, луна моя тучей закрылась,
Солнце ясное закатилось!

* * *

Был ты жемчугом, мог блистать,
Нить порвали — как жемчуг собрать?
Подойдите же, соберите,
Нанижите на нить опять!

ПЛАЧ ПО РЕБЁНКУ

Знаю, что плакать теперь бесполезно,
Дитя моё джан.
Красное солнце, упавшее в бездну,
Дитя моё джан.

Листик, сорвавшийся с ветки зелёной,
Сыночек мой джан,
Рекою весеннего унесённый,
Сыночек мой джан.

Всласть ещё на земле не поживший,
Сыночек мой джан.
Сердце моё тоской растравивший,
Сыночек мой джан.

За тобою, мой месяц яркий,
Сваты странные снаряжены.
Кумовья пришли без подарков,
Дружки хмурые — без зурны.
Эти сваты из дальнего города

Средь людей отыскали тебя
И надели рубашку без ворота,
В дом без окон взяли тебя.

ПЛАЧ МАТЕРИ

Скажи мне, сыночек милый,
Что у тебя болит?
Я позову экима,
Он тебя исцелит!

Сыночек, месяц мой светлый,
Что ты лежишь недвижим?
Лучше бы мне ослепнуть,
Чем видеть тебя таким!

Дерево золотистое,
Которого нет нежней,
Наземь осыпались листья
С поникших твоих ветвей.

Сыночек мой несравненный,
Тонкий пальмовый ствол.
Как ты увял мгновенно,
Как ты недолго цвёл!

Кого должна умолять я,
Чтобы не брали тебя,
Чтоб из моих объятий
Не вырывали тебя?

Сын мой, птенец крылатый,
Я ль не любила тебя?
Я ли в том виновата.
Что упустила тебя?

Мой попугай красивый
Песню свою отпел.
Милый мой, сладкоречивый,
Что же ты онемел?

Сын мой, ягнёнок мой белый,
На этой земле с людьми
Одной мне нечего делать,
С собою меня возьми.

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ — МАТЕРИ

Твой не мёртв, не мёртв сынок:
Розы он сорвал цветок,
Положил себе на грудь, —
В сладком запахе заснуть!

ПЛАЧ ВДОВЫ

Храбрым соколом взлечу
И к окошку прилечу,
Плачем в дом я постучу,
Чтоб стал сон не по плечу.
«Чтоб ни ты, ни я, — вскричу, —
Ночь не спали б, — так хочу!»

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ НАД МОЛОДЫМ

Понесём тебя мы — хоронить в саду.
Мы просеем землю через кисею,
Над могилою посеём мы цветы,
Чтоб за изгородью роз проснулся ты.

ЖАЛОБА СЕСТЁР

Пойдём мы вдвоём, на холм мы взойдём,
Я буду звать, ты будешь — искать.
Его не найдём — могилу найдём,
И камень могильный будем мы целовать.

ЗАКЛИНАНИЯ

* * *

Забелелася заря,
Обозначились кресты,
Смилосердился господь,
В рай раскрылись врата,
В ад закрылись врата,
Цепи падают с души,
Господи, помилуй нас!

* * *

Погашены огни,
Лукавый отошёл.
Закрыв лицо, Христос,
Меж ангелов своих,
С небес теперь сошёл,
В дом христиан вошёл.

«Куда идёшь, Христос?»
— «Разожжены огни
В кадилъницах моих,
И нити — из огня.
Я люльки обошёл,
Спешу к обедне я».

ЗАКЛИНАНИЕ НА ВОЛКА

Восьмью пальцами, двумя ладонями,
Гривой лошади Саркисовой,
Тем жезлом ли Моисеевым,
Тем копьём ли свят-Егория,
Той ли верой свят-Григория,
Богоматери святым млеком,
Ухвати его, свяжи его;
Глаз за глазом ему выколи,
Язык в горле привяжи ему,
Осени его, одолей его,
Ради господа Христа все бедствия
Да падут на зверя лютого.

* * *

На подушку я — голову склонил,
Ангелу-хранителю душу поручил:
Храни в полночь,
Храни всю ночь,
Когда петух поёт,
Когда заря идёт,

Вверяюсь одному
Царю небесному,
Во смертном рву лежу,
Я сплю, я отхожу,
В руки твои, мать божия,
Душу вручаю на ложе я!

ЗАКЛЯТИЕ СТАРУХ К ЛУНЕ

«Молодая, молодая, обновлённый серп!
В полноте ала, зелена в ущерб!
Ты стара зашла, ты млада взошла,
С края света что нам ты принесла?»
— «Счастье на весь мир.
Царям — лад и мир,
Покойникам — любовь,
Хлебушку — дешовь,
Добрым — много дней,
Рай — душе твоей».

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛИРИКИ

МЕСРОП МАШТОЦ

Месроп Маштоц родился в селе Хацекац Таронской области в 361 году. Маштоц — один из образованнейших людей своей эпохи, создатель армянского алфавита (405 — 406). Перевёл со своими учениками на армянский язык Библию. Впоследствии был причислен к лику святых. Один из его учеников, по имени Корюн, написал в середине V века книгу о жизни своего учителя «Житие Маштоца». Корюн сообщает, что Маштоц и его ученики перевод Библии начали с притчей Соломоновых и что первым предложением, написанным армянскими письменами, был следующий афоризм: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума». Маштоц — автор речей, духовных наставлений. Ему приписывается также авторство некоторых духовных стихотворений.

Умер Месроп Маштоц 17 февраля 440 года в Эчмиадзине, похоронен в ризнице под алтарём в Ошаканской церкви (недалеко от Еревана). Могила Маштоца сохранилась до наших дней и служит местом паломничества армян.

* * *

Море жизни всегда обуревают меня.
Воздвигает враг валы на меня.
Добрый кормчий, ты — оборони меня!

* * *

Подвергнут опасностям и мукам я
Из-за множества моих грехов.
Бог умиротворяющий, помоги мне!

Вихри моих беззаконий
Взволновали меня, я — как море в непогоду.
Царь умиротворяющий, помоги мне!

И грехи мои как море
Глубокое, беспокойное, — я во власти волн.
Добрый кормчий, спаси меня!

* * *

Рано утром предстану перед тобой,
Царь мой и бог мой!
Рано утром преклонишь к мольбе моей слух,
Царь мой и бог мой!
Молю я: взгляни на молитву мою,
Царь мой и бог мой!

ИОАНН МАНДАКУНИ

Иоанн Мандакуни жил в V веке. Религиозная, общественная и литературная деятельность его приходится на вторую половину V века. Иоанн был католикосом во время восстания Ваагна Мамиконяна против персидского ига (481 — 485), принимал деятельное участие в освободительном движении. Автор ряда молитв «Часослова», толкований и речей. Отстаивал монофизитизм — учение о едином божественном естестве Христа, выступая против диофизитов. Перевёл с греческого гимн вечерней службы «Радостный свет».

* * *

Преображеньем твоим на горе
Ты божественную силу явил,
Тебя славим, о мысленный свет!

Луч славы твоей ты явил,
Воссиял и всю твердь осветил,
Тебя славим, о мысленный свет!

Ужаснулись ученики твои,
Явление чудесное зря,
Тебя славим, о мысленный свет!

Но, восстав от тяжёлого сна,
К твоей славе прилепились сильней,
Тебя славим, о мысленный свет!

КОМИТАС

Биография неизвестна. В 616 — 628 гг. был католикосом. Автор духовных песен и теологического сборника «Книга веры». В 618 г. построил церковь Риисимэ в честь христианской мученицы и её подруг. Церковь хорошо сохранилась до наших дней (в районе Эчмиадзина, недалеко от Еревана) и являет собою свидетельство расцвета армянской архитектуры в эпоху раннего средневековья.

* * *

Жёны, славны страной и народом своим,
Предлагали жемчуг, неизвестный дотоль.
За многих себя оставляли в залог,
Выкупом став для чуждой земли.

Вам — корабль вести, ваш опытен дух,
Стремительна мысль, безбрежна плоть.
По долгим путям житейских пучин
Невредимо неслись вы и дошли до Христа.

Вы — ветви лозы виноградной Христа.
Виноградарь небес сберёт ваш сок;
Вы дали себя в точиле топтать,
Чтоб вечных блаженств чашу испить.

От житейских нужд отвратились вы,
Ибо всё здесь сон и прикрасы лжи.
Обольщенью нег вы не предали душ,
Убедясь, что величье — одна суета.

Завиден чрез вас стал детства чертог.
Ваша кровь и огонь обновили его,
Вы предали плоть мечу и костру,
Неугасимый свет вы в чертог внесли.

Тридцать семь — число тех блаженных дев,
Венчанных вовек не вянущим венком,
Высоко взнесённых над всем земным,
Блаженствующих здесь во славе творца.

ДАВТАК КЕРТОГ

Поэт Давтак Кертог жил в VII веке. Биография неизвестна. Из сочинений сохранился только «Плач на смерть великого князя Джеваншира». Это стихотворение приводит Мовсес Каганкатвацци в своей «Истории Агван», написанной на основе армянских рукописей V — X веков. См.: Мовсес Каганкатвацци, История Агван, т. I. Париж, 1860 (на армянском языке).

ПЛАЧ НА СМЕРТЬ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДЖЕВАШНИРА

О всеведущий дух, ниспошли благодать,
Дай мне силы на песню, на плач, на проклятье,
Разумение дай, чтобы внятно сказать
Слово скорбное о невозвратной утрате!

Горе тяжкое плакать заставило нас,
Стон печали над нами пронёсся, как пламя,
Пусть всё сущее в мире услышит наш глас,
Всё живущее слёзы прольёт вместе с нами.

Нас стена защищала, но пала стена.
Скалы, нас укрывавшие, ныне разбиты.
Нам светила луна, закатилась луна,
Слово твёрдое рухнуло, нет нам защиты.

Мы не ждали беды, но пришла к нам беда.
Власть добра и надежд победило безвластье.
Свет чудесного царства угас навсегда,
Счастья сад превратился в пустыню несчастья.

Это беды и горести нашего края,
Может те, что предрёк многомудрый Исайя,
Ибо светлого крестовоздвиженья день
Омрачила беда и страдания тень.

И грядущее стало темно и безвестно,
Дух вражды и безверья туманит наш путь.
Нечестивые вырыли чёрную бездну,
Чтобы нашего пастыря в бездну столкнуть.

Словно лев, был он грозен, не будучи злым,
Для старейшин родов был опорой и властью,
Ликовали друзья от любви и от счастья,
И от страха враги замирали пред ним,

Был он первым по мужеству и по уму,
К самым дальним пределам неслась его слава,
Поклониться спешили соседи ему,
Восхваляли его все края и державы.

Даже греческий царь, даже юга князя
Домогались с властителем нашим свиданья,
И, гордясь, что они Джеваншира друзья,
Принимали с почтеньем его назиданья.

И в гордыне забыли, что, люди, мы прах,
Что во власти господней и счастья и беды.
Бога мы прогневили, погрязнув в грехах,
И правителя нашего смерти он предал.

Ангел, что охранял его душу и плоть,
От него отдаясь, нас обрёл на страданье.
В горький час отвратился от князя господь,
Оставляя насильникам на поруганье.

Лицемер потаённо свой меч наострил,
К убиению коварно готовясь заране,
И смертельный удар Джеваншира сразил —
Тёмной ночью погиб он, как моавитяне.

Джеваншир, надо всеми возвысился ты.
Исходили завистники злобой безмерной.
Ты убит был тайком средь ночной темноты,
Ты скончался, израненный немилосердно.

Солнце вмиг изменило извечный свой путь,
Лишь вошла злая смерть в государеву грудь.

Пусть убийца его остаётся живым,
Пусть он будет для всех ненавистен и страшен.
Птицы певчие пусть не щебечут над ним,
Пусть лишь чёрные вороны крыльями машут.

Звери хищные пусть поджидают его,
Пусть вовек не найдёт он ночлега под крышей.
Пламя Ирода пусть настигает его,
Пусть его пожирают и черви и мыши.

Пусть огонь пожирает его, разгорясь,
Пусть убийцу ничто не спасёт от заразы,
И рука, что на славу земли поднялась,
Пусть покроется струпьями смрадной проказы.

Пусть в презренного жабы вливают свой яд,
По ночам пусть с убийцею змеи грешат.
Пусть умрёт окаянный, терзаясь жестоко,
Будь он проклят, исчадие зла и порока!

Наш водитель, наш кормчий, наш князь Джеваншир,
Посмотри, что с твоими сиротами стало.
Разум твой озарял наш несправедный мир,
Нас отвага твоя от беды ограждала.

Как жемчужины, с уст обронял ты слова,
И блистал ты отвагой, носитель величья,
Ото сна пробуждался детёнышем льва,
Расправлялся с трусливою утренней дичью.

И разбрасывал кромки овечьих ушей,
Славя господа истовой жертвой своей.

Как ловец, был ты ловче других и смелей,
Сокола твои были всех прочих быстрее,
Ты и спящий мудрее был прочих людей
И во сне управлял колесницей Арея.

Ты лишь взглядом единым умел отличать
Мудреца от глупца и героя от труса.
Нисходила обильно к тебе благодать,
Как священная кровь из ребра Иисуса.

Ты при жизни божественной притчею стал.
Дух бессмертья над смертным тобою витал.

Мир был светел, но темень взяла его в плен,
Как, лишённым тебя, нам поверить в удачу?
В опустевшей стране я потомков сирен,
А не страусов стаи сегодня оплачу.

Сколько дней и недель, сколько б лет ни прошло,
Мы не сможем забыть о великой утрате.
И тебя погубившее чёрное зло
Тяготеет над нами как бремя проклятья.

Ты, наш пастырь великий, был светел, как день.
Без тебя нам во тьме никуда не пробиться.
И ложится на наши угрюмые лица,
Словно пыль на дороги, бесславия тень.

Буду вечно взирать я на трон опустевший,
Бесконечно в мученьях рыдать, безутешный.

Слёзы нас ослепляют, померкнул наш свет,
Перед нами путей утешения нет.
Только пламень печали, любовью зажжённый,
Не погаснет в сердцах безутешных друзей.
Нам дымиться бы, как фимиам благовонный,
Чтоб сгореть без следа на могиле твоей.

Ибо здесь без тебя всё темно и туманно.
Нашей светлой надеждою был ты один.
Пред тобой прояснялись вершины Ливана,
Волны бурные тивериадских глубин.

Если ты, наш заступник, не жил бы на свете,
Пред врагами давно бы мы пали без сил.
Без тебя одолел бы нас северный ветер,
Гунн жестокий гранаты бы наши срубил.

Без тебя опускаются руки в бессильи.
Тьма сгущается, нам не дожидаться зари.

Покрываются брачные комнаты пылью,
Облачаются в траур земные цари.

Даже тем, кто короной увенчан по праву,
Мишура золотая теперь не нужна.
Тщатся сбросить владыки презренную славу
Ибо суетность славы им стала ясна.

Всем уйти суждено, никому не остаться,
Нам одно лишь даровано счастье судьбой:
Слёзы лить по тебе, по тебе убиваться,
Лечь в могилу когда-нибудь рядом с тобой.

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

Григор Нарекаци родился в Васпуракане (Ванская область) в 951 году в семье Хосрова Андзеваци, учёного, выдающегося знатока церковной литературы, автора «Толкования церковной службы» и «Толкования таинств св. литургии». С раннего детства воспитывался в монастыре Нарек. Григор Нарекаци — автор религиозных гимнов и песен. «Книга скорби» — основное сочинение поэта, написанное им в конце жизни и принесшее ему широкую известность уже в средние века. Подлинник написан нерифмованным стихом, хотя Нарекаци владел рифмой и отдельные отрывки «Книги...» зарифмовал. В 25-й главе Нарекаци пишет, что, благодаря одним и тем же созвучиям в конце строк, то есть благодаря рифме, стих становится эмоционально выразительнее.

Умер Григор Нарекаци в 1003 году.

Сочинения: Книга скорби, Константинополь, 1858 (на древнеармянском языке); Книга скорби, Ереван, 1977 (древнеармянский оригинал и перевод на русский язык Н. Гребнева); Книга скорби, Ереван, 1979 (перевод на современный армянский язык В. Геворкяна).

ПЕСНЬ СЛАДОСТНАЯ

Красива, хоть черна,
Я — дочь Ерусалима.
Желанна и любима
Для друга я одна!

Мой друг — в горах олень,
Чьё тело так упруго.
Далёкий голос друга
Я слышу в этот день!

«Любимая моя,
Ты мне одна желанна,
Ты из лесов Ливана
Приди в мои края.

Глаза твои горят,
От плеч и от ладоней
Исходит благовоний
Счастливый аромат».

Был чище всех святых
Младенец тот хвалимый,
Людьми непостижимый
Цветок долин родных.

Ты видишь: сонм святой
На той горе толпится.
Ты слышишь, дух корицы
С горы исходит той?

.

И должно нам опять
Склониться с пастухами,
С премудрыми волхвами

Творцу хвалы воздать.

Спасителя Христа
Восславим дух нетленный,
Чей свет и чистота
Вовек благословенны!

ВАРДАВАР

Алмазная роза взяла
Свой блеск у дневного светила,
Когда оно тихо входило
В морскую бескрайнюю гладь.

Казалось: багровый цветок
Над ширью морской распустился,
Казалось, над ней засветился
Созревший шафрановый плод.

Шуршала густая листва,
Шумела на гнущемся древе,
Которое царь-псалмопевец
В псалме благозвучном воспел.

Цветы распускались в садах,
Прекрасны и благоуханны,
И кедры, самшиты, платаны
Пускали побеги свои.

Вдали зеленел кипарис,
Горела рябина, алея.
Своей белизною лилея
Сверкала в закатных лучах.

Дыхание ветра и гор
Её лепестки овевало,
И влагой роса окропляла
Зелёные листья её.

Всходила на небе луна,
Светилась меж облаками,
И ясные звёзды роями
Во тьме окружали её.

И не было счастьем конца,
И зрело чуть слышное слово
Молитвы во имя отца
И сына и духа святого.

ИЗ «КНИГИ СКОРБИ»

Глава 1

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Я обращаю сбивчивую речь
К тебе, господь, не в суетности праздной,
А чтоб в огне отчаяния сжечь
Овладевающие мной соблазны.
Пусть дым кадила души моей,
Сколь я ни грешен, духом сколь ни беден,
Тебе угодней будет и милей,
Чем воскуренья праздничных обеден.
Мой стон истошный, ставший песнопеньем,
Прими не с гневом, а с благоволеньем.
Из дальних келий, тайных уголков
Достал я слово, как со дна колодца,
Пусть дым сожжения моих грехов
К тебе, всемилосердный, вознесётся!
Когда перед тобой предстану я
С застывшей на губах мольбой бесплодной,
Пусть жертва добровольная моя
Тебе не будет столь же неуютной,
Как стон Иакова в краю глухом
Иль попиранье твоего закона
Правителем греховным Вавилона,
Как сказано в писании святом.
Мой дар тебе пусть будет всеблагодару
Угоден.
Пусть тебя он ублажит,
Как дым кадила в скинии Селомы,
Которую воссоздал царь Давид.
Кивот, освобождённый от плененья,
Давид поставил там на много дней.
Да будет таковым и возрожденье
Погрязнувшей в грехах души моей!

2

Час настаёт, и громкий судный глас
Уже гремит в ущелиях отмщенья.
Он нас зовёт и порождает в нас
Страстей противоборных столкновенье.
И сонмы сил недобрых и благих:
Любовь и гнев, проклятья и молитвы —
Блистают остриём мечей своих
И дух мой превращают в поле битвы!
И снова дух смятен мой, как в начале,
Когда я благодати не обрёл,
Которую апостол Павел счёл

Превыше Моисеевых скрижалей.
Мне ведомо, что близок день суда
И на суде нас уличат во многом,
Но божий суд не есть ли встреча с богом?
Где будет суд — я поспешу туда!
Я пред тобой, о господи, склонюсь,
И, отречась от жизни быстротечной,
Не к вечности ль твоей я приобщусь,
Хоть эта вечность будет мукой вечной?
Я грешен был, я преступал закон,
Я за грехи достоин наказания
Страшней, чем мука варварских племён,
Поверженных твоею гневной дланью.
Для филистимлян и эдомитян
Годами ты отмерил наказание,
Но вечный огонь в удел мне будет дан
За все мои сомненья и деянья.
Ждёт страшный суд меня, но до тех пор
Удел при жизни выпал мне не лучший:
При жизни обречён я на позор
И ожидание кары неминуемой.
Нас вознести иль превратить во прах,
Низвергнуть в ад иль даровать спасенье
Во всём ты властен, всё в твоих руках,
Приявший муки в наше искупленье.

Глава 2

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Взывал ты, повторял священный стих,
Склонялся пред отцом своим небесным,
Судящим по делам сынов своих,
Не обольщаясь рвением их словесным.
Страдал твой род в египетском плену,
Но не дал ты ему лишиться веры.
С кем, Моисей, сравнить тебя дерзну,
Найду ли я достойные примеры?

Я грешен, я упрям в грехе своём,
Я — варвар, недостойный божья слова.
Та кара, коей предан был Содом,
И по моим грехам не столь сурова.
Как Ханаан, грехом я осквернён,
Я — Амалик, меня нельзя наставить.
Как идолообитель Вавилон,
Меня разрушить легче, чем исправить.
Обломком жалким я встаю из мглы,
На мне лежит проклятье, грех Иудин.
Как древний Тир, достоин я хулы,

Я, как Сидон, порочен и подсуден.

Я старца одряхлевшего слабей
От дней развратных и от жизни шумной.
Я — голубь, кроткий в глупости своей,
А не в своей смиренности разумной.
Я как яйцо, где скрыт змеиный яд.
Ехидна я, что львицей почиталась.
Я — Иерусалим, священный град
Пред тем, как от него лишь пыль осталась.
Я — человек, чья сущность не чиста.
Шатёр пустой, не избежавший бедствий.
Я — крепость, чьи сокрушены врата, —
Наследникам ненужное наследство.

Я — дом, но дом забытый испокон.
И чтоб его избавить от проклятья,
Он должен быть очищен, обновлён,
Обмазан глиной божьей благодати.

А у меня нет для спасенья сил,
Я слаб, я сломлен тяжкими грехами,
И справедливейший определил
При жизни место мне в зловонной яме.

Я изгнан, я отвержен, я забыт,
Смятен я духом, жалок я обличьем.
Я — тот талант, который был зарыт
Рабом лукавым, как глаголет притча.

2

Всех душ и всякой плоти созидатель,
Извечно щедрый в милости своей,
Дай верить мне, как верил Моисей,
Пророк, твоей достойный благодати.
Дай завершить мне книгу песнопений,
Достойной твоего благословенья.

В обитель, где ты должен нас принять,
Я начал путь свой, плача и стеная,
Дай грех мне искупить и злаком стать,
Возликовать при сборе урожая.
И как грехи мои ни велики,
Не дай иссякнуть слёз моих истокам,
И, как Израиль, ты не обреки
Мой дух и сердце засухе жестокой
Пред тем, как неба мы услышим глас,
А небо — глас земли, где сонмы нас,
Земля же — глас хлебов, и лоз, и хмеля,
И все услышат голос Изрееля.
Пусть чистая молитва и елей —
Всё, что тебе святыми воздаётся,

Проникнет в суть души моей скорей,
Чем тела осквернённого коснётся.
О господи, я — глина, ты — творец,
Спаси меня, небесный мой отец,
Чтоб на земле мне духом укрепиться,
Чтоб в час, когда вступлю я в мир иной
И небо ты разверзнешь предо мной,
Я б мог его сияньем насладиться,
Чтоб под небесным этим светом впредь,
Как воску, не растаять, не сгореть.

Дай, боже, силу мне, изнеможённому,
Дай духом мне воспрянуть, обделённому.
Перед концом моим, возможно скорым,
Сведи меня с порочного пути,
Хоть я истерзан совести укором,
А не усилием тебя найти.
Меня, земною тронутого скверной,
Услышь, о боже, со своих высот.
Возьми залог моей мольбы усердной
И дай мне благодать своих щедрот.
Своим небесным светом освети
Мой слабый стон, глухое покаянье
И слово из Священного писанья,
Что в эту книгу тщусь я привнести.
Меня, мой благодетель совершенный,
Хоть жалости не стою, пожалей,
И вместо меди звонкой, но презренной
Даруй мне злато милости своей.
Не повергай меня в смертельный страх,
И не ожесточай мой дух скорбящий,
Не обреки бесплодным быть в трудах.
Как пахаря на почве неродящей.

Не дай мне лишь стенать, а слёз не лить,
В мучениях рожать и не родить,
Быть тучею, а влагой не пролиться,
Не достигать, хоть и всегда стремиться,
За помощью к бездушным приходить,
Рыдать без утешенья, без ответа,
Не дай мне у неслышащих просить.
Не дай, господь, мне жертву приносить
И знать, что неугодна жертва эта,
И заклинать того, кто глух и нем.
Не дай во сне иль наяву однажды
Тебя на миг увидеть лишь затем,
Чтобы не утолить извечной жажды.

И до того, как мой услышишь зов,
Услышь мои, о боже, покаянья

И соразмерно с тяжестью грехов
Не назначай покуда наказанья.
Щадящий, пощади, спаси, спасающий,
Освободи меня, освобождающий.
Не дай сойти с пути; прости, прощающий;
От бед оборони, обороняющий.
Недуг мой исцели, всеисцеляющий,
И путь мой озари, всеозаряющий.
За прегрешенья не карай, карающий.
Прости мой долг, от долга избавляющий,
С врагами примири, всепримиряющий.

Когда в последний раз, в последний миг
Я подниму слабеющие вежды,
Пусть мне случится твой увидеть лик,
Дарующий спасенье и надежды.
И мой последний вздох в последний час
Пусть мне минувшей жизни будет слаще.
Пусть ангел твой с меня не сводит глаз,
Ведя дорогой страшной, но манящей.
Когда умру, моей душе яви
Дух небожителей, дух бестелесный
Тех, кто дорогою веры и любви
Пришёл, о боже, в твой чертог небесный.
Не воздавай мне за мои грехи.
Пусть будет принят дух мой в мире лучшем.
Не дай, Спаситель, волка в пастухи
Твоей больной овце, овце заблудшей.
Погрызшему в долгах — даруй прощенье,
Погибшему в грехах — пошли спасенье.

3

Ты, жаждущим дающий утоление,
Ужели в мире не рассеешь тьму,
Ужель меня лишишь благоволенья,
Изменишь милосердьем своему?
Ужели мне откажешь в сострадании,
Ты, тот единый, в ком оно живёт?
Утрадишь ли, цветок, благоуханье,
Засохнешь ли, о благодатный плод?
Ужель животворящие деянья
Ты прекратишь, о наше упование?
О ты, который кроток и велик,
Ужель пренебрежешь извечной славой,
Ужели омрачишь, о боже правый,
Пречистый свой, неомрачённый лик?
Ты ль не даруешь, о моё спасенье,
Кровоточащим ранам исцеленье?
Бальзам на язвы не положишь мне?
Слепому, не пошлешь мне озаренье,

Свет предо мною не зажжёшь во тьме?

Я — твой проситель, раб твой дерзновенный —
Молю тебя: меня ты не покинь.
Нетленный, жизнь дарующий вселенной,
Ты, славословленный, благословенный,
Ты был и есть — твердыня всех твердынь.
Ты был и остаёшься вездесущим,
Как в прошлом, так и ныне, и в грядущем,
И за пределом вечности.
Аминь!

Глава 9

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

И наступает срок сказать мне честно
О прегрешеньях дней моих и лет.
Но в час, когда пора держать ответ,
Моя душа робка и бессловесна.

И если я припомню всё, что было,
И воды моря превращу в чернила,
И, как пергаменты, я расстелю
Все склоны гор пологие и дали,
И тростники на перья изрублю, —
То и тогда при помощи письма
Я перечислю, господи, едва ли
Мои грехи, которых тьма и тьма.

И если кедр ливанский в три обхвата
Свалю, я, сделав рычагом весов, —
На чаше их и тяжесть Арарата
Не перетянет всех моих грехов.

2

Я — древо, на котором веток много,
Но зрелых я плодов не оброню.
Как та смоковница, по воле бога
Бесплоден я, засохший на корню.
Смоковница, украшенная кроной,
Манит шумящею листвой зелёной
Усталых путников издалека.
Но подойдёт к ней путник изнурённый
И ни плода не сыщет, ни цветка.
Она — предмет презрения и брани,
Оставленная, как напоминанье,
Как некий тусклый образ душ людских,
Запятнанных греховностью и ложью,
Подвергнутых навек проклятью божью,
Погрызших в омуте грехов мирских.

Бывает, потом политые пашни,
Зерно приемля, хлеба не родят,
И пахарь, труд оплакавши вчерашний,
Уходит прочь, куда глаза глядят,

Душа, храня пристойности обличье,
Ты, как смоковница, листвою шуршишь,
Но, как смоковница в старинной притче,
Бесплодия и ты не избежишь.

Душа моя как выгребная яма.
Ты вобрала, чтоб погубить меня,
Грехи всех смертных — со времён Адама
Свершённые до нынешнего дня.
Ты копишь то, что богу не угодно,
И потому презренна и бесплодна.

3

Я сам отяготил себя грехами,
Я над собой самим свершаю суд.
Я буду побивать себя словами,
Как из пращи камнями зверя бьют.
Я в мире жил и нагрешил премного,
И ныне я вступаю в смертный бой —
Как некий враг с врагом во имя бога,
Я насмерть биться буду сам с собой.
В сокрытых мной пороках и желаньях
И помыслах, в которых был лукав,
Винюсь, как в совершённых злодеяньях,
Перед тобою на колени пав.

Молясь тебе, живу единой верой,
Что ты, который милосердней всех,
Свою отмеришь милость той же мерой,
Которой мерю я свой тяжкий грех,

Ты не откажешь дать мне подаянье,
И чем неизлечимей мой недуг,
Тем большее искусство врачеванья
Ты явишь мне, — и я воспряну вдруг.
Чем больший долг простишь ты мне с любовью,
Чем милосердней будешь и щедрей —
Тем истовей польётся славословье
Моё, как в притче праведной твоей.

О господи, в тебе одном спасенье:
Даёшь ты справедливость нам в даренье.
Лишь от твоей десницы обновление,
И силы нам от твоего перста,
От милосердия нам искупленье,
От лика — вся земная красота,
От твоего чела — нам озаренье,

От твоего дыханья — вдохновенье,
От твоего участия — доброта,
От твоего елея — умиление,
От знаменья — благое разуменье,
Что наши скорбь и радость — всё тщета.
Лишь ты даруешь нам освобожденье
От страха, от преступного сомненья,
Ты вкладываешь слово нам в уста.
Достоин ты земного восхваленья,
Лишь ты один вселенной лепота.

Всё в мире сущее, все поколения
Возносят к небесам тебе моления.
Молитва наша свята и чиста.
Аминь!

Глава 21

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

С тех пор как гибели себя обрек,
Уже я не восстал как человек,
Вновь не обрёл в себе я человека,
Как сказано в писании святом.
Сойдя с пути, что праведен от века,
На этот путь я не вступил потом.

Хоть рассказал я в предыдущих главах
Про все грехи мои, но, стыд поправ,
Напомню вновь я о делах неправых,
О злодеяньях, о путях лукавых,
Не изменяя слогу прежних глав.

2

О господи, я — грешник, я — злодей,
Я заслужил твой лютый гнев и кару.
Ничтожностью, греховностью своей
Себя я уподобил Велиару.
Своею нерадивостью и ленью
Я сам себя подвергнул осуждению,
Обрёл себя на горе и позор.
И демоны мои возликовали,
В бесовском хороводе заплясали,
И пляшут и ликуют до сих пор.
Удары тайные я принял, боже,
Предуготованные мне судьбой.
Я не отверг отвергнутых тобой,
Наоборот, их силы преумножил.
Бесовской я и сам грешил игрой,
И сам плясал я с бесами порой.
Они же имя божье поносили.

Но я греха не отвергал в бессильи,
Себе не говорил я — не греси!
Я грех творил,
И черви подточили
Поникнувший цветок моей души.

Я погубителей моих незримых
Не вскармливал, но не уничтожал.
Я сам невольно силы умножал
Гонителей моих непримиримых.
Я разрушителям, исчадью ада
Был преданнее, нежели творцу.
Не сладость я вкушал, а горечь яда,
И вот приходят дни мои к концу.
Я утращён греховностью моей.
О, горе мне, позор и поруганье!
Как перед взором праведных людей
Предстать мне после моего признанья?
Всех лучше знаю, сколь мой грех велик,
Мне горло сжал отчаяния крик.
Когда способность мне была б дана
То видеть, что никто узреть не может,
Узрел бы я: душа моя черна,
Как идолопоклонник в храме божьем,
Понеже грехородной силы страсть
И идолов богопротивных власть
Сказать воистину — одно и то же.
В крошечной тьме, у жизни на краю,
По гибельной тропе иду и ныне,
Мой дух бессмертный — благодать твою —
Я превратил в бесплодные пустыни.

3

Могу ли человеком я считаться,
Когда причислен я к творящим зло,
И существом разумным называться,
Когда в меня безумие вошло?
Хоть я и зрячий, но слепого хуже.
Внутри себя свет погасив, теперь
Я не могу прослыть учёным мужем:
К познанию сам себе закрыл я дверь.
Слыть многомудрым, свыше просветлённым
Я, погубивший душу, не могу,
И просто существом одушевлённым
Себя назвавши, — я и то солгу.

Среди кувшинов я — кувшин негодный.
В гранитной кладке — камень инородный.
Я в сонме избранных — избранник ложный.
Я в сонме призванных — глупец ничтожный.

И, устрaшённый смертью, ибо грешен,
Покинут всеми я, а кем утешен?
Пророк Иеремия говорил,
Что Иерусалим падёт в бессильи,
Так и меня страдания истощили,
Погиб я, потеряв остаток сил...
Как дерева червями, ткани молью,
Изъеден я своей сердечной болью.
Я истончился, словно паутина.
Моя греховность этому причина.
Я прекращаю век свой, исчезая,
Как утренний туман, роса ночная.
Я на людей надеялся, но ложно:
Надежда лишь на господa возможна.

И ныне, о содеянном скорбя,
Я, проклятый и очернённый скверной,
Надеюсь, боже, только на тебя,
Исполненного милости безмерной.
И на кресте ты никого не клял,
Терпя страдания, не ожесточился,
Когда к отцу небесному взывал
И за своих мучителей молился.
Подай мне весть, чтоб мой услышал слух,
Даруй надежду в жизни быстротечной
И в час, когда тебе свой жалкий дух
Я возвращу, —
Даруй мне дух свой вечный.
Аминь!

Глава 23

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Непостижимый взору и уму,
Ты, без кого ни слова нет, ни дела,
Определяющий предел всему
И только сам не знающий предела,
Нам без тебя ни света нет, ни тьмы,
Ты слышишь наши стоны, зришь несчастья.
Невидим ты, но всё, что видим мы,
Померкло бы без твоего участия.
Ты — недоступен для рабов своих,
Но близок в вышине своей нездешней,
Целитель жесточайших ран людских
И утешитель боли неутешной!

2

Узи, о боже, взор мой безутешный
И сердце, что раскрыл я пред тобой.
На путь наставь мой разум многогрешный,

Но будь целителем, а не судьёй.

Неверью и сомненьям нет предела,
Но чтоб греха избегнуть, дай мне сил.
Мой дух ещё не отрешён от тела,
И страшен грех, что тело осквернил.
Скорблю, что дух и разум не едины,
Что на добро надежды нет в сердцах.
Скорблю, что создан человек из глины,
Замешанной на низменных страстях.
Скорблю, что нас, людей, наш ум усердный
Не сделал совершеннее скотов,
И грязью мы отмечены, и скверной,
И памятью содеянных грехов.
Что каждый совершил и что утратил
Мутит молитву нашу, застит взгляд,
И мы, сжимая плуга рукояти,
Дрожа от страха, всё глядим назад.
Мы, смертные, пленяемся ничтожным,
И не умеем мы глядеть вперёд,
И в поединке истинного с ложным
Неистинное чаще верх берёт.
И боль утрат идёт вослед за нами,
И всюду тьма, и пелена у глаз,
И приговор возмездья пишет память
В суде сознания каждого из нас.
О горе, если бог наш отвернётся
И поразит нас гром его речей
И вечное величие столкнётся
С мгновенною ничтожностью людей.
Растратил я, гонясь за наслажденьем,
Свой драгоценный дар, пропал мой труд.
Пусть божьей справедливости каменья
Меня, греховного, нещадно бьют.

Я путь прошёл, но свет моих трудов
В потёмках неусердья был не ярок.
Я не оставил по себе следов,
И свет погас, и догорел огарок.
Мой слабый ум немного постиг
И потерял способность постиженья,
И онемел греховный мой язык
Без права отвечать на обвиненья.
Чадит лампада тусклая моя,
Моё напоминая нераденье,
И стёрто имя в книге бытия,
И вписаны укор и осужденье.

Я вижу воина — и смерти жду,
 Церковника я вижу — жду проклятья,
 Идёт мудрец — предчувствую беду,
 Идёт гонец — могу лишь горя ждать я.
 Кто сердцем чист — порог мой обойдёт,
 Благочестивый горько упрекнёт,
 Навстречу мне не сделает и шага.
 Водой испытан буду — захлебнусь;
 От испытанья зельем не очнусь;
 Услышу тихий шорох — уstraшусь;
 Протянут руку — в страхе отшатнусь,
 Учю зло во всём сулящем благо!
 На пир я буду позван — не явлюсь,
 На суд твой буду призван — онемею.
 Ниц упаду, слезами обольюсь,
 Как будто говорить я не умею.
 Мне стрелы изнутри пронзили грудь,
 Сились в большую рану все сомненья,
 Терплю я муку, не могу вздохнуть,
 Ни днесь, ни впредь не жду отдохновенья.
 Услышь, о боже, вопль души моей,
 Последний стон мой, ставший песнопеньем,
 Стон, слившийся со стонами людей,
 Тебя молящих о моём спасеньи.
 Нас, жалких обитателей земли,
 Ты сам из праха сотворил земного.
 Что делать нам, наставь и повели!

 Услышь моё беспомощное слово!
 Ты, сущий в каждой твари, что живёт,
 Превозносимый каждой тварью сущей,
 Покой душевный от своих щедрот
 Даруй нам в жизни сей быстротекущей!

Глава 24

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

О господи, о боже, пред тобой
 С какою ныне мне предстать мольбой?
 Могу ль молить, когда б на то решился,
 Чтоб вновь обрёл я то, чего лишён,
 Чтоб с праведными, с кем я разлучён,
 По воле божьей вновь соединился?
 И чтобы заново я был сращён
 С лозою той, от коей отсечён?
 Я — ствол, который ныне покривился.
 Но может ли быть снова возрождён
 Цветок, чей стебель сгнил, к земле склонился?

Былым величьем я к земле склонён.
Как сделать так, чтоб вновь я распрямился?
Чтоб снова я в объятьях очутился
Того, кем был для жизни порождён?
Теперь я — наг, и облачений всех,
Хоть и гордился ими, я лишился.
Как надо жить, чтоб вновь я приобщился
К тому, кем осуждён за тяжкий грех?
Чтоб свет, хоть от него я отдалился,
Мне виден был сквозь тысячи помех?

Чего мне ждать? Ушедшего веселья?
Мечтать, чтоб снова светлой стала келья?
Молить, чтоб снова я душой обрёл
Установленья, с коих я сошёл?
Поверить ли в незыблемость скалы,
Что вдруг заколебалась подо мною?
Смешаться ли с толпой, что злой хулы
Достойна за стяжательство земное?

Могу ли в град, где первенцы, вступить,
Когда я, грешный, обречён чужбине?
О хлебе ли насущном мне молить,
Которого не заслужил поныне?

Молить, чтоб снова рядом очутиться
С людьми, с которыми я жизнь прожил?
Или кричать: «Пусть мука прекратится!»?
Но я ещё греха не искупил.
Просить наград, чтоб ими возгордиться?
Но я наград довольно получил
И ни одной ещё не оплатил,
И пробил час за это поплатиться.

Мне ль быть внесённым в книгу Бытия,
Когда уже я вычеркнут оттуда?
Мне ль вспоминать дары твои, как чудо,
Что не уберегла душа моя?

2

Как нить, моя надежда порвалась,
Мной завладела мерзкая проказа.
Сначала язвою, не больше глаза,
Отметила меня и расползлась.
Моя болезнь сокрыта милосердно
Под прежнюю личиной черт моих,
Что означать должно двойную скверну —
Души и тела, всё ещё живых.
Померкло для меня сиянье славы,
Добро ушло, никто меня не спас,
И приближается мой смертный час,

И суд грядёт безжалостный, но правый.
Разлился смерти яд в душе моей.
И в гавань вход закрыт для кораблей,
И сорваны покровы благодати,
Померкло благолепье прежних дней.
Но тернии хулы и гром проклятий,
Несправедливый суд земных судей —
Всё это стало участью людей,
Чтоб прежние надежды я утратил.
Стропила сгнили, рухнули столбы,
Упала кровля, повалились стены,
Разверзлась бездна огненной геенны
Как завершение моей судьбы.
Прощаясь ныне с жизнью земною,
Я с этим миром чувствую разлад.

И дух святой — дух, оскорблённый мною,
Корит меня, в том сам я виноват.

3

Ту чашу, что была мне суждена,
В течение жизни я испил до дна.
Познал я всё: сомненье и смятенье,
Срам непостижный, вечное презренье,
Позор, бесчеловечное гоненье.
Днём не было еды, а ночью сна,
И не было в пути мне озаренья!
Лишь ты — надежда наша и спасенье.
Ты — милосердье, помощь, очищенье.
Единый сын того, чьё мановенье
Твердь неба создало и твердь земли,
О господи, мольбе моей внимли!
Ты, сострадающий, благословенный,
Защитник наш, в заботе ночеденной
Сиянье зажигающий вдали,
Меня прими и мне даруй прощенье,
Направь на путь и дай мне наставленье,
Чтоб вновь в меня слова твои вошли.
Чтоб умиление, умиротворенье
Мой грешный дух очистить помогли!
Ты жаждущих поишь в краю пустынном,
Даришь надежду страждущим, невинным,
И мне свою десницу протяни
И, в облике представши триедином,
Навек меня с собой соедини.
Аминь.

Глава 25

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

В печальных строках предыдущих глав
Свои не все назвал я прегрешенья,
В чей плен давно душа моя попал
Претерпевает тяжкие мученья,
Я изменил лишь форму изложения,
Оплакивать себя не перестав.

2

Всё то, что я терплю, о чём скорблю,
Недоброе напоминает море.
Моя душа, подобно кораблю,
Трещит и гибнет, со стихией споря.
Плывёт корабль под ураганом злым,
Его несут валы, и нет им края.
И, как сказал пророк Исайя,
Не так ли погибал Иерусалим,
Когда врагов когорты, наступая,
Разрушив город, овладели им?
Несчастливая душа моя в смятении.
И с кораблём уместно ей сравнение.
Пока я тихо плыл путём своим,
Не опасался горьких злоключений,
Трудился, чередуя сон и бденье,
И думал, что не будет путь иным.
Казалось мне: уже достиг я цели,
Но в ясный день вдруг волны налетели,
Беда случилась с кораблём моим:
Переломились рукояти вёсел
И грозный вал его на скалы бросил.
Вот парусное рвётся полотно,
Вот толстые канаты натянулись,
Борта водой морскою захлебнулись,
Они трещат с обшивкой заодно.
Вот мачты гнутся, вал смывает снасти.
И рвутся цепи якорей на части,
И судно гибели обречено.
Вода ломает клёпки, чтобы с шумом
Вовнутрь ворваться, и потечь
По трюмам,
И судно погрузить моё на дно!

Обломки корабля плывут, не тонут,
Подобно существам разумным, стонут.
Страшна им тоже эта маета,
И, корабельщик, я стою в смятении,
Гляжу, как гибнет всё моё владенье,

Но замыкаю я рукой уста,
Чтоб в час стихии этой беспокойной
Своею жалобою недостойной
Не осквернить молитвы и поста.
А тот, по чьей неизъяснимой воле
Всё совершается в земной юдоли,
За погибающим добром моим
Следит и вместе с воинством своим —
Стоит и плачет от великой боли:
Недаром нам в пример, жалея всех,
Он слёзы лил над Лазарем любимым,
И над сметённым Иерусалимом,
И над Иудой, совершившим грех.
Тот город, и могучий и богатый,
Тот ученик, предатель, тот проклятый,
Сравнимы с одиноким кораблём,
Среди стихии дикой повреждённым.
А Лазарь, мёртвый, но непогребённый,
Достигнув дна в мучении своём,
Надежды не утратил и потом
Из гроба вышел, богом воскрешённый.

3

Сравню моё с ковчегом естество.
Увижу ль вновь его неповреждённым?
Увижу ль судно духа моего
После грозы и бури обновлённым?
Ужель приду я к господу прощённым?
Не быть ужели сердцу омрачённым,
И храму моему неразорённым,
Отеческому дому несожжённым?
Там не осталось ныне никого.

Ужель, рабу, мне быть освобождённым,
Быть неотверженным, несокрушённым,
Не помнящим плохого ничего?
Ужель, о господи, мне быть прощённым
По воле милосердия твоего?

Ужели я смогу мольбу вознесть,
И ты, о боже, примешь покаянье?
Ужели я услышу не рыданье,
А посланную мне благую весть?
Ужель душа моя, какая есть,
Возрадуется, позабыв страданье?

Ужель разбитый многожды сосуд
Вновь невредимым станет, как сначала,
И перечень долгов моих порвут,
Чтобы моя душа возликовала?
Ужели дни тоски моей пройдут,

Настанут дни благого очищенья
И высохшие от поста и бденья
Все мышцы тела силу обретут?

О господи, пристыженный тобой,
Кричу я, как кричал во время оно
Китом проглоченный пророк Иона:
«Ужель я вновь увижу храм святой?»
Ужель во мгле я различу впервые
Земли обетованной берега,
Ужель почую капли дождевые
И оживут моей души луга?
Ужель я, многогрешный, наконец
Прощён тобою и собой принижен,
Не без толку разбредшихся овец,
А паству, верную тебе, увижу?

4

Передо мною было столько бед,
Что я не мог пройти сквозь их тенёта.
Но, господи, хотя б на склоне лет
Пусть милосердья твоего ворота
Раскроются и состраданья свет
Меня спасёт от тягостного гнёта!
И пусть твои лучи распространятся
На всё, что было пагубным вчера,
И капли благодати просочатся
Из твоего пронзённого ребра.

Пусть все дела благие совершатся,
И древо сладостных твоих даров
Пусть зацветёт в тени земных садов,
И мы услышим прерванный твой зов;
Издалека он будет приближаться.
И вместе с очищеньем от грехов
Надежда и блаженство в нас вселятся.
Всё, что виденьем будет, хоть мгновением,
Останется в душе моей нетленным —
Благим явленьем троицы святой.
И с именем твоим неизреченным
Я многотрудный путь окончу свой!

Увенчанный великим милосердьем,
Господствующий в высях неземных,
Ты властвуешь и над земною твердью,
Оберегая всех рабов своих;
Так дай мне силу, чтоб я мог с усердьем
Тебе служить, покамест я в живых.
Аминь.

Глава 26

Слово к богоматери, идущее из глубин сердца

1

И я один из тех, чья жизнь сурова,
Чьи слёзы льются, как весной поток,
И кто стенанья превращает в слово —
В песнь с однозвучным окончанием строк.

И стих, певучий от таких созвучий,
Щемит сердца, когда звучит в тиши.
Единозвучье раскрывает лучше
Невидимую миру боль души.
Я жил на свете горестно и сиро,
И, как гласят писания слова,
Душа, что не вполне мертва для мира,
Для бога не вполне ещё жива.

Не знаю — эта песня хороша ль,
Но строки ныне с самого начала
Я рифмовал, чтобы моя печаль
Ещё сильнее и горестней звучала.

2

Сокровищ царских жалкий расхититель,
Я наказанью предан с давних лет,
И призовет меня казнохранитель,
Чтоб, казнокрад, я дал ему ответ.
Томлюсь в темнице без воды и пищи,
Томлюсь, мои печали велики.
Мой долг — пятьсот талантов, но я, нищий,
Давно растратил и золотники.
И, чтобы сердцу в песне изливаться,
Я здесь избрал особый лад строки,
Чтоб каждый стих вершился звуком «и»,
Что означает также цифру «двадцать»,

Бушует нищета, как пламень горна,
В закладе сердце и душа моя,
И за вину моих деяний чёрных
Сурово спросит грозный судия.
И подступает страх, меня пронзая
Своим мечом безжалостным, когда
Задумываюсь я и понимаю
Неотвратимость Страшного суда.
Я, суетный, подверженный сомненьям,
Уже сегодня слышу божий глас
И мучусь, будто в огненной геенне
Мой дух и плоть горят уже сейчас.

Всё, чем владел, растратил я и прожил,
А что копил я столько лет подряд —
Презренно. И в сокровищницу божью,
Что я стяжал, того не поместят.
Плоть нечиста моя, и взгляд мутится,
Но, взор молящий устремляя ввысь,
Прошу тебя, небесная царица:
Ты за меня пред господом вступишь!
Грехам моим да будет отпущенье,
Пусть мне вина простится, умоли,
И пусть вовек дымятся воскуренья,
К тебе от нас летящие с земли.

3

Что, кроме щедрых слёз и жалких строк,
В дар милостивцу принести я мог?
Как мне содеянное мной измерить?
Я быстрой мысли торопил крыла,
Но мысль моя размер моей потери
Всё ж охватить собою не могла.
Нет края, нет конца перечисленью
Грехов, в которых я повинен сам.
Я чашу малодушья и сомненья,
Как чашу смерти, подношу к губам.

Боль нестерпимая во мне таится,
Рождая, я не в силах разродиться,
И стрелы в сердце мне вонзают яд.
Жар лихорадки почки мне сжигает,
Мои мученья печень разрывают,
И желчь, скопившись, к горлу подступает,
Мою гортань стенания теснят.
Все члены тела, хоть они едины,
Друг с другом, словно смертные враги,
Меня губя, вступают в поединок.
О пресвятая дева, помоги!
О мать божья, я твой раб презренный,
Я грешник, чьи сомненья велики,
И всё же я молю тебя смиренно:
Из тьмы грехов меня ты извлеки.

Глава 30

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

О милосердный, ниспошли мне сил,
О всеблагой, пусть будет мне примером
Заблудший раб, что многожды грешил
И всё ж ступил на путь добра и веры.
Пусть лишь в преддверья рокового дня,
Пред самой смертью встал на путь он правый, —

Творивший зло, он праведней меня,
В ком дремлет соучастник — дух лукавый.
Тот дух могуч, а сам я духом слаб,
Мой искуситель у меня под боком.
Двойник мой, он — не твой смиренный раб,
А потакатель всем моим порокам.
Ведя меня дорогой суеты,
Со мною искуситель неразлучен,
Мой враг — исток моих сомнений жгучих,
А сколь их много — знаешь только ты!
Но кто грешит, тот кается потом,
И платим мы за радости страданьем.
И я склоняюсь пред тобой челом,
Согбенный прегрешеньями в былом
И просветлённый поздним покаяньем.

2

Я повтореньем истины грешу,
И оттого моя не легче участь, —
Но я не царства божьего прошу,
Мне б жизнь влачить, немного меньше мучась.
Не пребывать мне в райской тишине,
Причисленному к сонму вознесённых:
Среди безгрешных душ не место мне, —
Мне место средь живых, но сокрушённых.
Я улыбаюсь, будто свету рад,
А про себя свою стезю клянусь я,
Лицо моё спокойно, только взгляд
Горит, смятенье духа доказуя.
Со сладкою и горькою едой —
Перед собою я держу два блюда.
Держу перед собою два сосуда:
Один с отравой, с миррою другой.
Две печи есть: одна красна от жара,
Пока другая стынет без огня.
Две длани надо мною: для удара
И для того, чтоб отстранить меня.
На небесах два облака застыло:
Одно несёт нам огонь, другое — град.
Тому, что будет, и тому, что было,
Две укоризны с уст моих летят.
Две жалобы летят незаглушимых —
В одной мольба, в другой укора знак.
И в сердце слабый свет надежды мнимой
И горькой скорби безнадёжный мрак.
Два ливня хлещут: ливень стрел свистящий
И камнепад, грозящий всей земле.
Восходит солнце — жжёт нас зной палящий,
Заходит солнце — нам темно во мгле.

Карающую занесёшь десницу —
 Я возмолюсь: «Казни меня скорей!».
 Рука дарующая мне примнится —
 Приблизиться я не посмею к ней.
 Речь о грехе зайдёт — приду в смятенье,
 О святости — пойму свою вину.
 Открыто мне дадут благословенье —
 Украдкою себя я прокляну.
 Я похвалу услышу — опровергну,
 В ней заподозрю ложность и тщету.
 Подвергнусь я хуле немилосердной —
 Я слишком малою её сочту.
 Пусть осмеют, пусть предадут позору —
 Сочту возмездье правым и смирюсь.
 Мне пожелают люди смерти скорой —
 Чтоб их слова сбылись, я помолюсь!
 Когда б небесный гром меня сразил,
 Я принял бы его как избавленье.
 Я книгу прав своих давно закрыл —
 Ни оправданья нет мне, ни спасенья!
 В тот лучший мир я поспешил бы сам,
 Когда бы не страшился наказанья.
 Беда идущему по двум стезям,
 Как говорит Священное писанье.

Ужели ты не слышишь, всеблагой,
 Рыданий и мольбы моей усердной?
 Ужели ты не видишь, милосердный:
 Я, пленник зла, стою перед тобой?
 Я жду, в своём погрязши заблужденьи,
 Твоё добро на зло моё в ответ.
 Я, обречённый, жду благословенья,
 Слепой, я жажду твой увидеть свет.
 Протянется ль твоя десница, боже,
 Чтоб тонущего грешника спасти?
 Когда персты на раны мне возложишь,
 Когда с неверного сведёшь пути?
 Научит ли твоё долготерпенье
 Усердью неприлежного меня,
 И будет ли твоё благоволение,
 Чтобы очистить грешного меня?
 Заблудший раб, найду ли я покой
 Под милосердною твоею дланью?
 Чтоб, грешному, спрямить мне путь кривой,
 Забрезжит ли вдали твоё сиянье?
 Я человек, чья совесть нечиста,
 И лишь в тебе надежда очищенья.

Я проклят, и твоя лишь доброта
В меня вселяет веру во спасенье.
Я ныне приобщаюсь тайн святых
И в них ищу, рыдая, утешенье.
Я вижу: в поднятых перстах твоих
Мне, многогрешному, благословенье,
Лишь ты один способен даровать
Мне, угнетённому, освобождение
И молвить слово, чтобы ниспослать
Рабу смятённому успокоенье.
Очищен я твоею чистотой,
Твой взгляд — моим страданиям облегченье,
И капля крови, пролитой тобой,
Освобождает душу от мученья.
Без помощи господней кто я есмь?
Мне мощь твоя дарует свет надежды,
Твой мир смятённому мне светоч здесь,
Днесь и покуда не смежу я вежды.
И нет в тебе и малой доли тьмы,
Как вне тебя нет ни добра, ни света.
Ты — надо всем, тебе подвластны мы.
Тебе, господь, да будет слава спета.
Аминь!

Глава 39

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Подталкиваем дьявольской рукой
И соблазняем ленью привычной,
И я утратил прежний облик свой,
Своё первоначальное обличье.
А если так, то ныне мне пристало
Сказать, в чём грешен, как я прожил век,
Сказать пред миром, что со мною стало,
На что, ничтожный, я себя обрек.

2

Себе кажусь я книгою сейчас.
Я — книга воплей, стонов и сомнений,
Похожая на книгу тех видений,
Что Иезекииль узрел в свой час.

Я — город, но без башен и ворот.
Я — дом, где нету очага зимою.
Я — горькая вода, и тех, кто пьёт,
Я не способен напоить собою.

Я — сад, который высох и загдох.
Я — поле, тучное травой сорной.
Я — нива, что предуготовил бог,

Но почву дьявол распахал проворно.

Я — древо, потерявшее плоды,
Годящееся только для сожженья.
Я — саженец, засохший без воды,
Светильник, потерявший дар свеченья.

И новые стенанья, плач глухой
Я облакаю в прежние созвучья.
Беспомощен зубовный скрежет мой,
И горек мой позор, и слёзы жгучи.

Гнев над моей душой неумолимый,
Над грешной плотью огонь неугасимый.
Печать греха легла мне на чело.
Достоин казни я, творящий зло.
Боль, посланную с неба, на земле
Приемлю я, погрязнувший во зле.
Что ждёт меня, заранее известно:
Как кучи плевел, превращусь я в дым.
И возвещает снова глас небесный
О том, что мой недуг — неисцелим.

3

Я каюсь, чтоб меня услышал мир.
И правда, может, схож я с той блудницей,
О коей у Исайи говорится
Во притче про надменный город Тир.

Но если скорбь блудницы позабытой
Из тьмы времён пророк донёс до нас,
Как должен я взывать в свою защиту,
Как должен прозвучать мой скорбный глас?

Мне ведомо:
Пришествие господне
Настанет, —
Я дрожу уже сегодня.
И, думая о страшном Судном дне,
Предвижу нескончаемые муки,
И к небесам я простираю руки,
И жду возмездия, и страшно мне.

Что будет, всё я знаю наперёд.
Но и предвидя все свои страданья
И зная, что меня в грядущем ждёт, —
Я всё же нерадив на покаянья.

Но в страшный час меня ты не покинь,
О господи, отец наш всемогущий,
Чадолюбивый, добрый, вездесущий,
Прощающий своих сынов.
Аминь!

Глава 40

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Не отвергай, господь, моих молений,
Избавь меня от всех грехов былых,
От нынешних и будущих сомнений.
Творец всего живого, всех живых,
Лишь ты один — безмерное величие,
Ты зришь и сходство наше и различье,
Всесильный совершитель дел благих.

2

Мне видятся в пределах отдалённых
Картины, непостижные уму.
Я вижу утро всех надежд свершённых.
А для таких, как я, приговорённых,
Для обречённых, вижу ночи тьму.

Мне, грешному, когда меня осудят,
Убежищем ничто уже не будет:
Ни летний зной, ни вьюга, ни мороз,
Ни впадины, ни пропасти бездонные,
Ни поле, ни ложбина, ни утёс,
Ни русла рек, ни скалы расщеплённые,
Ни погребя, ни ямы потаённые,
Ни келии, от мира отдалённые,
Ни горы, меж собой соединённые,
Ни волны моря, бурей взметённые,
Ни голос плача, ни потоки слёз,
Ни длани рук, в моленьи вознесённые.

3

Вот, господи, мой жребий неминучий.
Но все, как есть, мы под твоей рукой,
И можешь только ты, никто другой,
Вмиг изменить мою презлую участь.
Так возврати моей душе покой,
Чтоб мне и жить и умереть, не мучась.

Взгляни, о боже, сколько бед кругом.
И пусть согреет нас твоя забота.
Переруби мечом — святым крестом —
Стянувшие всего меня тенёта.
Стань, боже, мне целителем благим.
Меня, идущего путём кривым,
Обереги от пропастей опасных,
Избавь меня от казней ежечасных.
Рассей в меня проникший смрадный дым —
Подобие грехов моих ужасных.
Оборони от неких сил злосчастных,

Что завладели естеством моим.
Носитель зла, бесчестия носитель,
Я многогрешен пред тобой, спаситель.
Настанет срок — и буду я судим.
Пусть, обречённому, мне будет худо,
Но всё-таки сверши благое чудо,
Подав надежду грешникам другим.
Избавь от зла путём, тебе угодным,
Меня, который создан земнородным
И озарён сиянием благим.
Прими меня в своё святое лоно,
Преобрази, чтоб я хоть отдалённо
Стал, господи, подобием твоим.
Лишь ты священен в образе едином,
Отец небесный совокупно с сыном
И с духом со святым.
Аминь.

Глава 46

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Я хмурый человек, суровый нравом,
Судим твоим судом, я буду правым,
Покуда же я сам себя сужу,
Я схож с презренным пастухом наёмным,
За стадом всех грехов моих огромным,
Как свинопас, понуро я хожу.
Иль я другому пастырю подобен,
Своих пасу я козлиц много лет,
Не понимая, по чьему подобию
И чьею волей я рождён на свет.

2

На пару сильных сопряжённых ног,
Как ангелы, поставлены мы с вами,
И каждый, чтобы из-под неба мог
Великий оглядеть земной чертог,
Был одарён широкими крылами.

Зачем же, о глупец, столь скудно мысля,
Ты опустился до земли, во прах?
Заботясь только о земных делах,
Зачем к онаграм сам себя причислил?

Ты, как светильник многоответвлённый,
Увенчан головою, человек,
Затем, чтобы из праха сотворённый
Свой образец не забывал вовек.

И одарён ты разумом могучим,
Чтоб мыслил ты и внятным языком
В мольбе своей напоминал о том,
Кто даровал тебе благополучье.

Две сильные руки тебе он дал,
Чтоб ты трудился, не прося подмоги.
И, назидая, людям бог сказал:
«Сыны всевышнего, вы сами — боги!».

В тебе есть триста шестьдесят суставов,
Есть пять различных чувств — чтоб осязать,
Вкус различать, чтоб слышать, обонять,
Чтоб видеть мир создателю во славу.

Из членов всех, что господом даны,
Одни тверды и мягки остальные.
Те слишком грубы, прочие нежны.
Есть важные, хоть, может, и срамные,
Но, дар господен, все они нужны.

И если все исчислим мы и сложим,
Увидим: органов и чувств твоих
Как дней в году, что доказать нам может
Необходимость каждого из них.

3

И есть ещё сустав — союз любви,
Единство церкви даровавший миру.
И малых и великих назови,
Кто носит рубище и кто порфиру,
Здесь равны все под сению Христа,
Тверда их нераздельность и чиста,
Хоть, может, те — всевластны, эти — сиры.

Когда отъять от плоти член любой,
Разрушится премудрое строенье
И станет безобразен облик твой,
Утратив совершенство единенья.

И хоть твой дальний предок преступил
Запреты рая божьего, но всё же
Ты, грешник, по крещеньи сохранил
И образ божий и подобье божье.

Так объясни, какой корысти ради,
Под действием каких недобрых сил
Ты божьей славы сам себя лишил,
Как предок твой в небесном вертограде?

Зачем молений жарких не вознёс
И двери в рай замкнул перед собою?

Зачем однажды скверну горьких слёз
Ты сам смешал с прозрачною водою?

Зачем ты чистых риз своих покров
Запачкал скверною греха былого
И скинутый хитон своих грехов
Распутством на себя напялил снова?

Зачем ты чистоту омытых ног
Испачкал грязью на пути коварства?
Зачем себя в преддверьи божья царства
От клятвопреступленья не сберёг?

Зачем, свернув с тропы благого дела,
Как птица в сети, угодил в беду?
Зачем попался бесу на уду
Ты, причастившийся Христова тела?
И всё же на него лишь уповай,
Ты, с ног до головы покрытый скверной,
Молись, несчастный, кайся, умолай.
Лишь он один благий и милосердный!
Аминь.

Из главы 51

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Я, смертный, не обласканный судьбой,
Ужель к себе подобному с мольбой
Мог обращаться, горестно стеная,
Бессилия людей не понимая?

Ужель к тому я обращал моления,
Кто сам ничтожен силой, речью слаб?
У мыслящих существ искал спасенья
Я, мыслящий, но не разумный раб?

Ужель молил людей, власть предержавших,
Владык, как и дары их, преходящих?
Ужели брата я молил родного,
Который сам искал прозренья свет,
Ужели я молил отца земного,
Что сам прощенья ждал на склоне лет?

Ужели мать молил я в тишине?
Ужели ждал от той ответной вести,
Чья нежность и забота обо мне
Оборвались с мгновенной жизнью вместе?

Ужели я молил земных царей,
Не понимая, что цари земные
Способны смертным смерть нести скорей,
Чем блага жизни иль дары иные?

О нет, не к братьям, не к царям земным —
Я обращался лишь к тебе, о боже,
Лишь ты один всё можешь дать живым
И после смерти воссоздать нас можешь.

.

Из главы 54

Слово к богу, идущее из глубин сердца

3

Плывёт пловец, захлёстнутый волнами,
Его пучина бьёт, а он плывёт.
Покуда взмахивает он руками,
Но силы кончатся его вот-вот.

Бьют волны и бока его, и спину,
Ест соль глаза, а морю нет конца.
Оно в свою солёную пучину
Сейчас затянет бедного пловца.

Пловец плывёт, но нет ему спасенья.
Он не уйдёт от вздыбленных валов.
Жалчайшее господнее творенье,
Как бедный тот пловец, и я таков.

Мне говорят — понять я не пытаюсь,
Не слышу, хоть мне голос подают.
Трубит архангел — я не пробуждаюсь,
Недвижим я, хотя меня зовут.

Я позабыл всё то, что раньше видел,
Черствее становясь день ото дня,
Бесчувственен я к боли, словно идол,
Хоть люди ранить норовят меня.

Мне лестно даже с идолом сравненье.
Я хуже, ибо совесть нечиста.
Презренный и достойный обвиненья,
Дерзаю всё ж вымаливать прощенье,
Спасенье у спасителя Христа.

Глава 55

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Парил я на крылах души моей
Над сонмом живших в мире сем от века,
Но многогрешного меня грешней
Покуда я не видел человека.
Всё это взвесив на весах ума,
Я обратил к себе как прорицанье
Нетленный стих Давидова псалма:

«Со мною кто сравнится в злодеяньи?».
Так что ж скажу я своему врагу?
Чьё прокляну и чьё ославлю имя?
Я, грешный, лишь себя клеймить могу
Словами беспощадными своими.
И мне, отягощённому виной,
Я верую, даруешь ты прощенье,
Как ныне я прощаю прегрешенья
Всем тем, кто был виновен предо мной.

2

Какие б я моления возгласил,
Какие б воскурил благоуханья,
Чтоб только ты, о господи, простил
Людей, которых я порочил бранью!
Чтоб осуждённого ты оправдал,
Пленённому — свободу даровал,
Утешил бы скорбящих, удручённых,
Призрел обманутых и обречённых;
Чтоб скорбных духом ты утешал.
Когда добро намерюсь совершать я —
Чтоб ты, великий, мне прибавил сил;
Когда намерюсь произнести проклятье —
Чтоб ты остановил и вразумил!
Чтобы в молениях я, страдавший много,
Всем зложелателям своим простил,
Чтоб голос злобы, неугодный богу,
В ожесточённом сердце усмирил;
Чтоб я забыл вчерашние обиды,
Молясь о примиреньи всех людей,
И чтоб возрадовался ты, увидев,
Каким я стал по благодати твоей.
Вся жизнь — в тебе, лишь ты — бессмертье смертного,
Упорство человека неусердного.
Ты — сила слабого, богатство — скудного,
Ты — мудрость для меня, для безрассудного.

Я как пловец. Ненастье, тьма и ветер
Мне ощутить мешают силу зла,
Я словно птица, что попала в сети
И гибели своей не поняла.
Не понял я, что страшен мир двуликий,
Что губит он, соблазнами маня.
Как псалмопевец говорил великий:
«Постигли беззакония меня».

Один мудрец назвал в года былые
 Смерть без причины явной злом большим.
 Хоть он — язычник, я согласен с ним:
 Мгновенной смертью правят силы злые.
 Как скот бессмысленный и бессловесный,
 Мы исчезаем вдруг во мраке бездны,
 Не осознав сей жизни пустоту.
 Мы умираем и не ужасаемся,
 Мы исчезаем и не удивляемся,
 Мы даже в час последний не смиряемся.
 Отлучены бываем — не терзаемся,
 Порокам предаёмся и не каемся,
 Соблазнов низких не остерегаемся,
 Всему предпочитаем суету.
 Смиранный Иов смерть назвал покоем.
 Я с ним согласен днесь и наперёд,
 Когда б не зло, содеянное мною,
 Что втайне для меня же сеть плетёт.
 На свете настоящее — ничтожно,
 Грядущее — темно, бывшее — ложно.
 Я хуже всех, моя греховна суть.
 В грязи желаний я погряз по горло.
 Земные страсти мне сжигают грудь.
 Нетвёрдый разумом, иду нетвёрдо.
 Над глиняной обителью моей
 Дожди не утихают проливные,
 А слабый дух мой — глины не прочней,
 Соблазны мира — не добрей стихии.
 Что я скажу пред тем, как умереть?
 Мои деянья скудны, страсти — странны.
 Из ничего мой скарб, из ветра снедь,
 Усилья тщетны, радости обманны.
 Когда настигнет смерть, то силы зла
 Пред справедливостью должны склониться
 И заповедь, что мне дана была
 Для жизни, — лишь для смерти пригодится.

Как сказано о том в Святом писании,
 Пришёл посланник зла, мой давний враг,
 Он отнял всё, и сердца достоянье
 Разграблено, и разум мой иссяк.
 Я к господу, безумный, не взывал;
 Чем шёл быстрее, тем глубже увязал.
 Стремясь к величию, терял я веру,
 К безмерному стремясь — утратил меру.
 Терял я большее, чем находил,
 Был осторожен — лишь себе вредил.

Идти старался прямо — спотыкался,
Стремясь за лишним — нужного лишался.
Избавился от меньшего из зол,
Но гибельные страсти приобрёл.
То, что искал, считал всего дороже, —
Не стало оправданием моим.
В тебе одном моё спасенье, боже,
Я пред тобой склоняюсь, всеблагим.
Тебя молю я, раб твой неусердный:
Моей молитвы в гневе не отринь.
Будь милостив, отец наш милосердный,
Прибежище души моей.
Аминь!

Глава 56

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Как ядовитый плод на древе ада,
Или враждебной ставшая родня,
Иль сыновья, предавшие меня,
Грехи меня терзают без пощады,
Всё неотступнее день ото дня.

2

Я сердцем хмур, устами злоречив.
Мой слух неверен, взор мой похотлив.
Моя рука готова смерть нести,
Моя нога сбивается с пути.
Мой смраден вздох, походка не тверда,
Я не оставлю по себе следа.
И воля к благу у меня шатка,
Зло крепко, добродетель не крепка.
Божественный завет я позабыл,
Указанный запрет я преступил.
Я — дичь, не избежавшая стрелы,
Бежавший раб, упавший со скалы,
Я — узник, чей конец наступит вскоре,
Морской разбойник, что утонет в море.
Я — робкий ратник, я свидетель лживый,
Нестойкий латник, пахарь нерадивый,
Священник, презиравший амвон,
Законник, попирающий закон,
Звонарь церковный, невпопад звонящий.
Я — проповедник, смутно говорящий,
Я — взгляд, который неприятен людям,
Ужасен ликом я и сердцем скуден,
Я — прерванная трапеза хмельная,
Я — праздник жалкий, красота смешная,
Я — сад, который высох и заглох,

Я — жнец, который жнёт чертополох,
Сажаящий крапиву садовод,
Мышам доставшийся пчелиный мёд.
Я — близкими покинутый старик,
В грехе упорствующий еретик,
Болтун пустой, гордец скотоподобный,
Хвастун и лжец, скупец, мздоимец злобный.
Я — леность, я — надменность, я — коварность,
Бесстыдство, чёрная неблагодарность,
Великолепье, жалкое обличьем,
Ничтожество, надутое величием,
Величие, что пред низостью склонилось,
Могущество, чья сила истощилась.
Я — управитель-плут, советчик ложный,
Торгаш бессовестный, друг ненадёжный,
Сосед злословящий, богатый скряга,
Чьей смерти ждут наследники как блага.
Бесчестный казначей, служитель-бражник,
Глашатай лживый, нерадивый стражник,
Я — нищий, жалкий, но высокомерный,
Правитель алчный, царь жестокосердный,
Я — вестник, с доброй вестью опоздавший,
Посредник, поводом раздора ставший.
Я — царь-изгнанник, царь, лишённый трона,
И царь-тиран, не знающий закона.
Я — воин, побеждённый и несчастный.
Я — самовластный князь, судья пристрастный.
Я — полководец, робкий и бесславный,
Слуга лукавый, раб самоуправный.
Я — песня, сочинителя позор,
Для обвинителя я — приговор.

Когда-то раньше не творил я зла,
Мне отовсюду вслед неслась хвала.
Но всё прошло, мой мир перевернулся,
И ныне я — носитель многих зол.
К одним пришёл я, ибо обманулся,
Другие я по слабости обрёл.

3

Изо всего, что ныне перечислил,
Всего, чем ныне утрудил тебя,
Что́ тягостней тебе и ненавистней,
Каким грехом я погубил себя?
Что совершить и как тебя восславить
Рабу, который скорбию томим?
Как от грехов своих себя избавить,
Представ перед величием твоим?

Сколь велико, скажи, твоё терпенье,
И долго ль будешь ты меня прощать,
И долго ль будешь, господи, молчать,
Мои земные видя прегрешенья?

Тебе совсем мою презреть бы речь,
Тебе б не слушать слов моих ничтожных,
Не для меня ль карающий твой меч?
Я заслужил, чтобы меня обречь
На казнь, что ждёт преступников безбожных.

Но ты меня, бредущего во мгле,
И прочих, мне подобных, на земле
Врачуешь добрым светом милосердия,
Чтоб душам нашим обрести бессмертье
Там, где мерцает неземная синь.
Нас, грешных, не по нашему усердию
Ты одаряешь, господи.
Аминь.

Глава 60

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Могу ли я, рыдая безутешно,
Читать псалмы, где правда столь светла?
Я, знающий: противна похвала,
Которая из уст исходит грешных.

Могу ль псалмы святые повторять я,
Несущие мне, грешнику, проклятья?
Могу ли я угрозу воспевать
И сам к себе укоры обращать,
И не лилеи, что мечтал срывать я,
А тернии с груди моей срывать?

Я не осмелюсь повторить гневливых
Слов псалтыря, страшась их правоты:
«Ты сокрушаешь зубы нечестивых!»,
«Врагов закона ненавидишь ты!».

Могу ли я, порочный и беспечный,
Грешней любого грешника вдвойне,
Сказать: «Суди меня по правде вечной,
По непорочности моей во мне!»?

Могу ль, сказавший столько слов прелживых,
Слова псалма прочесть от всей души:
«Да прекратится злоба нечестивых»,
Иль: «Мышцу нечестивца сокруши!»?

Скажу ли: «Вырвет бог, не пощадив,
Язык, что лжив или велеречив»,

Когда я сам в словах не знаю меру,
Скажу ли: «Бог прольёт огонь и серу
На нечестивцев, что порочат веру»,
Когда я грешен сам и нечестив?

Скажу ль: «От помыслов моих — ты видел —
Ни словом отступить я не посмел,
От тех, кто гнал меня, кто ненавидел,
Хранил себя, как ты мне повелел!»?

Сколь буду я в словах своих неточен,
Сказав: «Я был пред богом непорочен,
И за безгрешность мне господь воздал!»,
Я сам себя за ложь бы осмеял,
Сказав: «Безвинный, руки я омою»,
Как я свою вину и грех свой скрою?
Каким бы жалким богу я предстал,
Когда б считал, что был для всех примером,
Что не служил вовек я маловерам
И что престолы грешных обличал?

Как это я, который проклят сам,
Могу к кому-то обратить проклятья?
Как, указав перстом, могу сказать я:
«Им, господи, воздай по их делам!».

2

Всё то, что перечислил я сейчас, —
Моих грехов лишь небольшая доля,
И гнева божеского грозный глас
В строках псалмов звучит который раз.
Когда своим слезам я дал бы волю,
То их потоки хлынули б из глаз.

Псалом сорок девятый псалтыря
Ко мне свой обращает голос грозный,
Как будто со стены монастыря
В меня бросает камень смертоносный.

Он, о моих злокознях говоря,
Последнюю надежду отнимает
И жалкие уста мне замыкает,
Чтоб, грешный, я не славословил зря.

Для нас беда — проклятие чужое,
Но клясть себя самих страшнее вдвое.
Скорбим, когда хулит нас враг иль друг,
Но ожидание от всеблагого
Хулы и осуждающего слова —
Претерпевание кровавых мук.

Но если ты, терзаемый страстями,
Осудишь сам себя и укоришь,
Ты со своими прошлыми грехами,
Благословенный божьими устами,
К нему при жизни путь свой обратишь
И горькопокаянными словами
Свое ты обращение озаришь.

Уместно вспомнить, как давным-давно
Недужная овца на божьем поле,
Чтоб исцелиться, обращалась к соли.
Сим тварям большего и не дано.

Людей же, ум и речь нам даровав,
Бог отличил; так что ж в грехе упорном
Находим мы на поле животворном
Лишь смертоносную из многих трав?

3

Я придаю значение словам,
Я вижу в них пример, меня корящий,
Зло умышляющий, порой я сам
Ищу огонь, меня испепеляющий.

Как ни молился б я, как бы ни славил
Слова святые, прок не столь велик,
Пока я в них душою не проник,
Как говорил о том апостол Павел.

Вслед за псалмом мне речь не подобает:
«Изыдите все те, кто осквернён,
Все те, кто беззаконье совершает!».
Ведь я и сам из тех, кто нарушает
И заповеди, и святой закон!

Могу ль сказать я вместе со святыми:
«И раб храним законами твоими»?
Нет, вместе с праведными повторять
Мне пастырское слово не годится,
Негоже господу благословлять
Мне вместе с теми, кто его боится.

Я, многогрешный, тяжко согрешу,
Мольбу Давида повторив сегодня:
«Лишь одного у господина прошу,
Чтобы и мне быть в скинии господней!».
Я — грешник, и такое тяжело
Произнести устами святотатца:
«Создатель против делающих зло!»,
«Свершающие зло, да истребятся!».
Но, нечестивец, я свершаю зло,
И на меня проклятья обратятся.

Я гибели своей могу ль желать,
Твердя: «Пусть гибнут те, что нечестивы!»?
Язык мой недостойн, злоречивый,
Псалом благословенный повторять
И речь: «Я путь свой буду наблюдать,
Чтоб языком моим не согрешать!».

Могу ли похваляться я, хвастливый:
«Меня, о господи чадолюбивый,
Ты должен в непорочности приять!».

Как я скажу, неправедный и лживый:
«Неправедных и лживых осуди!»?
Как я скажу: «Избавь и огради
От всех лукавых и несправедливых?»

4

В своём тщеславьи, в суетном бессильи,
Как за Давидом повторю я вдруг:
«Мы бога своего не позабыли,
К чужому богу не простёрли рук»?

Я понимаю: тьмой и тьмой грехов,
Что я творю или творил когда-то,
Я рукотворных создавал богов —
Астарту ли, Милхома, Тарахата —
В обличьи богомерзком — то ослов,
То женщин, коим ничего не свято.

Как может повторить мой грешный глас
С безгрешными, что стоны исторгают:
«Мы за тебя страдаем каждый час!
Нас, что ни день, за веру умерщвляют!»?

Могу ли я, забыв и грех и блуд,
Сказать псалом себе же в назиданье:
«Уста мои премудрость изрекут,
Я, размышляя, обрету познания!»?

Как мне постичь, опутанному ложью,
Суть повторённых дважды слов святых:
«Я, праведник, ходил пред ликом божьим,
Я жил безгрешно на земле живых!»?

Нет, грешный мой язык сказать не может
Тех строк священных, что страшат меня:
«Как тает воск от яркого огня,
Пусть грешники от рук погибнут божьих!».

Как я скажу, грешивший в жизни этой:
«Я душу изнурил своею постом!».
«Ходил и я, во вретнице одетый,
С главой поникшей, сумрачный челом»?

И, будь безгрешен, я бы укоренье
Иакову, быть может, обратил,
Но истину я принял вместо тени
И все его ошибки повторил.

Забыл я, что Христос рукой своей
Благих чудес нам, грешным, во спасенье
Свершил не менее, чем Моисей, —
Он был предвестьем божья воплощенья.

Тьма чёрных бесов не даёт мне жить,
Как варварское племя, копошится.
Теперь я знаю, если говорится,
Что трупы отдаются хищным птицам,
Не птицам — бесам надо б говорить.

Я волю слил со злом, по воле злой
Могу ль я речь свою назвать святой,
Как семя, что упало при дороге?

Могу ли я роптать на бесов злых,
Замысливших против твоих святых,
Коль сам тех бесов лучше я немногим?

5

О боже, чтоб противились мы им,
Дай силы нам, даруй нам озаренье
И окружи нас воинством своим,
И нас оборони крестом святым
От сатанинских ветров искушенья.

Пусть глубоко моё грехопаденье,
И всё же я ни въяве, ни во сне
Не богохульствовал в своих реченьях,
И в гибели людей, подобных мне,
Ты вряд ли обретёшь успокоенье.

Ты, боже, от того ли не страдал,
Что умертвил неверных столь жестоко
И что потоп на землю насылал,
Хоть и в искоренение порока?

Ты всё же даровал нам благодать,
Сказав, чтоб мы запомнили вовеки:
«Я более не стану проклинать
Всю землю за изъяны в человеке!».
Ты, господи, прощаешь даже тех,
Кто за свои преступные деянья,
За совершённый самый тяжкий грех
Тягчайшего достоин наказанья.

И льётся дождь, твоей послушен длани,
Ты исцеляешь тем дождём своим

Отступника, хоть он неисцелим,
Его спасенью радуясь заране.

Ты и меня, о господи, любя,
Вспои живой росой милосердно,
Чтоб, от грехов очистясь, я усердно
Мог славить триединого тебя!
Аминь.

Глава 71

Слово к богу, идущее из глубин сердца

1

Пребудь счастлив и славен, сонм святых,
Хотя порой иные отступались,
Хотя порой иные колебались,
Но вновь гореньем чистым озарялись,
И находили путь, и утверждались
В неложности молитв и дел своих.

Они являли слабости подчас,
Но отрекались от сует мгновенных
И возвышались в помыслах священных
Над брэнной сутью каждого из нас.

Была всегда их чтима чистота,
И не было к мольбе их небо глухо.
Их чтят, как тело господа Христа,
В них — обители святого духа.

В них нету ни следа, ни тени тьмы.
Их праведность светла в сияньи божьем.
Они богоподобны, если мы
Кого-то богу уподобить можем.

Была их жизнь чиста и безупречна,
Неколебима воля, вера вечна.
Их истина едина и одна.
Всему, что в мире тленно или мнимо,
Противоборство их неборимо.
Их благочестие несокрушимо,
И мудрость их для нас непостижима,
Сияньем Божиим озарена.

Молить их, как создателя молю я,
Деяния их чтить по мере сил
И уповать на помощь их святую —
На это нас всевышний вразумил.

А я, ничтожный в мыслях и делах,
 Хулы достоин, грешник безнадёжный,
 Я бодрствую, но сон в моих глазах.
 Дремлю, хотя мои открыты вежды.
 Молясь, я в мыслях осуждаю близких.
 Молясь, я мыслю о деяньях низких.
 Иду вперёд — и вдруг подамся вспять.
 Едва очистившись, грешу опять.
 Страстей своих греховных и гордыни
 И умиротворись я не уйму.
 Я мёд мешаю с горечью полыни,
 В сияньи дня предвосхищаю тьму.

Я прячу тернии среди цветов.
 Едва покаюсь, снова согрешаю.
 Моё цветенье не даёт плодов.
 Я не творю того, что возглашаю.
 Даю зарок и тут же попираю,
 Я простираю длань и опускаю,
 Ни с кем своим достатком не делюсь.
 Что посулил, того не дать стараюсь.
 Едва от прежней язвы исцелюсь —
 И снова гнойниками покрываюсь,
 Веду корабль я, но с пути сбиваюсь,
 Я отправляюсь в путь и возвращаюсь,
 Едва наполнившись, опустошаюсь,
 То распадаюсь, то воссоздаюсь,
 То сею смуту я, то примиряю,
 Виновный сам, другого обвиняю,
 Я повинюсь и тут же отрекись.

Того, что начал, я не завершаю,
 Растрачиваю всё, что обретаю,
 Что накопил, немедля промотаю,
 Немудрый сам, я мудрых поучаю,
 Вражды погасшей пламень раздуваю
 И никогда того не постигаю,
 Чему учусь и что постигнуть тщусь.

Что сам я разорву — потом латаю,
 Я злаки мну, крапиву насаждаю,
 Я белым голубем в гнездо влетаю
 И вороном оттуда вылетаю.
 Едва поднявшись, вновь к земле стремлюсь.
 Я, белый, обернусь мгновенно чёрным.
 Строптивый, притворяюсь я покорным,
 От истины в гордыне отвернусь.
 Что правою рукой оберегаю,
 То левою беспечно разоряю.

Себя считаю правым, хоть неправ.
Я истину устами утверждаю,
А сердцем лгу, все истины поправ.
Сауловы деянья совершаю,
Давидово обличие приняв.

Сначала я заблудшим притворяюсь,
А после откровенно заблуждаюсь.
То я смиренно не поднимаю глаз,
То вместе с бесами пускаюсь в пляс.

Хвалим я грешниками и утешен,
А кто безгрешен, те меня хулят.
«Блажен ты», — говорят мне те, кто грешен.
«Ты грешен», — праведники говорят.

Но мнится мне суд праведных пристрастным,
И я не к ним, а к низким духом льну.
Порою перед грешником несчастным,
Пред самым недостойным спину гну.

Не различив, что бrenно, что нетленно,
Хожу я в облачении чужом,
Но люди узнают меня мгновенно,
Как чайку в оперении чужом.

Порой многоречив я неуместно,
Когда ж ответить надобно — я нем.
Куда богатство трачу — неизвестно,
Но в день расплаты остаюсь ни с чем.
Бывает, в час восхода я богат,
Но нищим застаёт меня закат.

Пашу я нерадиво пашню воли.
Боюсь чего-то, что-то сделать тщусь...
Я вечером с тревогой спать ложусь
И просыпаюсь от душевной боли.

И всё-таки, беспутный, безрассудный,
Я, господи, твой сын, я сын твой блудный.
Я — пленник, что собою сам пленён,
Прислужник смерти, сам я обречён.
Я — ветвь, что только для огня годится,
Я — огонь погасший, что не возгорится.
Я погибаю, сам себя кляня.
Мне ведомо: моя плачевна участь.
Чем сам я, кто гневней казнит меня?
Я сам уже теперь сухие сучья
Готовлю впрок для адского огня.
И пред тобою, грешный и упрямый,
Стою сейчас с повинной головой,
Как Каин — порождение Адама,

О господи, я — сын преступный твой.

О господи, твой грешный сын, я стражду.
Давно себе я вынес приговор.
Давно мой каждый шаг и вздох мой каждый
Мне самому — проклятье и укор.

3

Как мне спастись в греховной жизни сей,
Когда и Авраам мне в осужденье
Мои припоминает прегрешенья,
Когда в меня бросает Моисей
Слова, что тяжелее, чем каменя,
И праведный Навин во гневе мстит,
Весь род карает заодно с Аханом,
И выдаёт на гибель царь Давид
Людей безвинных гаваонитянам,

Когда он — царь великий, зло тая,
С Навалом сводит счёты, с сумасшедшим,
Когда ревнитель божий Илия
Людей палит огнём, из туч сошедшим.

И тот, кто, может, праведнее всех —
Апостол Пётр людей карает сирых,
Ниспосылая смерть за малый грех
Анании с женой его Сапфирой.
Когда ведун великий душ людских,
Апостол Павел, столп вероученья,
К благим словам в посланиях своих
Примешивает смрадный запах тленья,
Моей вине нет края, нет конца.
Сонм воинов, отважных и суровых,
Блаженных сонм и сонм святых, готовых
Исполнить волю нашего творца;
Земля и твердь, и огонь, и все стихии,
Живая тварь и камни неживые —
Все карою грядущей мне грозят,
Напоминают мне грехи земные
И предрекают мне кромешный ад.

Грешащий, я под стать морской стихии:
Кто в душу мне пытливый бросит взгляд,
Увидит: маленькие и большие
Внутри меня чудовища кишат.
Увидит, как чудовищ этих сонмы
Меня терзают в жизни сей земной,
И подтвердит свидетель потрясённый
Правдивость слов, произнесённых мной.

О господи, моих грехов премного,
Но ты даришь спасенье нам, живым,

Единородный сын живого бога,
Ты, что всемогущ и непостижим.

Господь неизреченный и нетленный,
Понеже все мы под твоей рукой,
Прости, и дух мой, бурей смятенный,
Ты, боже, укрепи и успокой.

Своим мечом карающим и правым,
Чтоб не осталось бы от них следа,
Ты отсеки бесчисленные главы
Чудовищ тайных моего стыда.

И этих скорбных песнопений слово
Услышь, не усомнись в моей мольбе,
И не отвергни, господи, сурово
Молитву, обращенную к тебе.

Мои слова, как ладан благовонный,
Прими, господь, и мир мне принеси,
И, как пророка своего Иону,
От чудищ и от бурь меня спаси!

Услышь, о господи, мои стенанья,
Прими мою молитву покаянья,
Умерь мои бесчисленные страданья,
Меня в мой час последний не покинь.
Моё единственное упование —
Отец и сын и дух святой.
Аминь!

Глава 80

Слово к богородице, идущее из глубин сердца

1

В молитвах многие проводший дни,
О мать божья, пресвятая дева,
Я днесь тебя молю: оборони
От божьего карающего гнева!
Пречистая, ты — ясный свет дневной,
Сияющая в небесах денница,
Ты, что святей обители святой,
Меня услышь, небесная царица!
Ты, укрепленная творцом земли,
Прикосновением святого духа
И сыном осененная, внемли,
Мой стон пусть твоего достигнет слуха.
Родившая того, кто триедин,
Вскормившая его, кто по рожденью
Любимый и единственный твой сын
И господин твой, царь по сотворенью.
Я, с праведного сбившийся пути,

Днесь преклонился пред тобой в смиреньи.
Услышь мои мольбы и обрати
Ко всеблагому, как свои моления.

Ты вознеси мольбу мою и с ней
Соедини своё святое слово,
И пусть оно дойдёт до всеблагого,
Любовью озарённого твоей.
Пусть не карает он меня сурово,
Хоть я, быть может, худший из людей.
Пусть не казнит, а даст мне силу снова
Ему молиться до скончанья дней.

2

К твоим стопам прикинуть мне дозволю,
Ты, признанная матерью живущих,
Чтоб я без мук покинуть мог юдоль
Пороков и страстей, меня гнетущих.
Пошли спасенье, свет зажги вдали,
Чтоб путь к спасенью стал бы мне приметней,
И всеблагого сына умоли,
Чтоб стал мне торжеством мой день последний.
Меня в молитве слёзной помяни,
Открой мне путь, доселе неизвестный.
Пред господом колена преклони,
Дай руку падшему, о храм небесный!
Снимавшая спасителя с креста,
Мне вымоли, владычица, спасенье,
Ты, мать Иисуса, так чиста,
Что будут приняты твои моления.
Стань для меня защитною стеной,
В мою защиту обрати моления,
Чтоб ныне совершилось надо мной
Таинственное чудо очищенья!

3

Я, грешный раб, до рокового дня
Тебе молиться буду, восславляя,
Когда спасёшь, владычица, меня,
Когда ты смилуешься, пресвятая.
Когда ко мне ты снидешь, утешённому,
И облегчишь мне муку, утешённому,
Когда мои рыдания прервёшь
Ты, всё неистинное попирающая,
Когда простишь мою тщету и ложь,
Ты, непрощённых грешников прощающая!
Когда меня от зла ты оградишь,
Спасающая нас и ограждающая,
Когда, людские беды отвращающая,
Ты дух мой слабый в вере укрепишь!

О, если ты, заклѣтия снимающая,
В груди моей волненье укротишь,
И если, благодать всепримиряющая,
Меня, владычица, благословишь.

И если ты смятенного меня
К себе приблизишь, о присноблаженная,
И если сокрушенного меня
На верный путь наставишь, совершенная,
И если ныне успокоишь ты
В моей душе мятежное волнение,
И если недостойного прощенья
Своим прощеньем удостоишь ты, —
Услышь меня, скорбями удрученнаго,
Спаси меня, на гибель обреченнаго!
Быть может, в вышине твоя рука
Благословит мою стезю тернистую
И капля девственнаго молока
Падѣт мне в душу с губ твоих, пречистая!
Творца всего, что суще в мире сѣм,
Ты, мать, беспорочно породила,
Неизреченно в нем соединила
Суть бога с человѣчим естеством.
Он, судия и наставитель мой,
Создатель, зрит души моей поруху.
Хвала единству троицы святой —
Отцу и сыну и святому духу.
Аминь!

ГРИГОР МАГИСТРОС ПАХЛАВУНИ

Григор Магистрос Пахлавуні родился в 990 году. Учёный, философ и поэт. Основные труды посвящены философским и религиозно-дидактическим проблемам. Перевёл на армянский язык сочинения Платона, Сократа и Эвклида. Основал в Армении (в Бжни и Тароне) академии. После падения Ани, столицы средневековой Армении, переселился в Месопотамию, где и жил до конца своих дней. Умер в 1058 году.

Писал Григор Магистрос сложным, зачастую непонятным языком.

Сочинения на армянском языке: Стихотворения Григора Магистроса..., Константинополь, 1746; Письма Григора Магистроса, Александрополь, 1910.

ПРИЗЫВ К БОЮ

(Послание к неизвестному)

В наш край, слышали мы, чудовище пришло
И алчет крови.

То птица тьмы ночной — сова,
Пёс хищный, сединою убелённый,
Носитель всех пороков, евнухов глава,
Позорный мастер дел ночных,
Прислужник Мономаха,
Подагрика слуга и приближённый,
И разоритель, делающий зло,
Грабитель, славный низостью своею.

Так встань, надень броню, иди на бой.
Кто некогда любил единоборство,
Шёл биться безоружным,
Ныне слонов гигантских в бой повёл;
Лесной медведь готов с тобой сразиться.
Лук натяни широкий,
Отцовский лук,
И заостри трёхкрылую стрелу,
И в бой иди.
И поспешай — то битва Айка с Белом,
И торопись, Арамов славный внук.
Идут халдеи,
Они вот-вот тебя настигнут.
Да укрепит тебя господь,
Хвала Иисусу.

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР

Родился в середине XI века. Подробности биографии неизвестны, хотя найдена рукописная биография Саркавага, переписанная в 1378 г. Автор рукописи, как можно предположить, жил в середине XII века, материалы для биографии собирал у учеников Саркавага, которому принадлежат труды по истории, философии, педагогике, космографии, математике. Из немногих поэтических произведений наибольшей известностью пользуется «Мудрая беседа...».

Умер Ованес Саркаваг в 1129 году.

Сочинения: Г. Абрамян, Труды Ованеса Имастасера, исследования и тексты, Ереван, 1956 (на армянском языке).

МУДРАЯ БЕСЕДА, КОТОРУЮ ВЁЛ В ЧАС ПРОГУЛКИ ФИЛОСОФ ОВАНЕС САРКАВАГ С ПТИЦЕЙ, ИМЕНУЕМОЙ ПЕРЕСМЕШНИК

Отрывки

О птица, птица божия, скрываемая чащею,
Недремлющая, бдящая под веткою в тени,
То весело поющая, то жалобно молящая,
Хвалу во славу господу с моей соедини!

Ты здесь, лесолюбивая отшельница всесветная,
Живёшь, не зная зависти, всех равно возлюбя.
Среди великих малая, средь малых неприметная,
Но могут и великие учиться у тебя.

Среди великих малая, средь малых невеликая,
Но лучше нас понявшая, что в мире всё — тщета.
Беспечна, незапаслива, на ветку с ветки прыгая,
Живёшь во славу господу — спасителя Христа!

Искусна в песнопении, ты сладко заливаешься,
К тебе не прикасаются ни суета, ни ложь.
Зовёшь ли ты кого-нибудь, клянёшься ль, отрекаешься,
Ликуюешь или каешься, — ты день и ночь поёшь.

Ты, дух не осквернявшая и плотью не грешащая,
Вовеки не вкусившая запретного плода,
В заботах неусыпная, всегда к трудам спешащая,
И днём и в ночь безлунную — тебе светло всегда.

Пример святым отшельникам, укор живущим в праздности,
Ты недоступна лени, к злословию не склонна.
Певунья многогласная в своей однообразности,
Ты величава в скромности, в величии скромна.

Одним — способность пения, другим же дар молчания
Дал бог по справедливости, дал в меру наших сил.
Хоть не была ты в горнице на благовествовании,
Разноязыким пением тебя он одарил.

Мудрец из неудачливых, не преуспевший в пении,
Прошу — меня, смиренного, в ученики возьми!
Как плату за учение, создам я сочинение,
Что навсегда останется, читаемо людьми.

Ответ птицы, именуемой пересмешник

Что было мне подарено, в грехе я не утратила.
Не сорвала я с дерева плодов добра и зла.
Я избежала страшного возмездья и проклятия,
Ни башен я не строила, ни бога не кляла.

Горды своею мудростью, грешили вы надменностью,
Один язык дробили вы на сотни языков.
Грешили вы гордынею, не знали вы смиренности
И с каждым шагом множили число своих грехов.

В своих чертогах каменных отмеченные скверною,
Природу невзлюбили вы, и ваша в том вина.
Я ж, птица, от рождения была природе верною, —
За верность откровеньями её награждена.

Вы как единство созданы, но противоборением
Разобщены вы, смертные, на множество частей.
А мы, созданья малые, велики единением,
Спаситесь нам помогающим от пагубных сетей.

**Философ оправдывает ответы птицы,
именуемой пересмешник,
и проявляет к ней снисходительность**

.
В суровом осуждении права ты, птица, может быть.
Хотя он и загадочен, нам мир природы мил.
Но, грешных от рождения и прегрешенья множащих,
Нас от природы истинной создатель отдалил.

О птица, птица божия, твоё мы слышим пение.
Перед твоею песнею ничтожна песнь моя.
Но звучным щебетанием, суровым осуждением
Мешаешь размышлениям о тайнах бытия.

Смущаешь ты укорами покой мой, птица малая,
В минуту обретения душою высших благ.
Ты в строгом обличении всё, чем грешил, бывало, я,
Склонна преувеличивать, как будто я — твой враг,

Я трачу дни короткие на обретенье мудрости,
Ищу пути, которые предначертал творец.
Зачем же дух мой алчущий ты обвиняешь в скудости?
Тобою оклеветанный, не враг я, но истец.

И как истцу пристало мне порочить обвинённого.
Скажи: коль, птица певчая, сродни ты соловью,
Что́ не поёшь в пустыне ты, от мира отрешённая,
А средь людей построила ты келию свою?

Искусники великие: Орфей — певец из Фракии,
И Арион прославленный, и Амфион из Фив,
Хоть пели восхитительно, но признаю, однако, я,
Что птичье пенье сладостней в тиши лесов и нив.

У всех твоих сородичей есть мастерство врождённое,
Да и тебе такое же природою дано,
Но что ж ты лес покинула и, чем-то привлечённая,
Моё жильё заметила и здесь кружишь давно?

.

**Философу, обвиняя, отвечает птица,
именуемая пересмешник**

Постигший мудрость многую, напрасно ты винишь меня,
От века мы — исконные владетели земли.
А вы, созданья высшие, но всё ж владыки пришлые,
За грех из рая изгнанны, на землю вы пришли.

Земля сия бескрайная нам отдана в наследие,
Чтоб жили и плодились мы, не ждя иных наград.
А вы, желая многого, утратили последнее,
На небеса позарившись, вы заслужили ад!

Разбогатеть мечтали вы, да стали духом нищие,
Попрали слово божие, низвергнуты во прах.
Попали в преисподнюю, как ни стремились к высшему,
Идя за искусителем, погрязли вы в грехах.

Братоубийцы злобные, ходить вам неприкаянным,
И не услышат ангелы ваш вопиющий глас.
Вы, люди, слуги божии, роптали на Хозяина,
И, слуги ваши кроткие, мы обличаем вас.

Наказанным изгнанием за вашу суть лукавую,
Вам с нами жить, с безгрешными, и ныне и всегда.
Отвергшим пищу чистую, вам пищу есть кровавую,
У нас обитель общая и общая беда.

Рассудком наделённые, стоящие над безднами,
Вы поминутно множимым грехом осквернены.
За ваши прегрешения мы — твари бессловесные,
Создания неразумные страдаем без вины!

За ваши прегрешения, невыполнение должного,
Создания бессловесные, мы горестно живём.
Нет лекаря искусного, и крова нет надёжного,
И нашу пищу скудную находим мы с трудом.

Познали мы лишения за ваши прегрешения.
Вы землю нашу заняли, за грех сюда попав.
Ничтожны ваши доводы и ложны обвинения,
Ответствуй же по совести — кто виноват, кто прав?

**Сопоставление двух речей и признание
философом своего поражения**

Ты поразила мудростью сужденья непреложного,
Искусно ты оспорила все вымыслы тщеты.
И, мудреца ничтожного, меня, поэта ложного,
Своею речью краткою разубедила ты.

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

Нерсес Шнорали родился в 1102 году в Киликии в замке Цовк, области Мараш. Был одним из образованнейших людей своего времени. В 1126 году двадцатичетырёхлетний Шнорали был посвящён в епископы, а в 1166 году — избран католикосом. Из многочисленных сочинений (политические, религиозные, педагогические труды, публицистические речи, письма, духовные песнопения, стихи и поэмы) особенно известны стихи на светские темы. Известны также стихотворные загадки Шнорали, написанные на основе фольклора. Определённое влияние на средневековую армянскую поэзию имела поэма Шнорали «Плач об Эдессе»; в средние века создавались подражания этой поэме.

Умер Нерсес Шнорали в 1173 году.

Сочинения: Стихотворения, Венеция, 1830 (на армянском языке).

НЕБО

Небо я, будучи раз навсегда сотворённым,
Неизреченно раскинулось сводом бездонным.

Отделены, как заметил ещё Моисей,
Верхние воды от нижних стихией моей.

Соединило навечно пространство небесное
Оба начала: телесное и бестелесное.

Ибо, подобно стихии телесной, я зримо,
Как естество бестелесное — неощутимо.

Я покрываю собою четыре стихии,
Те, из которых возникли все твари живые.

Кроме всего, воплощаю я нечто такое,
Что различают не глазом, а только душою.

Я — полукругло, от прочих предметов отлично,
Хоть и в движеньи всегда, я всегда безгранично.

Сущему в мире — всему я конец и начало.
В пропастях я и на кручах — преград не встречало.

Я неподвижным кажусь — неподвижность обманна.
Вдаль я стремлюсь, лишь в движеньи своём постоянно.

Горы высокие, что вас страшат крутизною,
Скаты, глубокие пропасти — всё подо мною.

Не прерывая движения ни на мгновенье,
Небо, я вечно в своём бытии и движеньи.

СОЛНЦЕ ИСТИНЫ

Солнце истины пламень любви запалило,
Лёд неверия, камень греха растопило.
И ростки показали на древе сознания,
Исторгая пьянящее благоуханье.

И на грешной земле зацвели, зашумели
Дерева, что в раю красовались доселе.
И доселе мерцавшие в небе светила
Провиденье на грешную землю спустило.

Призывает спаситель на пир свой небесный
Верных воинов рати своей бестелесной,
Но и смертные мученики и провидцы
К бестелесному сонму должны приобщиться.

Укрепили их дух, укротили сомненье
Муки господа, чудо его воскрешенья.
И явились на пир вереницы гостей
В одеяньях, окрашенных кровью своей.
Обессмертил великий господь естество
Смертных латников воинства своего.

НА РАСПЯТИЕ ГОСПОДНЕ

Тот жаждал на кресте, как человек простой,
Кто создал океан, наполненный водой.

Самаритянку тот «дай мне испить» просил,
Кто всю вселенную бессмертьем напоил.

И сотник римских войск, желчь с уксусом смешав,
Чрез губку напоил царя небесных слав.

Днём солнце было мглой затем облечено,
Что слово вечное землёй оскорблено.

И громким голосом господь с креста к отцу
«Или! Или!» воззвал и предал дух творцу.

Завета Ветхого порвался завес — в миг,
Когда в мучениях даятель жизни ник.

Земля потрясена была до глубины;
Рассеклись камни скал, гроба потрясены;

Темница страшная, восколебался ад,
Тьму душ окованных он выпустил назад:

От гласа мощного того, кем жизнь дана,
Была свобода им в тот час возвращена.

Сей жизнедатель наш когда во ад сошёл,
Он свет затеплил тем, кого в тюрьме обрёл,

На небо верхнее из бездны их вознёс
И с бестелесными — их водворил Христос;

Их свету причастил в чертоге без греха,
Во царстве свадебном святого жениха, —

Там, церкви-матери, где первенцы царят
И Авраамовых наследников где град,

Где праведных ряды пред господом отцом
Ликуют без конца о женихе святом.

С отцом и святым духом, в век веков, псалом
Распятому за нас мы славу воспоём.

ВСЕМ УСОПШИМ

Когда архангел возгремит трубой
И воззовет на Страшный суд всю плоть,
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

Когда с Востока, славой золотой,
Твой лик блеснёт, чтоб сумрак побороть,
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

Ты книгу тайн разверзнешь пред собой,
И задрожит от ужаса вся плоть.
В тот страшный день всех помяни, господь,
Усопших со святыми упокой.

* * *

Утро света,
Солнце справедливое,
Роди во мне свет.

Рождённый от отца,
Слово тебе угодное
В душе моей роди.

Сокровищницу милостыни,
Затаённую сокровищницу,
Пусть я найду.

Двери милостыни
Открой мне, верующему,
К ангелам приобщи.

Союз троицы,
Оберегающий живущих,
И мне свою милость яви.

Разбуди, помоги мне, боже,
Разбуди меня, дремлющего,
Чтобы уподобился ангелам я.

Отец, не имеющий начала,
Сын единосущный
И здравствующий святой дух!

Прими меня, милосердный,
Прими меня, милостивый,
Человеколюбивый, прими.

Царь славы,
Дарующий отпущения,
Прости мне мои прегрешения.

Проповедующий добро,
Одари меня словом,
Первой проповедью одари.

К тебе я обращаю свой взор,
К тебе, господь миролюбивый,
Исцели меня, уврачуй,

Мне, умирающему, будь жизнью,
Во мраке я живу, будь светом,
От хвори излечи.

Тебе открыта мудрость,
Одари меня, тёмного,
Светлой премудростью одари.

Из существа отца рождённый,
Мне, покрытому тенью,
Свет славы открой.

Животворящий спаситель,
Вызволи меня, умершего,
Останови меня, падающего,

Утверди меня верой,
Утверди меня надеждой,
Любовью утверди.

Молю тебя голосом своим,
Руки к тебе простираю,
Даруй мне добро.

Искусный кормчий,
Укрепи меня, потерянного,
Светом лампы своей укрепи.

Луч славы,
Мне, поспешающему,
К небу пути укажи.

Введи меня,
Единородный,
В дом чистой свадьбы введи.

В час славы своей,
В день страшного суда,
Меня, Иисус, не забудь.

Обновляющий ветхое,
И меня обнови,
Вновь меня наряди.

Одаряющий добром,
Даруй мне прощение,
Искупление даруй.

Возрадуй меня, господь,
Скорблю из-за души,
Душу мою спаси.

У тех, кто сеет зло,
Плоды злого семени
Умертви, господь, умертви.

Награждающий благом,
Отпущение грехов —
Мне даруй.

Даруй глазам моим влагу,
Я горячие слёзы пролью,
Беззакония свои я сотру.

Сладостной манной, господь,
Душу мою утоли,
Пути света укажи.

Иисус, именуемый любовью,
Камень моего сердца
Любовью своей смягчи.

Милостью своей,
Своею жалостью,
Возроди меня, утверди.

Жажду видеть тебя,
Жажду мою утоли,
Лик свой яви.

Учитель небесный,
Да не отвергнут небожители
Ученика твоего, меня.

Росу твоей крови
Мне в душу оброни,
И возликую я.

Изнеможён я от грехов,
Молю изнеможённый,
Добра мне пожелай.

Спаситель всех,
От бремени грехов
Спасти меня спеши.

Искупающий беззакония,
Спаси меня, псалмопевца,
Чтобы пел тебе славу.

ГРИГОР ТХА

Григор Тха родился предположительно в 1133 году. Он — поэт Киликийской Армении (Киликийское княжество, позднее царство, возникло в конце XI века, пало в 1375 году, по другим сведениям — в 1424 году). Григор Тха — племянник (сын брата) Нерсеса Шнорали. С 1173 года и до конца своих дней был католикосом. Умер в 1193 году. До недавнего времени многие его произведения оставались в рукописях. Асатур Мнацаканян издал со своим обстоятельным вступительным исследованием древнеармянские тексты поэта:

Григор Тха, Стихотворения и поэмы, Ереван, 1972.

СТИХОТВОРЕНИЕ ПОЛЕЗНОЕ И ЧУДЕСНОЕ

Знания есть у меня, но они скудеют,
Есть почтение к добру, но оно слабеет.

Есть душа у меня, но теряет силы,
Есть и разума свет, но горит уныло.

Есть и пламень любви, но, как лёд, спокоен,
Есть и ветра напев, но спалённый зноем.

Жар молитвы в душе, но и холод рядом.
Я ростки не взрастил, их побил градом.

Скорбь, что мне суждена, я отвергнул, боже,
Радость, что суждена, я отвергнул тоже.

Потерял я пять чувств, а когда — не помню.
Побуждение к добру от тебя дано мне.

Но ему я не внял, не услышал зова,
Я вслепую блуждал, как лишённый крова.

Я служил суете, будто быть ей вечно,
Завязал я глаза, чтоб грешить беспечно.

Впал в греховные сны, полюбил прельщенья...
Пробуждения час — грозный час отмщенья!

Ужас бездны пойму — кану в мрак тяжёлый,
Свет надежды не мерк, но к нему не шёл я.

Восхваляя я грехи, долгий счёт их полнил...
Возвестивший добро, свой завет исполнил.

И меня он учил верить светлым силам,
Ненавидеть грехи — и меня учил он!

Коль простишь должнику — и твой долг скостили,
Нас простит Иисус, если мы простили.

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ

Ованес Ерзнкаци (Плуз — псевдоним поэта) родился около 1230 года в г. Ерзнка. Ерзнкаци Плуз — автор работ по философии, космографии, грамматике. Известен другой Ованес Ерзнкаци — Тцорцореци, младший современник Плуза. Двух этих авторов в недавнем прошлом ошибочно принимали за одно лицо. Ов. Ерзнкаци Плуз был популярным общественным деятелем второй половины XIII века. Известно, например, что в 1280 году он составил каноны и предписания для ремесленников и торговцев. Подобная обязанность могла быть возложена на человека известного и почитаемого. О популярности Плуза говорят дошедшие до нас легенды о поэте, согласно которым его могила была местом паломничества.

Умер Ов. Ерзнкаци в 1293 году.

Сочинения: Арменуи Срапян, Ованес Ерзнкаци, исследования и тексты, Ереван, 1958 (на армянском языке).

* * *

Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечёт судьба;
Верх падает, и вновь ему взнестись настанет череда.
Так плотник мастерит равно и колыбели и гроба:
Приходит сей, уходит тот, а он работает всегда.

* * *

Язык для речи служит нам, речь праведных — что злата звон.
Бог людям дал один язык, язык у змия — раздвоён.
И у кого два языка, один колюч, другой — червлён,
Становится сродни змее и всеми ненавидим он.

* * *

Подобен морю мир: сухим остаться, переплыв, — нельзя.
Как выплыл мой челнок в простор, того и не заметил я.
Вот я почти у берегов, но страшно мне подводных скал,
Чтоб вдребезги мою ладью одни удар не разломал.
Но господу я помолюсь — да ветер попутный он пошлёт,
Осветит мглу и утлый челн в благую гавань приведёт.

* * *

Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет.
Шёл к небу караван, и я, сложив грехи, пошёл вослед.
Но ангел мой, представ, сказал: «Куда идёшь ты, дай ответ!
В раю для тех, кто предстаёт с подобным грузом, — места нет!»

* * *

О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей!
Ты душу вольную отверг и, низкий раб своих страстей,
Пируешь за столом греха, смешав часы ночей и дней,
Глотаешь всё, что б ни нашёл, жир набирая для червей.

ОВАНЕС И АШÁ

Что такое со мной случилось,
Что за тьма надо мной сгустилась?
Был я сталью, сталь искрошилась.
Был скалой, скала обвалилась.

Грудь колыша, стан изгибая,
Шла красавица молодая.
Повстречала меня — обернулась,
Увидала меня, встрепенулась.

Я с субботы на воскресенье
Шёл из верхнего храма в селенье,
Нёс кадило с пахучим ладаном,
Ты меня ослепила нежданно.

Шёл, шептал я псалом Давидов,
Задрожал я, тебя увидев.
Чуть заметно ты двинула бровью,
Я — осёкся на полуслове.

Я увидел тебя — отвернулся,
Но ты бросила яблоко спелое.
Я рванулся к нему, нагнулся,
Поднял яблоко красно-белое.

Я живу по Христову завету,
Мусульманин родитель твой.
Что же значит яблоко это,
Наземь брошенное тобой?

Ты сказала мне: «Семя гяура,
Не смотри на меня так хмуро!
Ничего, что отец твой священник,
Мой отец — мулла и кади.
Всё забудем мы во мгновенье,
Лишь прижмёшь ты меня к груди».

Молит господа мать Ованеса —
Пусть изгонят из сына беса.
Жжёт она восковые свечи,
Шепчет в церкви такие речи:

«Пойте, дьяконы, “Бог, помилуй!” —
Может, сын опомнится милый.
Возгласите, отцы, “Аллилуйю” —
Жизнь спасите его молодую!
Он не знает божьего страха,
Повторяет лишь имя аллаха,
В прегрешеньях своих не кается.
“Нет спасенья мне!” — убивается!

Отступись, мой сыночек, сдайся,
Повинись, помолись, покайся!
Проповедник во храме божьем
Грех клянёт твой, простить не может!»

— «Мать моя, я, твой сын и наследник,
Говорю, что неправ проповедник.
Если раз на Ашу он глянет —
Сам, как я, он безумным станет».

— «Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Слышишь, мать твоя плачет, старуха.
Неужель твоё сердце глухо?»

— «Мать моя, я твой раб до могилы,
Ты вскормила меня, вырастила,
Но не жди, чтоб я отступился,
От любви мой ум помутился!»

— «Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя, любимого сына,
Присмотрю я дочь армянина.
Отступись, мой сыночек, сдайся,
Помолись, повинись, покайся!
Для тебя невеста найдётся,
Что над верой твоей не смеётся!»

— «Примиришь ты, о мать дорогая,
Не гневись ты, меня ругая.
Тонок стан у Аши невинной,
Звонок голос её соловьиный».

...А Аша пред отцом стояла,
Слёзы горькие утирала.
Бил её и корил кади:
С армянином, мол, не ходи!

...Ованес нашёл её вскоре.
«Ты, Аша, облегчи моё горе!
Я, стена, в горах блуждаю,
Как свеча восковая таю».

Говорит Аша:

«Всё на свете
Я отдам, но чтоб быть с тобой.
Ты три раза вокруг мечети,
Взяв кольцо, обойди с муллой.
Примешь веру моих братьев,
Станешь ханом в моих объятьях!»

— «Нет, Аша, хоть в твоей я власти,
Нам не будет с тобою счастья.
Я, исполнив твоё пожеланье,
Обреку и тебя на страданье!
Лучше ты от своих законов
Отступись, Аша, а потом
Восемь выучи наших канонов
И псалмы в писаньи святом —
То, что, грешный, я сам позабыл
В час, когда тебя полюбил!»

— «Ростом малый, умом великий,
Будь моим, Ованес, владыкой.
Поведи меня, молодую,
В день пресветлый в церковь святую!
Я, твоей подчинившись вере,
Не разувшись, открою двери,
И священник во храме божьем
Пусть венец на меня возложит!»

КОСТАНДИН ЕРЗНКАЦИ

Костандин Ерзнкаци родился около 1250 года в г. Ерзнка. Сохранилось свидетельство Ерзнкаци о том, что, когда ему было 15 лет, он учился в монастыре. Исследователи полагают, что, рано сложившись как поэт, Костандин Ерзнкаци ушёл из монастыря и стал вести светскую жизнь. Судя по стихам поэта, жизнь у него была трудной: неразделённая любовь, враги, преследовавшие его. Известно, что уже в 80-х годах XIII века Костандин Ерзнкаци был признанным поэтом: на его смерть Мхитар Ерзнкаци написал плач, который, к сожалению, не датирован.

Умер Костандин Ерзнкаци в начале XIV века.

Сочинения: Костандин Ерзнкаци, Стихотворения, научно-критический текст, исследования и комментарии Арменуи Срапян, Ереван, 1962 (на армянском языке). На русском языке: «Утренний свет», Ереван, 1981.

ВЕСНА

Веселье вокруг нас и веселье вдали,
Нам ветры весёлую песнь принесли.
Великая благость господня, — внемли! —
Сегодня исходит с небес до земли.

Лежала земля, и мрачна и темна,
Покрытая льдами, тверда, холодна,
Про травы, про зелень забыла она,
И снова сегодня она зелена!

Зима была тёмным вертепом тюрьмы,
Но снова вернулась весна на холмы
И всех нас выводит на волю из тьмы!
Вновь солнце на небе увидели мы!

Земля, словно мать, велика добротой,
Рождает все вещи, одну за другой,
И кормит и поит, питает собой...
Вот вновь она блещет своей красотой.

Дохнул ветерком запевающим Юг,
Из мира исчезли все горести вдруг,
Нет места, где мог бы гнездиться недуг,
И всё переполнено счастьем вокруг.

Тихонько гремя над землёй свысока,
Под сводом лазурным плывут облака —
И падает вдруг водяная река,
Луга затопив, широка, глубока.

Мир весело праздновать свадьбу готов:
Веселье во всём для плодовых деревьев,
Цветами всех красок и разных родов
Раскрашены дали полей и лугов.

На море влюблённом — опененный вал,
И гад между волн, веселясь, заплясал;
Ключи, зазвенев, побежали из скал,
И быстрый поток по камням засверкал.

А реки, сбегая с возвышенных гор,
Гудят как могучий, торжественный хор;
Прорезав долины цветущий ковёр,
Стремятся в морской, им любезный, простор.

Спускаются тёлки и козы к ручьям,
Играют и скачут по свежим цветам;
И звери, что крылись зимой по лесам,
Сбегаются, рады свободным полям.

Слетаются птицы, поют над гнездом:
Вот ласточка нежно щебечет псалом,
Вот — луга певец, улетевший тайком,
Приветствует день в далеке голубом.

Зверям и скотам так приятно играть,
И множиться в мире, и мир наполнять;
Сзывает птенцов легкокрылая мать,
Их учит на крыльях некрепких летать.

И также цветы образуют гряды
В больших цветниках и в плодовом саду;
Другие вошли покачаться в пруду,
И облик их бледный похож на звезду.

Но вот наконец прилетел соловей,
Чтоб петь возрождение в песне своей;
Он строит шатёр из зелёных ветвей,
Чтоб алая роза зажглась поскорей!

ПЕСНЯ ЧИСТОЙ ВЕСНЫ

Опять сверкает солнце в небе,
Горят цветы в садах земных,
И всюду слышен птичий щебет,
Песнь соловьёв и птиц иных.

Опять цветы вдали на взгорьях
Пестреют, как всегда весной,
И рыбы устремились к морю
В раскованной воде речной.

Природа суть свою раскрыла,
Не утаив от нас щедрот,
И, опьянённый розой милой,
Влюблённый соловей поёт:

«Ты свет мой ясный в мире сером,
На свете белом ты одна.
Юпитер мой, моя Венера,
Ты солнце в небе и луна.

Не отвратишь ты увяданья,
Как я осенний свой отлёт,
Но мысль о нашем расставаньи
Теснит в груди моей дыханье
И мне покоя не даёт.

Ты рдеешь ярче всех рубинов,
Ты благороднее, чем лал,
Ты сказочнее Чинмачина,
Я свой рассудок потерял!»

...Друзья, скорей друзей зовите,
Пусть все откликнутся на зов.
В сады весенние идите,
Шатры постройте из цветов.

Сойдитесь поскорее, други,
Ликуя, что пришла весна.
Друг другу протяните руки,
Налейте сладкого вина.

Нарцисс — цветок пестроцветущий,
Лилея, гиацинт, рейхан
Красуются в зелёной пуще,
И воздух их дыханьем пьян.

И маки алые пылают,
И ликованью нет конца,
И птицы звонко восхваляют
Благословенного творца.

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Такой прекрасной, несравненной
Никто не видел под луной.
Твой образ дивный, незабвенный
Повсюду следует за мной.

Тебя ищу я наудачу,
Я муку прячу, но не спрячу,
Кровавыми слезами плачу
И днём и в тишине ночной.

Твои шаги, твоё дыханье
Порой приносят мне страданья.
От твоего благоуханья
Я стал безумный и хмельной.

Ты красотой меня пленила,
Как полуночное светило.
Ты путь мой светом озарила,
То свет — я знаю — неземной!

Любовь моя — как наважденье,
Моё проклятье и спасенье.
Ты — храм мой светлый, и моления
Я возношу тебе одной!

На шее жемчуга и лалы,
Шелка твоей одежды алы,
Как с пламенным вином фиалы,
Как розы в цветнике весной.

Что б ни надела — ты прекрасна,
Весь мир ты озаряешь властно.
Подобную тебе напрасно
Искать в любой стране иной.

Я чахну от любви и боли,
И я молю тебя, как молит
О благодатной влаге поле,
Которое сжигает зной!

Тебя вокруг ищу я взглядом
И если знаю: ты не рядом —
Мир кажется мне сушим адом,
И ты одна тому виной!

Но если я тебя замечу,
Я сердце болью изувечу,
Я саз возьму, пойду навстречу, —
Я стать хочу твоим слугой.

Под этим небом необъятным
Подъемлю чашу с ароматным
Вином хмельным и благодатным,
Подобным лишь тебе одной!

ИНЫЕ ЗЛОСЛОВЯТ ОБО МНЕ

Иные злословят обо мне из зависти: мол, каким образом я могу говорить такие слова, когда я не учился у мастера; но одно дело учиться, другое дело — дар духа. Я расскажу вам об одном удивительном видении, которое приснилось мне, когда я пятнадцатилетним юношей находился в монастыре и когда я увидел человека в солнечном одеянии, источающего свет.

Иные зависти полны и злого мне хотят
За то, что я пишу стихи, а в них — родник усад.
Твердят: «Как это он речам даёт столь нежный лад,
Что между нас ему никто не равен, не собрат?».

У них рассудок омрачён и слеп духовный взгляд,
Они не ведают, отколь мой дар во мне зачат.
Я только глиняный сосуд, а в нём бесценный клад
От бога вещью душой, как манна, восприят.

Кто посягнёт на этот клад как дерзкий супостат,
Тот против бога восстаёт, пред богом виноват;
А кто захочет мне внимать и вникнуть будет рад, —
Тому поведаю про то, как дух мой стал богат.

И монастыре, в пятнадцать лет, ещё годами млад,
Я был однажды в ночь, во сне, виденьем чудным взят:
Пресветлый юноша сидел, как царь, среди палат;
Как солнце был прекрасен он, и свет — его наряд.

Пред дивной славою его я страхом был объят,
Не мог спросить: «Господь, кто ты?» — уста не говорят.
Я пал пред ним, едва успев к нему возвысить взгляд,
И, лёжа ниц, спросил его, до трёх спросил я крат.

Я молвил: «Грешен я, ты, царь, прости меня, ты свят».
Я молвил: «Болен духом я, — уста твои целят».
Я молвил: «Беден я, язык безмолвием заклят,
Дай мне от дара твоего, насыть духовный глад».

Он сердцем милостивым внял все три мольбы подряд,
Сошёл с престола, подошёл, ступил одной из пят,
Попрал меня, прошёл по мне и повернул назад.
Я встал, ликуя, награждён сладчайшей из наград.

Я молвил: «Я узрел тебя, я был у райских врат,
И если грешника лучи святые осенят —
Я позабуду эту жизнь, где суета и смрад,
За то, что принял ты меня, последнее из чад».

И голос прозвучал в ответ, как сладостный раскат:
«Иди». И вздрогнул я, и сон раздрался, словно плат.
Я встал и, препоясав стан, творил молитв обряд,
Прося, чтобы святого сна мне был суждён возврат.

И много дней, молясь в слезах, я ждал, что буду внят,
Что снова светлые лучи мне очи озарят;
И ночью я не мог уснуть, и днём не знал отрад;
Никто не ведал, что за сны безумного томят.

По то, что значил этот сон, мне было невдогад,
Его не понял я, затем что был летами млад;
И только позже, став мудрей и знаньями богат,
Постиг я таинства его и что они гласят.

И вдруг я начал говорить, я стал витиеват;
И самого меня дивил речей искусный склад;
Меня надежда и любовь влекли в их дивный сад,
И я в обмен на душу их свою вручил в заклад.

Как манна с горной высоты, слова во мне лежат,
Затем что видел я его сидящим средь палат;
И с той поры, как этот дар моей душой прият,
Мой дух и плоть моя во всём закон его творят.

Мой дух ликует, перед ним отныне нет преград,
Я пью без губ того вина сладчайший аромат;
Я этой страстью опьянён, мечты к нему летят,
И мне не надобно людей, не страшен злобный брат.

Я в этом мире — как глупец, мечты — мой сладкий яд;
Иной толкует — «он мудрец», иной — «он бесноват».
Иные злятся на меня, и зубы их скрипят,
А есть такие — и пускай, — что точат свой булат.

БОРЬБА ПЛОТИ И ДУХА

Ты Костандину свой завет с духовных дал высот;
Как будто понял я; теперь отвечу в свой черёд:
Твой суд суровый на меня ещё да не падёт,
Я слаб, не мог бы я снести столь тяжкой ноши гнёт.

Мой дух ученья мудрецов, как истину, блюдёт,
Но телом я в плотском плену, оно земным живёт;
Меж двух огней моя свеча, и тот и этот жжёт;
Опоры мыслям нет моим, они идут вразброд.

Меня всех четырёх стихий стремится круговорот:
Огонь меня возносит ввысь, земля к себе влечёт,
То угасает пламень мой под влажной пылью вод,
То ветра мощного струя его опять взметёт.

Две воли властвуют во мне, я раб у двух господ,
Не остаётся невредим, кто пламя обоймёт.
Скажи, кто по морским волнам стопами перейдёт
И чья могучая рука задержит ветра ход?

И в назидание себе я молвлю наперёд,
Затем что всех моих грехов я знаю полный счёт:
Как с братом, говорить с тобой мне, слабому, нейдёт,
Мне лучше в прах упасть лицом, чтобы топтал народ.

Я много пролил жарких слёз, и много слышал тот,
Кто с нежной лаской врачевал недуг моих забот,
Затем что много от людей я выстрадал невзгод,
И в ранах сердце у меня, и боль мне душу жжёт.

Я валом окружил себя, был грозен мой оплот,
И на меня восстал весь мир и двинулся в поход;
Вот безоружен я и наг средь бранных непогод,
Со всех сторон меня разит незримых стрел полёт.

Иные говорят: «Глупец и мрачный сумасброд».
Другие вторят им: «Тот прав, кто кровь его прольёт».
А я отвечу: «Костандин, пускай шумит народ;
Не верь другим и не ищи в отчаяньи исход».

СЛОВО НА ЧАС ПЕЧАЛИ, НАПИСАННОЕ О БРАТЬЯХ, ОБИДЕВШИХ МЕНЯ

О доколь, сердцем скорбя, тяжело вздыхать наедине
И всегда, день ото дня, грусть и печаль ведать одне!
Незнаком душе покой, и не придёт радость ко мне,
Чтоб хоть миг вкусил я мир и отдохнуть мог в тишине.

Как волна, бурно несусь, отдыха нет тёмной волне,
Но доплыть до берегов, и нет пути к тихой стране.
Нет друзей, любимой нет, опоры нет внутри и вне.
Кто поймёт, сколько скорбей в каждом моём прожитом дне!

Для меня близкого нет, среди чужих и в моей родне,
Кто бы мог меня обнять и пожалеть мог обо мне.
Тот, кто был дорог душе, прочь отошёл, стал в стороне.
Как винить мысли чужих, если нам боль несут оне?

Где найду мудрый совет, совет любви, ценный вдвойне, —
Почему весь мир со мной в злобной вражде, как на войне?
Тот, кому, дух мой раскрыв, я всё дарю, что в нём на дне,
Тот всегда, как лицемер, ласков со мной только извне.

О доколь, сердце моё, будешь пылать в знойном огне
И терпеть лживую жизнь у ней в плену, как в западне!
Пробудись, забудь мечты; эти мечты снятся во сне,
Соверши волю души, полно хмелеть в пьяном вине.

Костандин, внемли совет, с правдой его чти наравне:
От сует земных душу замкни в твёрдой броне.
Эта жизнь многих влекла, многие с ней слились вполне;
Все они, словно свинец канув на дно, спят в глубине.

ИНОСКАЗАТЕЛЬНЫЕ РАССУЖДЕНИЯ О СОЛНЦЕ ИСТИННОМ И О ТОМ, КАК ПРОИЗОШЁЛ ОТ ОТЦА СЫН ЕДИНОРОДНЫЙ ХРИСТОС

И ночь приблизилась к концу,
и утренний был явлен знак —
Взошла могучая звезда,
чтоб возвестить рождение света.
И оживало всё вокруг,
и уходил из мира мрак,
И ликовало всё вокруг,
сподобясь лицезрению света.

Всем тем, кто был в кромешной тьме —
в узилище, чьё имя мгла,—
Явился свет, и свет рождён
был солнцем — величайшим светом.
Зима морозною была,
земля промёрзлою была.
Но свет весенний принесён
был солнцем — величайшим светом.

И пробудилась вновь земля,
зазеленели склоны гор,
И на полях взошли ростки
под солнцем — величайшим светом.
И на деревьях засверкал
вновь многокрасочный убор,
Раскрыла роза лепестки
под солнцем — величайшим светом.

И забурлили родники,
ликуя, понесли вперёд
Кипенье, пенье звонких вод
под солнцем — величайшим светом.
И твари, мёртвые досель:
и гад, и дикий зверь, и скот —
Плодится всё и всё живёт
под солнцем — величайшим светом.

Так что же не дивитесь вы,
и что ж у вас вопросов нет
О солнце этом, о его
исполненном сиянья свете?
Ведь то не просто солнце — нет!
То новый — ярче солнца — свет,
Свет наивысший — и ему
светила служат все на свете.

И от него, да, от него
росток светящийся возник.
Так свет был светом порождён —
верховным светом всемогущим.
Да, свет был светом порождён —
владыкой всех других владык,
Которого зовём царём,
дарящим свет всему, что суще.

И замерцало в небесах
над изумлённою землёй
Сиянье радуги златой —
и радостью земля объята:
Она ликует и цветёт,
внимая вести той благой:
Великий появился свет,
и он не ведает заката.

Лишь только те, в ком нет души,
кто сердцем — глух, глазами — слеп,
Не верят в солнце, в свет его —
и нет в их слепоте просвета:
Как в склепе, в темноте живут,
и полон ложных снов тот склеп,
И малой толики в тех снах
от солнца и от света нету.

И лишь мерещится слепцам,
что некий свет в глазах у них —
То ложный свет: он не рождён
был солнцем — величайшим светом.
Как жажду я, я — Костандин,
который написал сей стих —
Чтоб дух мой скорбный просвещён
был солнцем — величайшим светом.

СТИХОТВОРЕНИЕ, КОТОРОЕ ИМЕЕТ ДВОЯКИЙ СМЫСЛ (ДУШИ И ТЕЛА) И ИНОСКАЗАТЕЛЬНО ЗВУЧИТ ТАК

Очнитесь, распахните взор,
закрытый сонной пеленой,
Движенье вечное светил
в ночи узрите над собой:
Они не спят, они кружат —
так бог велел им всеблагой,
Создавший словом лишь одним
небесный купол над землёй.

И пробудился я, и встал,
исполнен бодрости и сил,
Увидел полную луну

и множество ночных светил —
Для услужения луне
их бог всемудрый сотворил...
И ночь приблизилась к концу,
и утра знак мне явлен был:

Я зрел: — могучая звезда
взошла, сияния полна,
И светом огненным своим
затмила звёздный свет она:
То было солнце — и тогда
померкла светлая луна,
Померкли звёзды в вышине,
и мир очнулся ото сна.

Всё ярче разгорался свет —
и прояснялся небосклон.
Младенец показался тот,
чьё имя слаще всех имён.
Из глаз его струился свет,
и одарял душою он
Всех, кто с любовью утра ждал,
отринув безмятежный сон.

Сколь сладок свет! Сколь сладок миг
рожденья света, сколь высок!
Блажен, кто долю возыметь
от света утреннего мог.
И ежели врата добра
создал для нас на небе бог,
То нам откроются они,
когда зарёй горит восток.

И если с добротой любви
склоняется к нам божий лик,
И если слышит Всеблагой
моленья наши, плач и крик
И одаряет щедро нас —
то это всё вершится в миг,
Когда рождается в ночи
тот утренний, тот первый блик.

На смену смерти жизнь идёт
в сияньи утренних лучей,
И потому в рассветный час
все запахи ещё нежней.
И если вечная любовь
любовью нас дарит своей,
То пусть тогда моя душа
соединится утром с ней.

И если радость и любовь
мне суждены у врат любви,
Пусть утром удостоюсь я
любви и всех наград любви.
И если душу должно мне
отдать любви — я рад любви:
И муки претерпеть готов
я за бессмертный взгляд любви.

Благословен воскресший свет,
любовью льющийся с высот!
Блажен, кто сыном света стал
и кто постиг любви восход!
И тот, кто жаждет обрести
в любви бессмертия оплот,
К любви прибавит пусть любовь,
с любовью в дом любви войдёт.

О Боже, сжапись надо мной
и милосердие мне яви!
Даруй мне от своей души,
даруй мне от своей любви!
Я — многогрешный Костандин,
но я ведь твой смиренный сын!
Любовью утренней любви,
молю, меня благослови!

ФРИК

Биография неизвестна. Время жизни (XIII — начало XIV века) устанавливается по времени написания тех стихов, которые с достоверностью датируются концом XIII века. Полагают, что Фрик — псевдоним поэта.

Сочинения на армянском языке: Диван, исследования, тексты и комментарии Тирайра Мелик-Мушкамбаряна, Нью-Йорк, 1952.

СЕРДЦЕ МОЁ, ОТЧЕГО ТЫ ЗАБИЛОСЬ?

Сердце моё, отчего ты забилось?
Быстрая мысль, ты куда устремилась?
Что ты, слеза, по щеке покатилась?
Память, а ты почему замутилась?

Много грешил, суесловил я много,
Я отделился от господ бога.
Ныне меня посетила тревога,
Ангел святой поманил меня строго.

Всё, что святыней считал я когда-то,
Нищему духом, давно уж не свято.
Сделал замки и воздвиг я палаты,
Скрыл в сундуки я каменья и злато.

Грешник с посыпанной пеплом главою,
Что ты дрожишь над несметной казною?
И богачи, поглощённые тьмою,
Много ли взяли из мира с собою?..

ЦВЕТОК ЛЮБВИ

Цветок любви чудесный этот
Растёт не в дальней стороне,
Он зацветает вешним цветом
Внутри людей, а не вовне.

Он любящим приносит благо,
Он указывает им пути.
Исполнишь львиною отвагой
И тот цветок в себе взрасти!

Ты силам тёмным на потребу
Не пребывай в греховном сне.
Но, устремляя очи к небу,
Покайся, Фрик, в своей вине.

Страшись страстей, что правят нами,
Помысли о грядущем дне
И плачь кровавыми слезами,
Чтоб в вечном не гореть огне.

К БОГАТЫМ

Вином грешите, ложью
В кругу распутных жён.
Вам слаще слова божья
Греховных песен звон.

Но близится расплата:
Суд страшный, трубный глас,
Прислужники разврата,
Что ожидает вас!

На нищих вы кричите
И гоните их вон,
Вы бедняка браните
За то, что беден он.

Но бог поднимет руку
И спросит в судный час:
«Чтоб облегчить мне муку,
Кто пострадал из вас?

Как Лазарь, я в бессильи
Лежал у ваших врат,
Но вы пройти спешили
И отводили взгляд».

Дарили вы презренье
Всем тем, кто обделён,
Но в огненной геенне
Конец ваш предрешён.

На муку вас осудят
За пурпур, за виссон.
Последний нищий будет
Скорей, чем вы, спасён!

В роскошестве излишнем
Забыли вы закон:
Кто яму роет ближним,
В ней будет погребён.

Пред Матерью Пречистой
Покайтесь до конца,
Своей молитвой истой
Смягчите гнев творца.

Заступница поможет
И сына в судный час
Умилостивить может,
Чтоб вас простил и спас.

Молите всеблагого,
Чтоб отпустил вину.

Моё услышьте слово —
Нельзя верить сну!

Покайтесь же в моленьи
И смойте поскорей
Слезами искупленья
Грехи души своей.

Чтоб сыновьями ада
Вам, богачам, не быть,
Раскаяться вам надо
И господу молить.

Чтоб пищею дракона
По смерти вам не стать,
Господнего закона
Примите благодать.

Из вас постигнет каждый,
Что в мире всё тщета,
Переступив однажды
Последние врата.

Зачем же о богатых
Ты так печёшься, Фрик?
Ведь нищий сам, ты златом
Не наполнишь свой тайник.

Нет у тебя ни крова,
Ни тех, кого любил.
Богатства никакого
Ты здесь не накопил.

Ты прожил век — и ныне,
Как прежде, бос и гол.
Ты этот мир покинешь
Таким же, как пришёл.

И всё ж, когда голодным
Руки ты не простёр,
Ты древом был бесплодным,
Пригодным лишь в костёр.

Что чёрно здесь, что бело,
Постичь лишь ныне смог,
Когда расстаться с телом
Душе приходит срок.

Отвергни, Фрик, беспечность
Земного бытия,
Обречь старайся вечность —
Там родина твоя.

При жизни совершайте
Лишь добрые дела.
Вовек не пожелайте
Себе подобным зла.

Наградою двоякой
Добро нам воздаёт.
В извечном мире — благо.
Здесь — славу и почёт.

Духовный слух добавь
К земному, чтобы внять
Великой божьей правде,
Чтоб господу познать.

Сей мир — не достоянье.
Я сам себя пытал:
«Достойные деянья
Ты часто ль совершал?».

Здесь помощи просите
Лишь у небесных сил,
Чтоб сжалился спаситель
И нам грехи простил.

И ныне покаяньем
Свой просветлите взор
И добрые деянья
Творите с этих пор.

Вас одарить мне нечем,
Но каждый, кто умён,
Моей да внимлет речи
И будет просветлён.

А люди, у которых
Пустая голова,
Пусть почитают вздором
Разумные слова.

КОЛЕСО СУДЬБЫ

Гей ты, судьба! Нам изменив, ты нас свергаешь с высоты;
Ты останавливаешь вмиг коловращенье суеты.
От века зыблющийся мир на склоне скользком держишь ты,
Подставив меру зла, твердишь: «Сыпь все заботы и мечты!»

Ах, колесо! Злодея ты лелеешь в доме золотом,
А честный должен подбирать объедки за чужим столом.
Ты в рыцари выводешь тех, кому б сидеть в хлеву свином,
Без заступа ты роешь ров и рушишь праведника дом.

Скажи: «Ты не права, судьба!» — и смех услышишь без конца.
За что учёных гонишь ты, а любишь злого иль глупца?
Из них ты делаешь вельмож, их ты доводишь до венца
И шлёшь по горам и полям бродить за хлебом мудреца.

Теперь ещё труднее нам, когда татарин сел на трон,
Всех обделил он, и воров поставил господами он.
Но ты ни с кем ведь не родня: вновь повернётся ось времён,
Ударишь ты, и нет царя, исчезнет он, как утром сон.

Как верить, колесо, тебе, ведь ты не любишь никого!
Нет правды у тебя, нет клятв, нет совести, нет ничего!
Сегодня возведёшь на трон, а завтра сокрушишь его,
Повергнешь в пепл и в прах, лишишь — честей, короны и всего.

Лишь, исподлобья взглянув, судьба хребет свой повернёт —
Что тут бумага, что перо иль даже всадников сто сот!
Все терпят: от пинков судьбы и царь спины не сбережёт.
Не сдержишь — стрелами тебя, и полетишь на дно высот!

Судья неправедный! Зачем ты правый презираешь суд?
Ты с правым во вражде всегда, а твой любимец — вор иль плут.
Ошибки чаще ты творишь, судьба, чем на земле весь люд;
Ты землю, море, небо — всё заворачиваешь в пять минут.

Невежда пред гобой велик, а мудрый головой поник,
И что кругом ты неправа, какой не вымолвит язык!
Но, слышу, мне судьба в ответ: «Не лай, как пёс, пустой старик,
С тех пор как я — судьба, никто ещё не лгал, как этот Фрик!»

— «Моя судьба, меня ты бьёшь, ты — мой неправедный судья,
Но вспомни, что от бога всё и власть —его, а не моя!»
Судьба ещё: «Величит бог как бедняка, так и царя,
Хоть я — судьба, но вот тебе дать ничего не вправе я!

Бог повелит —ты будешь царь, я посажу тебя в чертог;
Бог не велит — и будешь ты скитаться нищим вдоль дорог».
— «Судьба, я замолкаю: всё — прекрасно, что дозволил бог;
Но, нашим по грехам, порой — армянский к нам создатель строг».

ЖАЛОБЫ

Бог истинный, бог милосердный,
К тебе взываю, раб твой верный,
С тобой вступить дерзаю в спор
Я, твой слуга нелицемерный.

На сей земле, что многолюдна,
Твоё любое дело чудно.
Но многие из дел твоих,
Немудрому, постичь мне трудно.

О господи, твои творенья —
Адам и Ева в райской сени
Вкушали мир, и был язык
Един до их грехопаденья.

Создатель, окажи мне милость:
Дай мне постичь, как получилось,
Что от единственной четы
Двунадесять племён родилось?

Теперь пестра юдоль земная,
И что ни местность — речь иная,
И все людские племена
Враждуют, устали не зная.

Свой сохранил язык библейский
Израильтянин иудейский,
Сберёг сириец свой язык,
Своё наречье — курд халдейский.

Всем племенам язык подарен,
Но грека не поймёт татарин,
Грек — славянина, гунна — перс,
Латинянина — внук Агари.

Татарина — далмат испанский,
Китайца — житель ханаанский,
Франк армянина не поймёт,
Алана — тюрок самаркандский.

И, как наречья, вера тоже
У множества племён не схожа.
Иные племена не чтут
Креста святого, мать божью.

К святым словам их сердце глухо,
У них нет истинного слуха,
У них нет веры ни в отца,
Ни в сына, ни в святого духа.

Так почему ж на белом свете
Могучи нечестивцы эти?
Они святыи церкви жгут,
Чтоб возводить свои мечети.

Те нехристи в великой силе,
Что христиан осиротили
И превратили жён во вдов
И столько бедствий натворили.

Вершится всё по божьей воле,
Но, боже, нам терпеть доколе?
Доколе будешь им прощать,
Не замечая нашей боли?

Ужель нашёл ты оправданье
Тем, кто приносит нам страданья?
Доколе можем мы терпеть?
Мы — люди, а не изваянья.

Зачем, подобно травам сорным,
Людей, нас вырывают с корнем?
Зачем ломают, как тростник,
И жгут в неистовстве упорном?

Иль ввергли в гнев тебя армяне,
Как некогда израильтяне?
За это ль свой великий гнев
Нам обращаешь в наказание?

К добру и праведности склонным,
Ты видишь сам, как нелегко нам.
Иль все погрязли мы в грехе,
Живя не по твоим законам?

Коль так, хоть я не всех мудрее,
Скажу: не будь ты к нам добрее
И многогрешный мой народ
С лица земли сотри скорее!

Нам жить иль гибнуть не иначе,
Чем так, как это ты назначишь.
По приговору твоему
И веселимся мы и плачем!

Не по твоей ли мудрой воле
Один живёт сто лет и боле,
Другой является на свет
И вянет, как травинка в поле.

Скорбит отец, судьбой гонимый,
Был сын один — погиб любимый.
А у соседа десять душ —
И здоровы все, и невредимы.

Тот жив, хоть умереть мечтает,
Другому б жить — он умирает.
Старуха дряхлая живёт,
Отроковица угасает.

Жизнь одному кошель раздула,
Другому лишь суму швырнула,
У одного — табун коней,
А у другого нет и мула.

Одним судьба дарит палаты,
Другим — на рукава заплаты.
Одним жалеет медяка,
Другим дарует горы злата.

Иным судьба даёт поблажки,
Пути других бывают тяжки.
Один из нас одет в атлас,
Другой — в заплатанной рубашке.

Один в страданиях безутешен,
Плетётся безоружный, пеший.
Другой гарцует на коне,
Оружьем дорогим обвешан.

И этот всадник с силой бычьей
Свой обнажает меч привычный.
Жену бедняги и детей
Берёт как честную добычу.

Не ты ли разделил, владыка,
Весь мир на малых и великих,
Чтобы один в довольстве жил,
Другой чтоб вечно горе мыкал?

Кто в мире счастлив, кто беспечен?
Кто здесь удачею отмечен?
Хоть десять лет я проищу —
Счастливых я не многих встречу.

Кто ж те счастливы: царь на троне,
Или священник на амвоне,
Придворный льстец, богач купец,
Писец, творящий беззаконье?

Беда и счастье — всё незряче,
Нас больно бьют, и горько плачет
Тот, у кого богатства нет,
Нет красноречья, нет удачи.

Несчастен муж, судьбой гонимый,
Не нужный никому, не чтимый,
Идёт, терзаемый бедой,
И всё-таки непоколебимый.

Иной священник льстец бывалый, —
В день праздничный ему, пожалуй,
При целовании креста
Перепадает куш немалый.

Удел завидный у счастливого,
В почётный угол он садится,
И «Аллилуйя» не пройдёт
Нажравшегося нечестивца.

Богат неправедный священник,
А брат его и соплеменник
Пред ним сгорает, как свеча,
И унижается, как пленник.

Недобр священник к неимущим,
Им грех и малый не отпущен.
Он страждущего бедняка
Считает наказаньем сущим.

Того лишь встретит он с почтеньем,
Кто в силе, кто богат именем,
Пусть даже богачи — глупцы,
Он внемлет их пустым реченьям.

Создатель в этой жизни бренной
Нас верой одарил священной,
Но блага все отмерил нам
Он мерою неравноценной.

Не всяк удачею отмечен,
Один угрюм, другой беспечен.
Не все красивы и умны
И обладают красноречьем.

Одним легко даются знания,
Другим способность созиданья,
Чтоб строить над рекой мосты,
И храмы, и другие зданья.

Иной хоть и творенье божье,
Но язвы у него на коже.
Иной, со скрюченной рукой,
И мула сам взнуздать не может.

Тот человек, как дьявол, злобен,
А этот ангелу подобен.
Он много добрых дел творит,
Приятен всем и всем угоден.

Прости меня, отец небесный,
Прости мой ропот, грех словесный, —
Чему на свете должно быть,
Лишь одному тебе известно.

Всему есть предопределение.
Мир — это божие творенье.
И всё, что суще в мире сём,
Шлёт господу благословенье.

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

Родился Хачатур Кечареци в 1260 году. Был настоятелем Кечарийского монастыря. Сведения о жизни Кечареци отрывочны. Его имя упоминается в рукописях 1299, 1314 — 1315 годов. Под рукописным документом 1295 года сохранилась собственноручная подпись Хачатура Кечареци.

Умер Хачатур Кечареци в первой половине XIV века, предположительная дата смерти — 1331 год.

Сочинения; М. Т. Авдалбекян, Хачатур Кечареци, исследования и тексты, Ереван, 1958 (на армянском языке).

БРЕННОЕ ТЕЛО КОРИЛА ДУША

Бренное тело корила душа,
Телу, скорбя, говорила душа:
«Грешное, все ты соблазны познало
Этого мира, где святости мало.

Ты и меня погубило грехами,
Ввергнуло в неугасимое пламя.
Ты и в аду, не избегнув огня,
Будешь терзаться и мучить меня».

Тело ответило: «Полно, душа,
Я — во служеньи, а ты — госпожа.
Ложно, неправо меня не суди,
Раны кровавые не береги.

Конь я, и ты оседлала меня,
Гонишь куда ни попало коня.
Всё по твоей совершается воле,
В мире — я горсточка праха, не боле».

ГОСПОДЬ СЛОВАМ МОИМ СВИДЕТЕЛЬ

Господь словам моим свидетель:
Всё в мире суета и ложь.
Лишь скорбь найдёшь на этом свете,
А в гроб лишь саван унесёшь.

В твоих усилиях мало толку,
Цена твоим стараньям — грош,
И это всё ты незадолго
Перед концом своим поймёшь.

Всегда ликующий беспечно
Юнец на дерево похож,
Но расцветание не вечно,
Но листья пожелтеют сплошь.

Тебе зимою станет хуже,
Нагой, ты задрожешь от стужи.

Весна позор твой обнаружит,
Великий стыд перенесёшь!

Я — тоже пленник заблужденья,
И мне иного обвиненья
Не предъявляйте в осуждение:
Мне в сердце не вонзайте нож.

Мой взор померк, и нет спасенья,
Нет мне, больному, излеченья.
Я слышу смерти приближенье
Она меня ввергает в дрожь.

Я, СМЕРТНЫЙ, СОТВОРЁН ИЗ ПРАХА

Я, смертный, сотворён из праха,
Из четырёх стихий земных,
Во тьме я шёл, дрожал от страха,
Слеза текла из глаз моих.

Кого-то пламенем сжигал я,
И сам терпел, сгорал дотла,
И зло кому-то причинял я,
Страдая от людского зла.

Мой дух был пламенем неложным,
Но канул я в глухую тьму,
Я знал почёт, но стал ничтожным
По безрассудству моему.

Был родником с водой сладчайшей —
Грехом я сам себя мутил.
Блистал я, был звездой ярчайшей —
Свой свет я погасить спешил.

О Хачатур, дремать позорно,
Твой час последний предрешён.
Жизнь — это снег на склоне горном,
Грядёт весна — растает он.

Твой сон тебя страшит, кончаясь,
Влечёт он в бездну, а не ввысь.
Заплачь, вздохни, промолви: «Каюсь!»
От сна греховного очнись.

ЖИЗНЬ НА ЗЕМЛЕ ПОДОБНА МОРЮ

Жизнь на земле была как море,
Мне выплыть было не дано.
Подобно морю было горе,
Тянувшее меня на дно.

Любовь была темна, как бездна,
Меня влекла во мрак безвестный,
И дней моих цветок чудесный
Раскрылся и увял давно.

И смерть настанет, не обманет:
Мой взор навеки затуманит,
Лицо моё землистым станет,
И станет всё темным-темно.

Влекомые тщетой земною,
Пройдут живые стороною,
Все, кто при жизни был со мною,
Меня забудут всё равно.

НААПЕТ КУЧАК

Достоверных сведений о жизни поэта нет. Считалось, что автор айренов тот самый Наапет Кучак, который жил в XVI веке в селе Хараконис близ Вана. Но ещё в середине 1910-х годов эта точка зрения была подвергнута критике. По языку, по содержанию айрены никак не связываются с Ваном, они написаны на разговорном языке армян Акина. И по времени трудно отнести айрены к XVI веку. Как считают современные учёные, правильное датировать айрены XIII — XIV веками (см. вступительную статью).

Сочинения: Наапет Кучак, Сто и один айрен, изд. 2, Ереван, 1976 (среднеармянские оригиналы и русские переводы); Nahapet Kuchak, A hundred and one hayrens, Ереван, 1979 (среднеармянские оригиналы, английские переводы и русские подстрочные переводы).

* * *

Благословен ушедший с милой
за дальний перевал.
Мост перешли они,
и тотчас тот мост разрушил шквал;
Засыпало следы их снегом,
буран забушевал...
Он взял её лицо в ладони
и — днём — поцеловал.

* * *

Когда ты была моей,
на деревьях листва была!
К другим ты теперь ушла, —
снег лежит, где листва была!
Вернись, образумься, друг;
будь снова здесь, как была, —
Я солнцем встану сам:
будет свет, где тень была!

* * *

Где была ты, откуда пришла?
Если ты не посланница зла —
Отпусти меня, сделай милость!
Ты сожгла моё сердце дотла,
Ты в душе моей поселилась
И дороги назад не нашла,
Ты в сознании моём заблудилась,
Ты моими слезами текла.

* * *

В мире две великих силы:
смерть и скорбь любви земной.
Влюбишься, потом уносит

ангел смерти в мир иной,
Ну а мёртвые не плачут,
скрытые сырой землёй.
Кто же этот несчастливец?
Он ни мёртвый, ни живой.

* * *

Глаза твои — океан,
брови сумрачной облаков.
Взяла ты румянец щёк
у розовых лепестков.
Куда б ни явилась ты —
там свеч не надобно жечь.
Сияньем твоих грудей
воскрешаешь ты мертвецов.

* * *

Ты хвалишься, луна небес,
что озарён весь мир тобой.
Но вот луна земная здесь,
в моих объятьях и со мной!
Не веришь! я могу поднять
покров над дивной красотой.
Но страшно: влюбишься и ты
и целый мир накажешь тьмой!

* * *

Вышла из-за гор луна
с голубой звездой вместе,
Обнял я мою любовь —
грусть ушла с бедою вместе.
Бог сказал:
«Люби её, говорю тебе по чести!
Я не создавал ведь двух —
равных красотою — вместе».

* * *

Я в любви, как ребёнок малый,
Силой отнятый от груди.
Погляди, что со мною случилось,
Погоди уходить, пощади!
Ничего у меня не осталось,
Только тьма и тьма впереди.
Пожалей хоть самую малость:
Дай воды, мой жар остуди!

* * *

Ручною птицей на земле
я подбирать зерно не мог,
Под облаками я летал,
чтоб не настиг жестокий рок,
Но всюду — западня любви,
и я себя не уберёг:
Не только ноги, как другим, —
опутал крылья мне силок.

* * *

Не нужна ты мне, не нужна,
Мне с тобой ни покоя, ни сна,
Обожгла ты меня стрелою
И осталась сама холодна.
Скажут мне: ты стала водою —
Пить не буду, рук не омою;
Скажут мне: ты стала лозою —
Не коснусь твоего вина.

* * *

Ради бога, что создал нас,
Не играй своими бровями,
Пожалей и лучами глаз
Не пронзай меня, как мечами.
Ради солнца, что светит над нами,
Не ввергай моё сердце в пламя.
Сирота я и так, что ни час,
Обливаюсь от боли слезами.

* * *

Видишь, как покраснела я,
Точно облачко в вышине.
Все на свете знают о том,
Как ты близок и дорог мне.
Виноваты мои глаза:
По тебе они слёзы льют,
На других не глядят — тебя
Вовлекают в грех и зовут.

* * *

О красавица, жить мне дай,
Синей кофты не надевай,
Чтоб не стал я белее мела,
Поглядев на тебя невзначай.
Твой отец много доброго сделал —

Мост возвёл, возродил наш край.
Сделай тоже доброе дело —
Страшной пыткой меня не пытай.

* * *

Что ты белые щёки румянишь,
Что ты жжёшь меня, что ты манишь!
Что ты речь бровями ведёшь,
То нечаянно в душу заглянешь,
То намеренно взгляд отведёшь,
То вдруг пуговицу расстегнёшь,
Белой кожей блеснёшь и ранишь!
Знаю: ты всё равно обманешь —
Навсегда от меня уйдёшь.

* * *

Как мне быть — не могу я боле
Жить одна, от тебя отдаясь.
Поболтать бы с кем-нибудь вволю
О тебе, ничего не страшась.
От любви своей и от боли
Я совсем уже извелась.
Как травинка я в выжженном поле,
Смотрит в небо она и молит,
Чтоб хоть капля дождя пролилась.

* * *

От любви пробежит по мне,
Как по листьям осенним, дрожь.
И покатаются по щекам
Слёзы, словно весенний дождь.
Видишь: гибну. Пусти к себе.
Дай приют для моей души.
Тело к телу льнёт твоему.
Как мне жить без тебя, скажи!

* * *

Сад сажал я, но в том саду
Были саженцы на виду,
И пред тем, как им распуститься,
Их срубили, мне на беду.
Я — птенца потерявшая птица,
Всё ищу и никак не найду.
Есть капкан у тебя — коль случится,
Ты расставь, — а я попаду.

* * *

В далёкий дол я побреду
По всей земле необозримой,
В чужом краю свою беду
Стерплю, презрением гонимый.
Расскажут, где я, — ты не верь:
В иных пределах путь мой новый,
А скажут мне, где ты теперь, —
Найду, сбегу, порву оковы!

* * *

Из дома выйди своего,
Как солнце из-за туч.
Сияй для взора моего,
Как саблевидный луч.
Святых отцов и то с пути
Глаза б твои свели.
Из дома отчего уйти
Готов, пропасть вдали.

* * *

Я прозрачнее ладана стал,
Пожелтел, как шафран, я устал,
То ли так меня губит любовь,
То ли день моей смерти настал.
Зелье есть у тебя, говорят,
Дай вдохнуть мне его аромат,
Оживи меня — или умру,
И в убийстве тебя обвинят.

* * *

Черноброва ты, тонкостанна,
Лоб высокий, лицо румяно.
Белизну ты внутри несёшь,
Грудь твоя словно два шамама, —
Что ж припасть мне к ней не даёшь!
Ведь и ты уйдёшь в край туманный,
В край, куда красоты не возьмёшь.
Почему ж при жизни так странно
Ты со мною себя ведёшь!

* * *

Я думал, ты грустишь по мне,
Я навестил тебя, и вот
Сдаётся мне, что здесь меня
Никто не помнит и не ждёт.

Ну что ж, не хмурься, не сердись!
Не нужно день считать за год.
Пришёл я и опять уйду,
Когда не в пору мой приход.

* * *

Ты — жемчужина, ты — светла,
Сколько горя ты мне принесла!
Что с тобою — не знаю — будет:
Мать родная тебя продала.
Пусть в армянском краю осудят
Ту, что в муках тебя родила.
В землях греков пусть знают люди,
Как ничтожна она и зла.

* * *

Белогрудой красоте
платье синее идёт,
Пуговицы расстегнёт —
юношу с ума сведёт.
Пусть красильщик ни один
синей краски не найдёт,
Чтоб ей в синем не ходить,
не сводить с ума народ.

* * *

Идя близ церкви, видел я
у гроба ряд зажжённых свеч:
То юношу во гроб любовь
заставила до срока лечь.
Шептали свечи, воск струя,
и грустную я слышал речь:
«Он от любви страдал, а **нам** —
должно то пламя сердце жечь!».

* * *

Боже, что от меня хотят!
Что чернят с головы до пят!
Я люблю тебя, дорогого,
Что ж кольнуть меня все норовят.
Если так, — буду я другого,
Всех я буду любить подряд.
И тогда пусть снова и снова
Говорят, говорят, говорят!

* * *

Как нам быть — все про нас говорят.
Разве грех, если мы полюбили!
Что ж наш рай превращают в ад!
Где появимся я ли, ты ли —
Вслед глядят, источают яд.
В чём грешны мы, что преступили!
Полюбили мы — не убили,
Так чего же от нас хотят!

* * *

Мне пред тем, как совсем рассвело,
У тебя задремать случилось.
Шум на кровлю к нам донесло,
Там стропило под кровлей бранилось:
«Наша скромница осрамилась!».
Тут же с глаз моих сон смело.
Неужели и в дереве зло,
Как в людских сердцах, затаилось!
Это дерево в роще росло, —
Где злословию научилось!

* * *

Этот мир похож на базар.
Я единственный свой товар —
Сердце вынесла на продажу.
Милый мой, прояви свой дар.
Сбей с других покупателей жар,
Предложи всё, что есть, что нажил,
Если тот его купит, кто стар, —
Будет купля подобна краже.

* * *

Шла она с другим,
болтая по привычке к многословью,
Жалуясь ему на что-то,
поводя сердито бровью.
«Бог с ней, — сердце подсказало, —
отойди не прекослова,
Ведь любовь по принуждению
не считается любовью».

* * *

Шёл по улице неторопливо.
А навстречу мне милая шла,
Опустивши глаза стыдливо.

Подбежал я — была не была, —
Обнял милую нетерпеливо.
Зашептала она боязливо:
«На виду, среди бела дня
Для чего позоришь меня?»

* * *

Боль и радость в сердце моём,
Я люблю тебя, дорогую.
Нет нам счастья, давай уйдём
Поскорее в страну другую.
Будем жить мы с тобой вдвоём,
Позабудем тревогу слепую.
Всё оставим: и отчий дом,
И врагов, и молву людскую.

* * *

Пророк Давид, тебя молю
Грехи мне отпустить.
Ту девушку, что я люблю,
Нельзя не полюбить.
Когда бы в келью среди тьмы
Вошла, как луч сквозь щель,
И ты б не стал читать псалмы,
А лёг бы с ней в постель.

* * *

Вышел ночью навеселе,
Встретил милую у дверей.
Показалось, что грудь её
Слаще яблочек и круглей.
Лишь дотронулся до груди,
Слышу: «С ветками всё унёс!»
Но клянусь, я не силой брал,
Ни обид не хотел, ни слёз.

* * *

Вчера по улице вели
красавицу куда-то,
Не то насильно увели,
не то прельстили платой.
На что мне жизнь,
когда любовь меняется на злато?
Любовь берите как цветок,
как спелый плод граната.

* * *

Утром, выйдя за порог,
Я тобою ослеплён,
Ты подобна сотне лун,
Вышедших на небосклон.
Слышу я в ответ упрёк:
«Любишь — и люби один,
А другому, видит бог,
Знать об этом нет причин».

* * *

«Мы, любимая, не равны:
Вы богаты, а мы бедны!»
— «Милый, в бедности нет вины,
А расстаться мы не вольны,
Мы хотели, да не сумели.
И богачки, когда влюблены,
Спят у бедных парней в постели
И счастливые видят сны».

* * *

Как сладок этот поцелуй,
Дарованный моим устам!
Он слаще всех земных плодов.
Весь мир я за него отдам.
Адам сорвал запретный плод.
Из рая изгнан был Адам.
Мой рай — в объятиях твоих,
И не бывать мне больше там.

* * *

В эту ночь я блюла закон;
Я спала на холодном ложе,
И луна, озарив небосклон,
Одиноко дремала тоже.
И приснился мне сладкий сон:
Тот явился, кто всех дороже.
Я проснулась, исчез и он.
Сны, как жизнь, мгновении, о боже!

* * *

«На кровле ты легла уснуть,
твоя созвездьям светит грудь.
Позволь же мне к тебе прильнуть
иль укажи домой мне путь!»
— «Тебе нельзя со мной уснуть,

нельзя и дома отдохнуть,
Но так дрожи и жди, пока —
захочет утра свет блеснуть!»

* * *

О, длиться бы стократ поре ночной,
Чтобы заря не брезжила вослед!
Любимая пришла, она — со мной,
И словно в первый раз за сотни лет!
О, утро, обойди нас стороной,
Пусть наших игр не озарит рассвет,
А то зальёшь сияньем мир земной,
Придёт разлука — и любимой нет!

* * *

Твердь небесная, твердь земная
Просветлели от края до края.
Ты встречала рассвета знак,
Из объятий моих ускользая.
Я молил, чтоб вернулся мрак,
Говорил: «Погоди, дорогая».
Но рассвет подкрался, как враг,
От меня тебя отрывая.

* * *

В ту долгую ночь лишь раз, лишь два
я прялку повернуть могла,
Мне вспомнился желанный яр,
я встала, пряжу убрала,
И, сладким ковш налив вином,
я к двери яра подошла:
«Желанный яр! Открой мне дверь!
Стою в снегу, дай мне тепла!»

* * *

«Грудь твоя — белоснежный храм,
А соски — как лампы в нём.
Позволь мне молиться там
И стать твоим звонарём».
— «Уйди. Легкомыслен ты,
Не стоишь лампад моих:
Мой храм среди темноты
Оставишь для игр других».

* * *

Милая, если позволишь
 платье твоё расстегнуть —
Я с твоего разрешенья
 в сад превращу твою грудь,
Благословлять его стану,
 в этом уверена будь,
Сам сатана не посмеет
 смертью прервать этот путь.

* * *

Эти волосы, брови и взгляд!
 Умереть я за них был бы рад.
Пусть тебя лихорадит всю ночь,
 Если ты не придёшь ко мне в сад.
А придёшь — и щекою к щеке
 Я прильну, чтоб печали помочь,
Чтоб дыханье твоё ощутить
 У себя на душе в эту ночь.

* * *

На любимую бросьте взгляд —
 Как к лицу наряд ей зелёный!
На всех пуговицах подряд
 Отблеск звёздных лучей зелёный.
Обнялись и вошли мы в сад,
 Там петляет ручей зелёный.
Там большие деревья стоят,
 Цвет листвы и ветвей — зелёный.

* * *

Художник обмер, написав
 Одну-единственную бровь.
Взглянул прохожий и поник:
 Остановилась в жилах кровь.
Так что же делать мне тогда!
 Ведь сотворил мою любовь
Не живописец, а господь.
 Влюблённого ты не злословь!

* * *

Взяли милой моей портрет,
 по стране вдаль понесли,
Всех людей расспросили —
 нет, равного не нашли,
И шесть тысяч пятьсот живописцев

со всей земли
Даже тени подобного
изобразить не могли!

* * *

С той поры, как рождён на свет,
мне спасенья в молитвах нет.
И пускай священник зовёт —
сворочу, не пойду вослед.
А красавица поглядит —
славословлю и шлю привет.
У колен её — мой алтарь,
я грудям её дал обет.

* * *

Вино твоего румянца
мне пить бы опять, опять.
Библейский рай — твоё тело,
ах, яблоко бы сорвать!
Уснуть на груди прекрасной —
не высшая ли благодать?
За это ангелу смерти
не жалко мне долг отдать.

* * *

Я ласкал бы твой нежный лик,
озарённый лучом луны.
Целовал бы в губы тебя, —
они сладким вином пьяны.
В тёмно-синих твоих глазах —
перелив и качанье волн.
Словно розовый венчик,
рот благовонной росой полн.

* * *

Я увидел на верёвке
выстиранное бельё,
Средь белья висит рубашка —
сердце замерло моё.
Рукава расшиты шёлком,
на груди ещё шитьё...
Ах, купить ценою жизни
мне б владелицу её!

* * *

Белогрудая в кофте белой,
По груди твоей нежной, незрелой
Я рукою легко скользнул,
Я губами к губам прильнул,
И в глазах у меня потемнело.
Поднял руки я: «Боже, сделай,
Чтобы я на груди этой белой
Вечным сном блаженно уснул!»

* * *

«Из чего ты создана?
Из рубина, изумруда?
Мылась розовой водой
из какого ты сосуда?»
— «Если это обо мне,
я и вправду белогруда,
Пуговицы расстегну —
погляди-ка, что за чудо!»

* * *

Ты ль не вырезана из лоз
Виноградника белого!
Не из самых ли лучших роз
Твоё личико сделано!
Не боюсь я ничьих угроз,
Я с тобою смелее смелого.
Будь турчанкой, и то б вознёс
Я тебя выше мира целого.

* * *

Ты — красива, ты — молода,
И твои поцелуи сладки,
Ты — как море, а море всегда
Исцеляет от лихорадки.
Вот нырнуть, поплыть без оглядки
И вернуться скорей сюда.
В тень ресниц твоих, чтоб украдкой
Задремать иль уснуть навсегда.

* * *

Ловчий сокол я с красным кольцом,
Ты — залётная голубица.
Я заметил твой след с трудом,
Я ловлю — ты не хочешь ловиться.
Человеческим языком

Говоришь ты: «Что зря трудиться!
Не охоться за мною днём:
Будет ночь, я — ночная птица!»

* * *

Ослепительный блеск
И огонь твоих глаз
Может реку поджечь
И разрушить Шираз.
Если в город Дамаск
Голос твой долетит, —
Кто услышит его,
По тебе загрустит.

* * *

Пред тобою я, мой желанный,
Скатерть белую расстелю,
Куропатку с кожей румяной
Соком сливовым оболью,
И напиток хмельной и пряный
Я в две чаши для нас налью.
Облекусь в наряд тонкотканый,
Чтобы ты за дымкой туманной
Видел белую грудь мою.

* * *

Я, как скала, крепка:
Не раздробить меня.
Как туча, высока:
Не покорить меня.
Пусть будет лук упруг
И богатырь стрелок,
Коль о любви моей
Он вдруг подумать мог.

* * *

Я, как всякая птица, дика.
Я твоя, коль удержит рука.
А упустишь — в небе растаю
Иль смешаюсь с чужою стаей,
Не узнаешь издалека.
В клетку вновь ты меня не заманишь.
Станешь ладить силок — не обманешь,
Не боюсь твоего силка.

* * *

Было слышно: вода рокочет,
Ветерок играет травой.
Но отрадней всех звуков прочих
Был мне голос моей дорогой.
Как безбожно любовь порочит
Тот, кто спит в этот час неземной,
Кто сберечь этой ночью хочет
Поцелуй для ночи другой.

* * *

Гляну вниз иль гляну вверх я —
краше не найду,
Затмеваешь ты подругу,
как луна звезду.
Поздравляют с Новым годом
только раз в году,
А меня сто раз поздравьте —
к милой я иду.

* * *

О царица, пусть будет воспета
Мать, что в муках тебя родила.
Ни луна, ни другая планета
Не светлей твоего чела.
Ты — денница, ты — утра примета,
Блещешь где-то во тьме облаков,
Темноту отлучаешь от света
Возле греческих берегов.

* * *

«Высоко ты ходишь, —
милой передай привет, луна!»
— «Передам привет я милой,
но не знаю, где она».
— «Видишь дерево в саду,
где высокая стена!
Пьёт из чаши голубой
там под деревом она
И армянской речью славит
сладость ласки и вина».

* * *

Скажи, мой милый месяц, мне:
куда ты ночью правишь путь?
Сквозь окна многих милых дев

ты видишь лёгших отдохнуть;
Они полураздеты все:
твой луч им падает на грудь,
И заставляет, отражён,
он звёзды в свете потонуть!

* * *

Я молод, ты молода:
нам любовь — для счастья и мук.
Твой стан — словно лук.
Но нет, уступает в гибкости лук.
Соски твои — виноград,
грудь твоя подобна заре:
Чем больше её открыть —
тем светлее станет вокруг.

* * *

Мне б рубашкою стать льняною,
Чтобы тело твоё обтянуть,
Стать бы пуговкой золотою,
Чтобы к шее твоей прильнуть.
Мне бы влагою стать хмельною
Иль гранатовою водою,
Чтоб пролиться хоть каплей одною
На твою белоснежную грудь.

* * *

Стан твой тонок, ты высока,
Как тростиночка, ты гибка,
Говорят, что вода живая
Наподобие родника
Из груди твоей бьёт, исцеляя
Всех, кто выпьет хоть полглотка.
Счастлив тот, кто пьёт, припадая
К бугорку твоего соска!

* * *

Пришла ты поздно за водой.
Я помню: ночь была темна,
Когда в родник с груди твоей
Скатилась полная луна.
Как я завидую теперь
Тому, в кого ты влюблена,
Кто губы целовал твои
В твоих объятьях допоздна!

* * *

«Что возьмёшь за поцелуй,
молви, дивное создание!»
Усмехнулась:
«А твоё велико ли достоянье?
Если хочешь заплатить,
не получишь ты лобзання,
Если любишь горячо —
утолю твоё желанье».

* * *

«Вот гранат, разрежь,
ты видишь, сколько зёрнышек внутри, —
За зерно по поцелую,
лишнего мне не дари».
— «Я тебя считала умным,
уходи и не дури.
Это слыханное ль дело —
целоваться до зари?»

* * *

Мне сказали сегодня под вечер:
Милой путь в нашу сторону лёг!
Так давайте пойдём ей навстречу
И поможем взойти на порог.
Я её поцелуем привечу,
Пыль дорог отряхну с её ног.
Я чудесный ей дам порошок,
Что от хвори и горестей лечит.

* * *

Поцелуй, обознавшись, просил
У дурнушки, но стала она
Говорить: «Опозорил меня!» —
И ломалась: мол, ты мне не мил.
Тут красавица крикнула мне:
«Что ты возишься с ней без конца!
На красавицу взор обрати,
Знаю, как оценить молодца».

* * *

Люди пришли и сказали:
«Стал твой любимый монахом».
В недоуменьи безмолвном
я размышляю со страхом:
«Как он смирится с горохом —

сладкое ел на пирах он,
Как власяницу наденет —
к тонким привык он рубахам?»

* * *

Мне месяц ясный говорит:
«Неправда ли, похож
Я на гариба твоего!»
— «Нет, месяц, это ложь!
Он, чернобровый мой гариб,
Собою так хорош!
От золотых его усов
Очей не оторвёшь».

* * *

Я персиковый саженец.
Не для моих корней
Земля возделанных долин.
Утёсы мне родней.
Шербетом поят здесь внизу.
Расти мне всё трудней.
Испить бы снеговой воды
Среди родных камней!

* * *

Выбери четверостишье,
что на ум тебе придёт,
Говори про наше время,
про людей, про жизни ход,
Только не хули без смысла
бездомовников-сирот,
Полагая, что скитальцы —
необидчивый народ.

* * *

Самым худшим из проклятий
проклинала сына мать:
«Уходи в края чужие,
чтоб навек скитальцем стать,
С твёрдым камнем в изголовье
на песке ты будешь спать,
Встанешь рано и припомнишь
отчей кровли благодать».

* * *

Обидевший скитальца
пусть станет сам таким,
Пускай поймёт, что значит
под небом жить чужим.
Хотя дождём там будешь
осыпан золотым —
Всё будет вспоминаться
родных селений дым.

* * *

Душа моя ушла из тела,
и горько плакал я:
«Душа, куда ты улетела,
в тебе вся жизнь моя».
— «Я думала, что ты умнее,
безумна речь твоя:
Когда разрушен дом,
хозяин уходит из жилья».

* * *

От долгих раздумий растут
и печаль и забота,
И сахар не сладок,
и жжётся вода отчего-то,
И таешь свечою, страшась
до холодного пота,
Жизнь так непосильно трудна,
что и жить неохота.

* * *

Клеветы человеческой
пуще всего берегись.
Научи меня, господи,
как от неё мне спастись.
Лев бежит от злоречия,
прячется хищная рысь.
И орёл поднимается
в неомрачённую высь.

* * *

Спросили раз у мудреца:
«Зачем душе велела
Премудрость господа-творца
Быть пленницею тела?»
— «Затем, — услышан был ответ,

Чтоб тело лучше стало,
Чтоб был в нём золотой отсвет
Бесценного металла!»

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ XIV ВЕКА, ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ПЕРЕПИСЧИКУ БИБЛИИ МХИТАРУ АНЕЦИ

С надеждой буду я молиться —
Пусть, господи, мой век продлится,
Пока сей труд не завершит
Его последняя страница.

Аваг дозволил украшенья —
Хораны, буквицы, тиснения —
Мне на листах расположить
По собственному разуменью.

Чтоб на поверхность переплёта
Легла узором позолота,
Чтоб жизнь ничтожную мою
Увековечила работа.

Когда-то я не знал печали,
Меня грехи одолевали.
Был молод, мысли о душе
Мой грешный ум не занимали.

Теперь, когда дряхлеет тело
И даже зренье помутнело, —
Я взялся за великий труд
И, помолившись, начал дело.

Сей труд нелёгкий, но прекрасный
Не терпит суеты напрасной,
И требует терпенья он
Вдали от суетности праздной.

За труд сей взялся непомерный
Я, скудомудрый, неусердный,
Повинный в мерзости мирской,
Запятнанный земною скверной.

Но мне, познавшему сомненье,
Святое было озаренье:
Бездетный старец, понял я —
Лишь в сём труде моё продленье.

Святая братия достанет
Мой труд, когда меня не станет,
Укором или же хвалой,
Несчастливого, меня помянет.

Я умоляю: ради бога,
Суди, читающий, не строго,
Хоть, может быть, в труде моём
Помарок и ошибок много.

Свой долг я исполнял с любовью,
И ты не подвергай злословью
Труд безымянного писца,
Писавшего своею кровью.

Читающий пусть не смеётся
Ошибке, что в строках найдётся,
Пусть он заглянет в душу мне
И в сердце, что уже не бьётся.

Я дряхл, дрожит моя десница.
Смерть в келию мою стучится.
И мучает меня печаль,
Что этот труд не завершится.

О боже, прояви заботу,
Продли мой век, ускорь работу,
Преодолеть мне помоги
Недуг мой и мою дремоту.

Я чувствую: уходит сила.
Жара мне тело разморила,
И вьются мухи надо мной,
И сохнут в пузырьке чернила.

Мой труд я совершал любовно.
Лишь немощь старика виновна
В том, что дрожит моя рука,
В том, что строка лежит неровно.

Я чуда жду и озаренья.
Вернётся ль мне былое зренье
Хотя б на миг, чтоб увидеть
Моей работы завершенье.

Я слаб, мне всё даётся трудно.
Но все ж надеюсь я подспудно,
Что приведу я к берегам
Своё ветшающее судно.

Моли, о дева пресвятая,
Моя заступница благая,
Чтобы исполнил Иисус
То, что прошу я, умирая.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ XIV ВЕКА, ПРИНАДЛЕЖАЩАЯ ПЕРЕПИСЧИКУ ОВАНУ

Кровью горячею сердце облилось,
Перед глазами всё вдруг помутилось.
Сына любимого смерть унесла,
Кара господня над нами свершилась!

Видимо, были мои прегрешенья
Слишком велики, и вот — искупленье.
Сын мой любимый — в холодной земле,
Той, по которой хожу я в смятеньи.

Сын мой — моё утешенье земное,
Очи застлало твои пеленою,
Голос поныне мне слышится твой,
Будто живой ты стоишь предо мною!

Сын мой любимый ночами мне снится.
Мне он свою простирает десницу.
Господи боже, прости мне мой грех, —
С волей твоей не могу примириться.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСЬ XV ВЕКА

Пусть возопит истошный глас
О том, как попирают нас,
Как безграничны наши беды,
Как нас господь обрѣк страдать,
Как в руки чужеземцев предал,
Пустил на нас чужую рать;
Как храмы наши оскверняют,
Как духовенство унижают,
Как зажимают нам уста,
Как милосердного Христа
Вновь нечестивцы распинают.

Но, попираемы врагами
И злобно втоптанные в грязь,
Не перестаём грешить мы сами,
Господня гнева не страшась.
Мы грешники, и не за то ли,
Прельстившихся стезёю зла,
Всеправедная божья воля
Нас на погибель обрекла?

И, христиане, горсткой праха
Мы стали, мы идём во мглу
По злобной воле падишаха
Хасана-Бека Ак-Кюнлу.
Явились сборщики налога,
Не почитающие бога,

Пришли, чтоб с каждой взять души
Сколь можно серебра иль злата,
А с тех из нас, что небогаты,
Содрать хоть медные гроши.

Святыни наши осквернили,
Нас знаком синим заклеили,
Хараджем обложили всех,
И подчинили нас жестоко
Законам своего пророка
И наши ввергли души в грех!

Всего мы лишены сегодня:
В церквах армянских городов
Умолкнул звон колоколов —
Предвестие суда господня.

Господь нас, грешных, покарал,
Насильников в наш край наслал,
Несчастных, ввергнул нас в беду,
От своего отринул лона
В злосчастном нынешнем году,
Что под созвездьем Скорпиона.

Мучитель наш, султан Хасан,
Горазд в деяньях беззаконных,
Собрал, повёл на Гуржистан
Сто тысяч пеших войск и конных.
Тепхис в руины превратил,
Разрушил всё, что было свято,
Изгнал правителя Баграта
И кровь обильную пролил.

И пали каменные стены.
Всех бед людских не описать.
И никому не сосчитать
Замученных и убиенных.

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ

Родился около 1360 г. в Вайоц-дзоре (Сюник). Подробности биографии неизвестны. Сюнеци — племянник и ученик крупнейшего философа и общественного деятеля Григора Татеваци (ок. 1340 — 1409), ректора Татевского университета. Полагают, что Сюнеци преподавал в Татевском университете грамматику и музыку. Был после Григора Татеваци ректором. До нашего времени дошли работы А. Сюнеци по грамматике и философии. Сюнеци — автор речей и проповедей. Писал к своим стихам музыку. Одна из его песен («Сердце моё трепещет...») исполняется и по сей день. Особой известностью пользуется «Адамова книга» Сюнеци.

Умер Аракел Сюнеци в 1425 году.

Сочинения: Аракел Сюнеци, Адамова книга. Опубликовал М. Потурян, Венеция, 1907 (на армянском языке)

ИЗ «АДАМОВОЙ КНИГИ»

Об убранстве прародителей и рая

Из главы II

Как описать мне прелесть рая?
Не может быть прекрасней края.
Как солнце и луна сверкая,
Цветок там каждый расцветал.

Лицо Адамово лучилось,
В нём отражалась божья милость,
Оно сверкало и светилося,
И райский свет на нём играл.

Оно сияньем озарялось;
В нём солнце так преображалось,
Что солнцем и лицо казалось.
Бессмертья свет на нём блистал.

Адам, сияньем осенённый,
Был неземным ростком зелёным.
Он был цветком новорождённым,
Он свет бессмертья источал.

Своим блаженством восхищённый,
Душой и мыслью просветлённый,
Как на свету алмаз гранёный,
Сияньем божьим он сиял.

Под сенью райского предела
Сливался свет души и тела,
Душа сияньем пламенела,
И свет сей тело озарял.

Над ним господь был вездесущий,
Под ним шумели рая кущи,

Глядел Адам на мир цветущий
И божью милость восславлял.

Благоуханную обитель
Оглядывал наш прародитель.
Он, опьянённый райский житель,
Благие запахи вдыхал.

Он любовался этим краем,
Он пел, он упивался раем.
Что сам он был неувядаем,
Наш прародитель понимал.

Он к божьей славе приобщался,
Любви сияньем упивался,
Восторг его из сердца рвался
И благодарностью звучал.

Сияли чудным озареньем
Творец и тот, кто был твореньем.
Над каждой тварью и растеньем
Дух целомудрия витал.

Цветы, казалось, пламенели;
И сонмы ангельские пели,
Они пьянили и пьянели,
Сливаясь в радостный хорал.

И, может, божеская милость
В том благодатно проявилась,
Что самому Адаму мнилось:
И он сиянье излучал.

Сомненьем поздним не тревожим,
Адам на бога был похожим,
И, будучи подобьем божьим,
В себе он бога ощущал.

Плач о неизбежной кончине, о пути души и борьбе её со злыми духами

Из главы V

Не избежать и мне сего удела:
Душа моя отринется от тела
И пустится в тот страшный, без предела
Далёкий путь неведомо куда.

Обступят душу сонмы бесов разных,
Ужасных сутью, ликом безобразных,
Ещё страшней сомнений тех опасных,
Что бесы мне внушали иногда.

Душа моя окажется в их власти,
Сулящей ей лишь беды и напасти,
И душу раздерут мою на части,
Чтоб ей пропасть, исчезнуть без следа.

Те бесы с адской злобою во взгляде
Начнут огонь вздуть и крючья ладить,
Кружиться станут спереди и сзади,
Повсюду — слева, справа — вот беда!

В том мире тесном, мире помрачевшем
Придётся худо душам отлетевшим,
Стыдом отягощённым, многогрешным,
Не ждавшим в жизни Страшного суда.

И, проявив бесовское старанье,
Припомнят бесы все мои деянья
И станут мне готовить наказание,
Для коего и брошен я сюда.

Но перед тем, как дьявол завладеет
Моей душой, как телом Моисея,
Быть может, скажет ангел, мрак рассея:
«Господь его прощает навсегда!».

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

Биография Ованеса Тлкурانци неизвестна. Жил в XIV — XV веках. В одном из стихотворений поэт говорит, что ему 70 лет. Стихи Ов. Тлкуранци впервые были опубликованы Акопом Мегапартном в 1513 году в первом печатном песеннике на армянском языке. До недавнего времени ошибочно предполагали, что поэт Тлкуранци и католикос Ованес Тлкуранци, живший в XV — XVI веках, — одно и то же лицо. Отсюда делали вывод, что Тлкуранци — первый средневековый поэт, стихи которого были изданы при его жизни, в 1513 году. Однако, как теперь установлено, поэт Ованес Тлкуранци жил в XIV — XV веках и его нельзя отождествлять с католикосом Тлкуранци.

Сочинения: Ов. Тлкуранци, Стихи. Научно-критический текст, исследования и комментарии Эм. Пивазяна, Ереван, 1960 (на армянском языке).

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

В сиянии сидела ты
Подобной солнцу красоты;
Похожа на прекрасный сад,
Где роз и лилий аромат
Цветы лучистые струят.

Твой взор — как гладь морских валов,
А брови — сумрак облаков;
Меж тонких губ ряды зубов
Блестят, как нити жемчугов.

Монахи, встретившись с тобой,
О книге позабыв святой,
Дрожат всем телом в летний зной,
Зима ж им кажется весной.

С тобой вступить могу ль я в спор?
Любовью твердь ты плавишь гор,
Ты крепостей крушишь затвор,
Ты скалы мчишь в морской простор.

Безумец бедный, Ованес!
Ты пел златой ковчег чудес,
Чтоб, по суду благих небес,
Червь тело грыз, а душу — бес!

ЛИК ТВОЙ — СОЛНЦЕ

Лик твой — солнце, и не мудрено,
Что тобою всё озарено.
Любишь иль не любишь — всё равно
От любви мне гибнуть суждено.

Только что стояла здесь скала,
Ты прошла — взглянула и сожгла.

Гибнем, но не замечаем зла
Мы, чьи души сожжены дотла.

Дочери иной, тебе под стать,
Не могла родить другая мать,
Взор твой излучает благодать,
Божья на лице твоём печать.

Лоб твой ослепляет белизной,
Губы — словно алый мак весной,
С чем сравнить мне лик твой неземной?
Ты подобна лишь себе одной!

Я сгораю; больше нету сил;
Я за то страдаю, что грешил.
Чудо из чудес господь свершил:
Он тебя из праха сотворил.

Плачу я — безумный Ованес,
Я сгораю, мой покой исчез.
Ты — огонь мой, ты — моё страданье,
Кара, посланная мне с небес!

ВСТРЕТИЛ Я КРАСАВИЦУ НЕЖДАННО

Встретил я красавицу нежданно.
Глянув на пылавшие уста,
Замер я и рухнул бездыханно,
Понял: без неё земля пуста.

Я такое увидел впервые.
Очи — словно волны голубые,
Волосы — как нити золотые,
Брови — ночи зимней чернота.

Светел мир её лишь благодатью,
Я пленён её лицом и статью.
Душу за неё готов отдать я,
Столь она прекрасна и чиста.

И, когда мы встретились глазами,
Как свечу, меня спалило пламя.
Обезумев, я на месте замер,
Ибо понял: я ей — не чета.

Ованес, не стоило влюбляться:
Наши дни не долго в мире длятся,
Чаще вспоминай, чтоб исцеляться,
Что не вечна в мире красота.

НЕ УБЕЙ МЕНЯ, ЛЮБОВЬ

Ты пышный цветник, ты, как роза, горда.
Глаза — морей опьянённых вода.
Грудь — сад плодовой. Скрыться куда?
Ты грозный судья, и жду я суда.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Сильнее креста твоя благодать,
Я сил не найду с тобой совладать.
Земля ты иль пламя? Рядом сядь.
Я болен — и вот здоров я опять.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

И стыд позабыт. Священник, монах,
И вам не спастись — настигнет впотьмах,
Нарушит ваш сон любовь. Где же страх?
Смеётся, злословит народ — всё прах.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

О, ты молоко, и миндаль, и мёд.
Пускай острый шип глаза разорвёт
Тому, кто тебя не чтит. О, разлёт
Бровей! Кипарис, пронзающий свод.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Как бабочка, опалён я огнём.
Ты солнечный лик, пылающий днём.
Когда остаюсь с тобой вдвоём,
Дрожу, и смятение в сердце моём.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

Я светлый твой лоб сравню со звездой.
Шамам — твоя грудь, эдем золотой.
О, яблоки щёк, коль сахар со мной,
То и на Мысыр махну я рукой.
Любовь, не убей меня,
Не будь палачом!

За твой поцелуй отдам Хоросан,
Абаш и Дели, Емен, Индостан.
Цена твоих кос — Китай и Яздан,
Стамбул и Хата — всё обилие стран.
О, Тлкуранци, всё сказал ты пока,
Ведь ум твой легче крыла мотылька.

ПЕСНЯ ОВАНЕСА О ЛЮБВИ

Я гибну! Сжался надо мной! Любовь сказала: умирай!
Возьми же заступ золотой и мне могилу ископай.

Пусть на костре сожгут меня: душа, стена, взлетит огнём.
Кто не знавал сего огня? И сушь и зелень гибнет в нём.

Мой бедный прах вином омыв, пускай певец над ним споёт,
Как в саван, в листья положив, в саду весеннем погребёт.

Жестокая! Глаза твои учить могли бы палачей,
Ты всех влечёшь в тюрьму любви, и бойня — камни перед ней!

О! сердце ты моё сожгла, чтоб углем брови подвести.
О! кровь мою ты пролила, чтоб алый сок для ног найти.

Кидайте яблоки в меня! — я нежным ранен языком,
Я пленник твой! Мой дух, пьяня, ты поишь сладостным вином.

Мне нынче ночью снился сон, что на куски я разнесён:
Зверьё сосало кровь мою, мой труп достался воронью.

Льва надо мной зияла пасть; и всё струилась кровь моя...
Твоя искала крови страсть, — являйся, жажды не тая.

Землём, что топчет удалец, клянусь: во мне душа — одна!
Меня сожгла ты! Наконец, пей кровь мою взамен вина!

С моей главы на сердце вдруг упали клубы чёрных туч.
Желчь разлилась, туман вокруг, а слёз поток — кровав и жгуч.

Мы ели за одним столом, из кубка пили одного,
Садились вместе, шли вдвоём, ах! Что осталось от того!

Свои слова и свой обет ты помнишь? Им свидетель — бог!
Теперь меж нами связи нет, всё зложелатель превозмог.

За зло пусть бог заплатит злом, чтоб враг мог зло своё испить,
И добрым пусть воздаст добром, чтоб вновь вдвоём с тобой нам быть.

Да мне укажет бог пути! Деревья зацветут в лесах,
И древу сердца вновь цвести, и вновь пернатым петь в ветвях!

Безумный Ованес! терпи, работай, полно унывать!
Надеждой твёрдой дух крепи: она придёт — вновь целовать!

* * *

Земля подобна раю стала
По мановению творца,
Чьей благодати нет конца,
Чьей благодати нет начала.

Коснулась божия рука
Листа, и ветви, и цветка,

В горах замёрзшая река
Оттаяла и зажурчала.

Идут коровы со двора,
Пастись в лугах пришла пора.
Резвится, пляшет детвора,
Как ей по возрасту пристало.

Юнцы влюблённые стоят,
Вослед красавицам глядят,
Но те не ловят жаркий взгляд,
Не смотрят на кого попало.

Вернулись птицы в свой приют
И хлопотливо гнёзда вьют.
И завершая тяжкий труд,
Они поют свои хоралы.

Вновь прилетели в отчий край
И соловей и попугай,
И, превращая землю в рай,
Их песнопенье зазвучало.

Простор лугов и склоны гор
Покрыл затейливый узор —
Раскинулся цветов ковёр,
И вся земля возликовала.

Расцвёл нарцисс, как добрый знак,
Короной возгордился мак,
И орхидея белый стяг
Ввысь подняла и засияла.

Вот тубероза средь лилей
Стоит, других цветов мудрей,
Поскольку мудростью своей
Больных проказой исцеляла.

Расцвёл весь мир, как вешний сад,
И всяк живущий в мире рад,
Все господа благодарят:
Его глагол — всему начало.

Не счесть его благих щедрот,
И зреет всякий сладкий плод,
Обилье вишен ветку гнёт,
Склонясь, она к земле припала.

Кизила ягоды горят,
Каштаны зрелые висят,
И соком налился гранат,
И зреют груши небывало.

И, словно поздняя трава,
Желтеет на ветвях айва,
Отяжелели деревья,
И много персиков опало.

Но сходит всё в краях земных.
И вот в садах полупустых
Нет абрикосов золотых,
И фиников, и яблок мало.

Куда ни глянь — пустеет сад,
Но созревает виноград,
Чья сладость слаще всех услад
В раю Адама искушала.

Поднёсший виноград к устам,
Из рая изгнан был Адам, —
Но сладость винограда нам
Блаженство рая даровала.

И вот уже сады пусты.
Где нынче листья, где цветы?
Былой не видно красоты,
Листва пожухла и опала.

Страдают птицы без вины,
Что в дальний край лететь должны.
Не всем дожждаться им весны,
Чтоб снова всё начать сначала.

А осень оставляет нам
Сады — как опустелый храм;
Они подобны старикам:
Что отцвело, того не стало.

ПЕСНЬ О ХРАБРОМ ЛИПАРИТЕ

Прославим бога, вечен он
И в бесконечности сокрыт.
По воле бога стал силён
Слуга господень Липарит.
Мы чтим героев и святых:
Саркис, Торос, Мушег, Вардан...
Был Липарит храбрее их,
Сильней, чем Тырдат, царь армян.
Героя конь неукротим,
Копьё качается в руке.
Враги трепещут перед ним,
Иноплеменники — в тоске.
Конца нет войнам. Каждый год
Их десять, двадцать. Гибнут вновь
И вновь войска. Не меньше вод

Реки Джиган пролилась кровь.
Зло накопилось, как вино
В мехах. Подходит к Сису рать.
Манчак, чьё сердце злом полно,
Задумал Сис великий брать.
С Манчаком тысяч шестьдесят
В кольчугах выехали в ряд.
Их копыта гибкие блестят,
Их сабли и щиты горят.
Вот тысяч шестьдесят врагов
Подняли исступлённый вой,
Военных труб грохочет зов,
Фанфары призывают в бой.
Скотов неверных рать стоит,
Но вид воинственный их лжив:
Им страшен храбрый Липарит,
Они дрожат, как ветви ив.
Святой король сказал тогда:
«Ради тебя явилась к нам,
О, Липарит, врагов орда
И вон остановилась там.
Разила их твоя рука,
Ты конницу их брал в полон,
Пленил ты сына Манчака,
Ты нам принёс султана трон».
И Липарит сказал: «Готов
Я на себя принять беду;
Не будем тратить лишних слов,
Пусть я на смерть сейчас пойду».
Коня седлает Липарит,
Кольчугой тело сжал своё,
Над головою поднял щит,
В руке — упругое копьё.
Склонился он у алтаря
И положил земной поклон.
Почтив небесного царя,
Земных князей восславил он.
Благословение небес
На сына шлёт (вокруг отряд
Заплакал): «Сын мой, Ованес,
Прощай. И ты, Василий, брат.
Ты, госпожа моя, Манан,
Ты, солнцу равная лицом.
Я должен умереть от ран;
Вглядись в меня перед концом».
И к королю, могуч и прост,
Он обращается потом:
«Храни, король, надёжно мост,
Чтоб мог пройти я тем мостом».

Призвал Христа, рванулся львом
И конницу врагов рассек.
Бегут. Страх овладел врагом.
То мчится барс, не человек.
Там горы трупов, ужас, боль,
Кипит кровавая река.
Но позавидовал король
И вспять вернул свои войска.
Враги воспрянули, и взят
Был ими мост, и нет пути.
Вот скачет Липарит назад,
Но мост ему не перейти.
И копыта бьют его в упор,
Враги теснят со всех сторон;
Он вправо, влево бросил взор, —
Помощников не видит он.
Враги справляют торжество,
Им крови хочется святой.
Вот тело брошено его,
Но взяли голову с собой.
И страх над городом навис.
Напрасно горожан отряд
Сопrotивлялся. Занят Сис,
Враги вошли, дома горят.
Церковных не щадили стен.
Разрушен город и сожжён.
Служителей церковных в плен
Угнали, увели их жён.
А тело павшего от ран
Струило свет. Конец таков:
Сам Липарит и сам Ован
Погибли от руки врагов.
И повторяют в наши дни
Священник, простолюдин, князь:
«Господь, героя помяни», —
За стол с молитвою сядясь.
Тлкуранци я, Ованес,
Сложил вам жалобную речь,
Чтоб этот подвиг не исчез,
Чтоб память о бойце сберечь.

КОЛЬ НЕ БЫЛО Б МУЖЕЙ...

Коль не было б мужей, что грешных нас
Предостеречь хотя́т святым писаньем, —
Смерть и без них была бы всякий раз
Остереженьем и напoминаньем.

Дотянется до всех её рука,
До полководца и до властелина,

До богатея и до бедняка;
Ты схимник или царь — ей всё едино.

Я видел покорителей земли,
Но ведал я: их слава быстротечна;
И в час назначенный они ушли,
Взяв лишь одну сажень земли навечно.

И тот, кто тело холил много лет,
Тот, кто себя умащивал до лоска,
Ушёл, навечно, и его скелет
Лежит в могиле на подгнивших досках.

Я видел многих богачей, скупых,
В чьи сундуки текли золотые реки,
Но даже им всего два золотых
В дорогу дали, положив на веки.

Твердил владыка: «Есмь я Соломон!»
Была блестящей жизнь его и длинной,
Но эта жизнь окончилась, и он
Стал под землёю пищей муравьиной.

Не одного я видел удальца, —
Теперь они давно лежат в могилах,
И даже муравья согнать с лица,
Ходившие на львов, они не в силах.

Красивы, юны были женихи,
Стройны невесты были и невинны.
Краса поблекла их, и пауки
В гробах забытых свили паутины.

Единый в мире властвует закон:
Всё, что на свет рождается, — умирает.
И если ты рассудком наделён,
Тебе об этом помнить не мешает.

К СМЕРТИ

Лишь о тебе помыслю, смерть, в душе тоска.
Всего ты горче, пред тобой — желчь не горька!
Ты горче горького! Лишь ты — к себе близка!
Пусть горче ад: в него влечёт — твоя рука!

Ты мстишь Адамовым сынам, ведёшь их в ад;
Ты — наказание за грехи, за райский сад.
Давида с Моисеем ты берёшь подряд;
Взят Авраам, и Исаак под землю взят;
Тобой низвергнут Константин и Тиридат.
Тебя и тысячи врагов не устрашат.

Шесть панцирей надень, их все — твой дрот пробьёт!
В тюрьму всех бросишь и скалой завалишь вход.
Ты — тот орёл безмернокрыл, чей мощен лёт,
И волочит концами крыл он весь народ.
Блажен, кого в добре найдёт его черёд,
Но схваченных во зле — в огонь твой взмах метнёт!

О, Тлкуранский Ованес! ты учишь всех,
И семь десятков лет ты сам ласкаешь грех!

МКРТИЧ НАГАШ

Мкртич Нагаш родился в 1393 году в Западной Армении. Получил духовное образование в Мецопском монастыре. Сведения о его жизни встречаются в рукописях XV века. Иллюстрировал своим миниатюрами рукописные книги (отсюда и прозвище Нагаш, т. е. художник). Некоторые из миниатюр Мкртича Нагаша дошли до наших дней. Известно, что в начале XV века (в 1418 или 1419 году) Нагаш женился. Вскоре жена умерла. Тяжело переживая смерть жены, поэт навсегда покинул родное село Торр. Нагаш наблюдал жизнь своих сородичей на чужой земле, писал о пандухтах-скитальцах, об их горькой жизни под чужим небом.

Умер Мкртич Нагаш в 70-х годах XV века.

Сочинения: Мкртич Нагаш. Стихи, исследования, критический текст и комментарии Эд. Хондкаряна, Ереван, 1965 (на армянском языке).

СУЕТА МИРА

О братья, в мире все дела — сон и обман!
Где господа, князья, цари, султан и хан?
Строй крепость, город иль дворец, иль бранный стан —
Всё ж будет под землёй приют — навеки дан.

Разумен будь, Нагаш, презри грехов дурман,
Не верь, что сбережешь добро: оно — туман,
Стрелами полный, смерть для всех — несёт колчан,
Всём будет под землёй приют — навеки дан.

Мир — вероломен, он добра — нам не сулит,
Веселье длится день, потом — вновь скорбь и стыд.
Не верь же миру, он всегда — обман таит,
Он обещает, но даёт — лишь желчь обид.

Тех, обещая им покой, — всю жизнь томит;
Тех, обещав богатство им, — нуждой язвит,
И счастье предлагает всем, — ах, лишь на вид!
Уводит в море нас, где бездн — злой зев раскрыт.

Проходят дни: вдруг смертный день — наводит страх.
И света солнца ты лишён — несчастен, наг.
Ах, отроки! ваш будет лик — истлевший прах,
Пройдёте вы, как летний сон, — в ночных мечтах.

Знай, раб! что и твоя любовь — лишь тень во днях,
Не возлюбляй же ты мирских — минутных благ.
Не собирай земных богатств — с огнём в очах:
Одет и сыт? Доволен будь! — иное — прах!

Трудись и доброе твори, — бедняк Нагаш!
Свои заветы чтить другим — пример ты дашь!
Поток греха тебя, пловца, — унёс куда ж?
И, благ ища, стал — не добра, но зла ты — страж!

О ЖАДНОСТИ

От века и до наших дней любому злу в судьбе земной
Тупая жадность — лишь она — была единственной виной.

«У жадного и бога нет, — апостол говорит святой. —
Того он бога признаёт, под чьей находится пятой».

Он — хищный волк. Его закон: людскую кровь пускать рекой.
Он пьёт, но кровью никогда не насыщается людской.

Хоть и богат и властен он, но по природе он такой:
Всех обездолжить норовит, всё захватить своей рукой.

Всё, всё — и войны, и тоска, и зависть, и ночной разбой,
Прodelки шайки воровской — всё из-за жадности людской.

Клятвопреступники, лжецы, кричащие наперебой,
От веры отошли святой — всё из-за жадности людской.

Один болтается в петле, другой сидит в тюрьме сырой.
А те пропали с головой — всё из-за жадности людской.

Цари садятся на коней, цари воюют меж собой,
Гоня покорных на убой, — всё из-за жадности людской.

Чтоб увести народы в плен, проходят вихрем над страной,
Равняют города с землёй, — всё из-за жадности людской.

Один поднялся на отца, братоубийцей стал другой,
У них святое под ногой — всё из-за жадности людской.

В католикосы лезет всяк, кто в беззаконии — герой,
Пролез в епископы иной — всё из-за жадности людской.

С епископом развратник пьёт — и властью наделён мирской
За мзду монетой золотой — всё из-за жадности людской.

Архимандритов новых рой во всём плетётся за толпой,
В прилавок превратив налож, — всё из-за жадности людской.

Монахи, бросив монастырь, по сёлам шляются толпой;
Забудь молитвы! Песни пой! — всё из-за жадности людской.

И иереи — за дубьё! Тот — с окровавленной щекой,
А тот — с припухнувшей губой — всё из-за жадности людской.

Нагаш, ты — пленник суеты, следи всечасно за собой;
Немало всяческих грехов и ты имеешь, как любой.

СТРАННИК

«Я умоляю: слово “странник”
Ты всякий раз не повторяй.
В чужом краю скорбит изгнанник,

Хоть этот край кому-то — рай.
Несчастный странник — словно птица,
Которой к стае не прибиться,
Пока она не возвратится
В свой отчий, в свой любимый край».

— «Не убивайся, бедный странник,
Минуют тяжкие года:
Не навсегда твоё изгнание,
Не навсегда твоя беда.
Молись, господь тебе поможет,
На родину вернёт, быть может,
Чтоб ты забыл по воле божьей
Чужие эти города».

— «Я всех молю о сострадании,
Шепчу: “О боже, пощади!”
Чернее самого изгнания
Лишь сердце у меня в груди.
И от былых воспоминаний
Лишь множатся моя страдания,
И стеснено моё дыхание,
И нет просвета впереди!»

— «Не причитай, не плачь, изгнанник,
Не победишь слезами зло,
На свете ни одно страдание
От причитаний не прошло.
От громогласного стенания
Не исполняются желанья,
И никого ещё рыдание
В родимый край не привело!»

— «Изгнаннику повсюду горе,
С бедой смирился он давно.
Он никогда ни с кем не спорит,
Ему надежды не дано.
В толпе чужих он горе прячет.
Для них он ничего не значит.
Кровавыми слезами плачет,
Всё перед ним черным-черно!»

— «Увы, родимого предела
Для смертных нету под луной,
Мы странники на свете белом,
Не на земле наш дом родной.
Но так живи в своём изгнании,
Чтобы за все твои деянья
Ты новых не обрёл страданий
В отчизне нашей неземной».

АРАКЕЛ БАГИШЕЦИ

Аракел Багишеци жил в XIV — XV вв. Биография неизвестна. Перу поэта принадлежит ряд сочинений в стихах: «История Овасапа», «История о семи мудрецах», «Взятие Константинополя турками» и др. Сам Багишеци датирует время написания «Взятия Константинополя турками» 1453 г.

Сочинения: Аракел Багишеци. Стихотворения, исследование, научно-критический текст и комментарии А. Казиняна, Ереван, 1971 (на армянском языке).

ПЕСНЯ О РОЗЕ И СОЛОВЬЕ

Песнь изумительную вы услышите сейчас,
И телу и душе она готовит радость в нас.
Я буду славить соловья, чей так приятен глас,
И розу, чей цветной убор так сладостен для глаз.

Так молвит розе соловей: «Влечёшь меня лишь ты!
Знай: я тебя люблю; ты — храм любви и красоты!
Должна в тебя сойти любовь святая с высоты;
Твоей любовью расцветут по всей земле цветы».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Как счастлива, в душе моей, я от твоих речей;
Но ты летаешь высоко, я — вечно средь полей:
Я слить могу ль свою любовь с любовью твоей».

Так молвит розе соловей: «Внемли, что я пою:
Чтоб сердце поняло твоё, до дна, любовь мою,
Я, красоту твою ценя, с небес росу пролью,
С моей любовью ты сольёшь тогда любовь свою».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Боюсь, что молния с небес ко мне с росой слетит,
Что яркость лепестков моих то пламя опалит,
И станет на смех всем цветам мой искажённый вид».

Так молвит розе соловей: «Внемли моим словам,
И неисчерпный ключ любви тогда тебе я дам:
Чтоб чистым и зелёным быть всегда твоим листам,
И ток поящих вод пошлю всем на земле цветам».

Так молвит роза соловью, её ответ таков:
«Меня не разуверил смысл твоих отважных слов:
Боюсь, что ключ твой потечёт водой без берегов,
Что он зальёт и унесёт красу моих листов».

Так молвит розе соловей: «Хочу я тучей стать,
От солнечных лучей тебя я буду защищать,
И с нежностью в палящий день навесом оттенять,
И сладостной своей росой, в часы зари, питать».

Так молвит роза соловью и это говорит:
«Мне страшно, я боюсь, что гром из тучи загремит,
Что лепестки мои, гремя, всех красок он лишит,
И станет на смех всем цветам мой искажённый вид».

Так молвит розе соловей: «Я солнцем стать могу,
Свой заревой, свой нежный свет я для тебя зажгу,
Я красок тысячу твоих любовно сберегу,
И честью всех других цветов ты станешь на лугу».

Так молвит роза соловью: «Так хрупок мой наряд!
Рассветные часы меня пугают и палят;
Боюсь я солнечных лучей: они меня пронзят,
И упадут все лепестки на луг, за рядом ряд».

Так молвит розе соловей, и так поёт певец:
«Достойна ты! ты всем цветам — прекраснейший венец;
Что я любовью опьянён, признаюсь наконец!
Тебя зелёной навсегда да сохранит творец!».

Так молвит роза соловью в ответ на песнь певца:
«Твой нежен голос, веселишь ты всех людей сердца,
И песнь на тысячу ладов ты строишь без конца,
Ты — честь и ты — краса всех птиц по милости творца!».

Так молвит розе соловей: «Ты всех лекарство зол,
Кто болен, исцеленье тот в любви к тебе обрёл,
Кто страждет и ещё к тебе за благом не пришёл, —
Томим раскаяньем, что он спасенья не нашёл».

Так молвит роза соловью: «О дивный соловей!
Откуда песнь твоя, что всех певучей и сильнее?
Я в умиленьи от твоих властительных речей.
Наверно, равного тебе нет во вселенной всей».

Так молвит розе соловей: «Есть царь, что надо мной,
Дарует всем цветам дары он щедрою рукой,
И если жаждешь ты узреть его перед собой —
Прославлена в века веков ты будешь всей землёй!».

Так молвит роза соловью: «Я завистью полна!
Служить ему — тебе судьба бесценная дана!
Да, если осыпал тебя он милостью сполна,
Понятно мне, я почему томилась здесь одна!»

Так молвит розе соловей, и вот его ответ:
«Когда всем сердцем примешь ты мой радостный обет,
Тебя, и телом и душой, прославит целый свет,
И, как рабы, все будут чтить твой непорочный цвет».

Так молвит роза соловью: «Спеши мне всё открыть!
Я вся желанием горю — твои слова испить!»

Что есть на сердце, ничего не должен ты таить,
Когда любовью меня ты хочешь покорить!»

Так молвит розе соловей: «Несу благую весть:
Рабою быть царя — твоя достойнейшая честь!
Начнут тебя превозносить все птицы, сколько есть,
И песен про тебя спою я столько, что не счесть!»

Так молвит роза соловью: «Тебя благодарю:
Служить желаю всей душой подобному царю,
Но пред величием его я радостью горю.
Чем я пленю его и что ему я подарю?»

Так молвит розе соловей: «Тебе я бодрость дам.
Узнай, что снизойти к тебе сей царь желает сам.
Ты, в радости безмерной, верь божественным мечтам,
Затем, что будешь ты его — нерукотворный храм!»

.

Тот соловей, краса всех птиц, — архангел Гавриил,
И богоматерь — роза та, святее всех святых,
И царь тот — Иисус Христос, владыка вышних сил.
В бессмертной розе воплотясь, он к людям нисходил.

Всё это, полн земных грехов, писал я, Аракел,
Так соловья и розу я, как только мог, воспел;
А Гавриила в соловье изобразить хотел,
Марию — в розе, и Христа — в царе, как я умел.

И всех молю я ныне, кто мои стихи прочтёт,
И всех, кто на весёлый лад иль нежный их споёт:
Да богу имя он моё в молитве назовёт,
И за молитву ту господь к нему да низойдёт.

КЕРОВБЕ

Биография неизвестна. Есть мнение, что поэт жил во второй половине XV века.

Оригинал в книге: Аршак Чобанян, Армянские страницы, Поэзия и искусство наших предков, Париж, 1912 (на армянском языке).

ГОРЕ НЕСЧАСТНОМУ МНЕ

Я по кладбищу бродил нынешним утром унылым
И увидал средь могил свежую чью-то могилу.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

В этой могиле лежал юноша, мне неизвестный.
«Прочь уходи, — я сказал, — юным в могиле не место».
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

И отвечал мне мертвец — юноша некогда славный:
«Был я, как ты, о глупец, ветреным в жизни недавней.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Пил я, бывало, и ел, думал о вечности мало,
Да невзначай заболел; всё, чем владел я, — пропало.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Даже средь белого дня, слабый, не видел я света;
Хоть вопрошали меня, не было сил для ответа.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Я навсегда опустил руки, что сильными были,
Сладкоречивым я был, замер язык мой в бессильи.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Видя, что я занемог, плакали сёстры и братья.
Им, умирая, не мог внятного слова сказать я.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Близкие люди пришли, чем-то помочь мне хотели,
Но удержать не смогли дух мой в слабеющем теле.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Стали мне саван кроить и торопить погребенье,
Чтоб я не начал смердеть, делали мне омовенья.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Перстень и в ухе серьга были при жизни — их сняли,
Как после битвы врага, братья меня обобрали.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Взяли меня, понесли к этой унылой ограде,
Близкие следом пошли, плача о скорбной утрате.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Короток был, как всегда, грустный обряд погребенья.
Так и попал я сюда, мерзким червям на съеденье.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Брат мой, он лжив, этот свет, брэнно блаженство земное,
Сколько б ни прожил ты лет, ляжешь ты рядом со мною.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Путь освети свой добром, благом, свершённым сегодня,
Чтоб, осквернённый грехом, ты не горел в преисподней.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Кайся до смертного дня — он, хоть не ждёшь, а настанет.
Брат мой, тебя, как меня, пусть сатана не обманет.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Поторопись, вознеси матери божьей моленья.
Господа ты упроси, чтоб даровал он прощенье.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Жалкий глупец Керовбе, праздных речей опасайся,
Смерть предстоит и тебе, кайся при жизни, спасайся.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!

Добрых ты дел не творил, ты суесловил, бывало.
Славу мирскую любил, ту, что в геенну толкала.
Горе несчастному мне, мне, злосчастному, горе!»

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

Григорис Ахтамарци родился в конце XV века. Был католикосом в Ахтамаре. В армянских рукописях, начиная с 1515 года и 1610-х годов, упоминается «Григорис католикос Ахтамарский». Выяснилось, что было три Григориса Ахтамарских и все трое были католикосами и жили в XVI веке. Деятельность поэта Григориса Ахтамарци приходится на первую половину XVI века. Установлены даты написания некоторых стихотворений поэта: 1515, 1516, 1519, 1523, 1524 годы. Ахтамарци — автор историко-житийных поэм, любовных песен, принесших поэту популярность.

Сочинения: Григорис Ахтамарци. Стихи, исследование, критический текст и комментарии Маис Авдалбекян, Ереван, 1963 (на армянском языке).

ПЕСНЬ ОБ ОДНОМ ЕПИСКОПЕ

Лишь утром розы заблестят —
Влетает соловей в мой сад,
И розу воспевать он рад.
И слышу: встань, покинь свой сад!

Опустошил я горный скат, —
Камнями защитил свой сад,
Собрал колючки для оград —
И слышу: встань, покинь свой сад!

Устроил я в саду каскад,
Росу небес он брызжет в сад;
Льёт не вода — фонтан услад.
И слышу: встань, покинь свой сад!

В моём саду цветёт гранат,
Лоз виноградных полон сад,
Льнёт к зреющим плодам мой взгляд.
И слышу: встань, покинь свой сад!

И белых роз и алых ряд
Расцвёл, украсив горный сад;
Хочу впивать их аромат...
И слышу: встань, покинь свой сад!

В точиле мнётся виноград,
Вином меня утешит сад,
Хочу я пить в тиши прохлад.
И слышу: встань, покинь свой сад!

Сорву я десять роз подряд:
Они вино твоё, мой сад,
Пусть ароматом напоят.
И слышу: встань, покинь свой сад!

Увы! в цветы вселился яд,
Не дышит розами мой сад,

Распались камни колоннад...
Да! мне пора покинуть сад.

Не внемлет роза соловью,
Я больше сладко не пою,
Кто душу отозвал мою?
Ах, бедный раб, оплачь свой сад!

ПЕСНЯ

Весна пришла! весна пришла! сады — в убранстве роз.
И горlinkа и соловей поют, поют до слёз,
Горя любовь к цветку, что краше всех возрос,
Чей в зелени румяный лик влечёт бессчётность грёз!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

О, солнце! о, луна! звезда, встающая с зарёй!
Венера, льющая огонь лучистый и живой!
О, ослепительный алмаз! о, жемчуг дорогой!
Пурпуровый цветок в саду! фиалка в мгле лесной!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

Ты — светлый вяз! лилея ты, чей стебель благоухан!
На пыльной людной площади зелёный ты фонтан!
Что град Катай! что весь Китай! что славный Хоросан!
Они — ничто перед тобой, и я любовью пьян!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

Дух бальзамический струят персты, белей, чем снег.
Ты — сладкий сахар! ты — миндаль! ты — ладана ковчег!
Ты — свежий, сладостный цветник, сад, полный вешних нег!
Ты — стройный тополь, а к нему зелёный льнёт побег!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

Ты — багрянеющий топаз! сверкающий рубин!
Ты — беспорочный изумруд! цветной аквамарин!
Ты — перл, обточенный волной на дне морских глубин,
Отважным добытый пловцом из сумрачных пучин!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

Ты — нунуфар! ты — базилик, цветущий долгий срок!
Ты — мирта! нежный бальзамин! ты — лилии цветок!
Ты — гамаспюр, в садах весны пустивший свой росток!
Ты — лавр, из коего плетут в земном раю венок!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

Ты — деревцо, где без плодов зелёной ветки нет!
Ты — пальма в почках без конца, ты — пальмы первоцвет!
Ты — лес, что острым запахом цветов и трав согрет!
Ты — роза и фиалка, ты — над морем алый свет!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

Ты из миндальных деревцов роскошный, пышный сад!
Ты — запах амбры! мускус — ты! ты — дивный аромат!
Ты — апельсиновых цветов душистее стократ!
Ты — кипарис, и ты — платан! ты — кедр, шатёр усад!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

О, гамаспюр ты, что, цветя, не вянешь никогда!
О, эликсир ты, что целишь все скорби без следа!
Прекрасная! будь, как миндаль, зелёной навсегда,
Чтоб видели красу твою мы долгие года!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

Да льются милости творца вокруг тебя дождём!
Да осеняет он тебя всегда святым крестом!
Да направляет он тебя везде прямым путём!
Да будешь ты охранена от всяких зол отцом!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

О, чудный образ! ты вовек — прекрасна и чиста!
Как ангелы, сияньем ты небесным облита!
Твой рот — божественный алтарь и фимиам — уста.
А зубы — нити жемчугов, и вся ты — Красота!

Я опьянён! я опьянён! любовью опьянён!
Я опьянён! я опьянён! при солнце взят в полон!
Я опьянён! я опьянён! все дни мои — что сон!

ПЕСНЬ О РОЗЕ И СОЛОВЬЕ

Когда исчезла роза, в сад явился соловей,
Узрев её шатёр пустым, затосковал по ней,
Всех спрашивал, не находя возлюбленной своей,
В ночи взывал, за часом час плачевней и грустней.

«О сад, с тобой я говорю! Дай мне, о сад, ответ!
Ты розы не берёг моей, любимой розы нет,
Главы, царицы всех цветов, увы, пропал и след,
Чей был бессмертен аромат, чей был прекрасен цвет!

Так рухнет пусть твоя стена и распадёшься ты;
Засохнут пусть твоих деревьев и ветки и листья,
Пусть топчет всякая нога просторы пустоты,
Исчезнут злаки, и трава, и корни, и кусты.

“Обильноводный, не теки, — я говорю ручью, —
Отряхните, деревья, листву зелёную свою!”,
Я, без смущенья, говорю, отчётливо пою:
Достойнейшую унесли любимицу мою.

Ах, розу унесли мою, и ныне я уныл,
Отняли свет очей моих, и мрак меня стеснил,
Я плачу и при свете дня и при лучах светил,
Моей привычкой стала грусть, в душе нет прежних сил.

То надо мною учинил садовник, может быть:
Он розу от меня унёс, чтоб боль мне причинить.
Её мне больше не видать! рабу, мне как же быть?
На грусть весёлый свой напев я должен изменить.

Боюсь, быть может, ветер встал, суровый, страшный, злой,
И листья розы оттого увяли под грозой.
Иль дуновением её палящий солнца зной
Обжёг и розу омертвил с непрочной красотой.

Иль, мне завидуя, цветы свершили это всё,
Похитив, тайно унесли всё счастье моё.
Иль сильный град на розу пал, из туч, как лезвиё,
Сразив жестоко, от куста отрезал он её».

Одно в ответ цветы гласят на много голосов:
«Где роза спрятана, об том — нет вести у цветов.
Утеха мы тебе, певец — на тысячу ладов,
И каждый всё тебе из нас пересказать готов».

На крыльях в воздух соловей взлетел на этот раз,
Подумал: «Расспрошу у птиц я обо всём сейчас.
Что знают, пусть об том скорей мне сообщат рассказ,
А то, как море, хлынет ток слёз у меня из глаз».

«Вы знаете ль, свершилось что? О птицы, к вам вопрос.
Из сада розу унесли, чистейшую из роз!
Не знаете ль, куда ушла иль кто её унёс?
Вы, может, видели её иль весть вам кто принёс?»

А те в ответ: «Создатель бог то ведаёт лишь сам,
Лишь он один читает всё, что скрыто по сердцам.
Иди, лети, ищи её ты по другим местам,
Но розы не видали мы, господь свидетель нам».

И огорчился соловей, сказал: «Куда пойду!
Ведь до рассвета я всю ночь терзаюсь, как в бреду.
Мне страшно, что без розы вдруг я смерть свою найду,
Тоскуя, с розой разлучён, в могилу я сойду.

Хотя б, без розы, дали мне весь мировой простор,
Всё будет жалким для меня, презренный, лишний вздор!
Пусть песнопевцы мне поют и с музыкою хор,
Мне будет сладкий их напев — как тягостный укор.

Куда же унесли тебя иль скрыли где тебя?
Твою высокую любовь как позабуду я?
Страдает сердце у меня, как и душа моя,
И увядают все цветы сегодня, грусть тая.

Я весь дрожу, вся жизнь моя — как будто сны одни,
И самый солнца свет, как мрак, мне кажется в тени.
В мучениях и в горести провёл я эти дни,
И жизни той, что прожил я, в счёт не войдут они.

Моя разлука тяжела, терпимая едва.
Не обо мне ли издавна сказал пророк слова:
“Не хуже ль я, чем пеликан, в стране, где жизнь мертва,
И на развалинах не я ль уселся, как сова!”».

Пришёл садовник и его утешил средь забот,
Сказал: «Не плачь, о соловей, ведь роза вновь придёт
Смотри — фиалка уж пришла, предтеча розы — вот,
Я с доброй вестью прихожу, несу поклон вперёд».

И соловей благодарил и был безмерно рад:
«Дай бог, чтоб ты блаженно жил и дней бессчётных ряд,
Пускай твои цветы цветут, распустится твой сад,
Пусть обновятся в нём фонтан и камни из оград!

Все веточки и все ростки пусть зеленеют в нём,
Росой покроются с небес, заплещут как огнём,
Размерно зыблются пускай под нежным ветерком,
На радость людям аромат пусть разливают днём!»

Взяв, розе ко двору снесли посланье от певца,
Там розу-астру перед ней избрали, как чтеца.

Встав на ноги, она, держа посланье у лица,
Прочла от соловья письмо всем громко до конца:

«Душой любимая! тебе я низкий шлю поклон!
Блаженная! здорова ль ты, лишь этим я смущён.
На господу надеюсь я, кто всем обогащён,
Что беспорочной и живой тебя содеял он.

Простерши руки, целый день я возношу мольбы,
Молюсь, чтоб длились для тебя дни радостной судьбы.
Ты — всем земным цветам глава, они — твои рабы,
Над ними всеми ты царишь и правишь без борьбы.

По цвету несравненна ты, и запах твой хорош,
Ты ярче солнечных лучей сиянье утром льёшь.
Когда увижу я тебя, как будет час пригож:
Ведь по природе ты кротка и ненавидишь ложь.

Покорнейший пишу поклон тебе издалека,
Прошу тебя: вернись ко мне и пожалей слегка.
Коль хочешь ведать, как живёт покорный твой слуга,
Знай: у него и толк, и ум — всё отняла тоска.

Покой и мир утратил я, гнезда не создавал;
Ни капли сил нет у меня, всю кровь я потерял;
Тебя не видя, я дрожу, почти совсем пропал,
До утра в бденьи нахожусь, все ночи я не спал.

Тоскуя, надрываюсь я: наступит ли весна!
В печали, в думах по тебе душа изнурена.
Морозная, суровая — зима проведена;
Всё горе по тебе, всю скорбь изведаль я сполна.

С упрёком говорили мне: “Зачем страдать любя!
Ты — раб! Царица всех цветов полюбит ли тебя!”».

И отвечала роза так, когда закончил чтец:
«Отправлю множество цветов к нему я, наконец,
Да скрасят горы, и поля, и за дворцом дворец,
Чтоб с радостью среди цветов мог обитать певец.

Мне ехать не пришла пора, немного подожду.
Пусть подождёт и соловей немногих дней чреду,
Что высока его любовь — не подлежит суду.
Ему скажите, чтоб меня он искал в саду».

Услышав это, соловей стал очень ликовать.
Сказал: «Благую нынче весть мне довелось узнать:
Прелестнейшая роза — в сад вернётся к нам опять.
С единой розой твари все возможно ли равнять!»

Поднялось солнце в небеса и до Овна дошло.
Вдруг туча на небе росой взгремела тяжело,

И тысяч тысяча цветов внезапно возросло,
Но розы, хоть искал певец, там не было назло.

Зелёной розы лист потом он заприметил вдруг,
Она была ещё светлей и ярче всех подруг, —
За завесой, на трон воссев, обозревала луг,
И били, как рабы, челом ей все цветы вокруг.

«О боже! — молвил соловей, — тебя благодарю!
Все славят господа уста, и я хвалой горю.
Всё славословье вознесём небесному царю!
Я розу меж кустов узрел в счастливую зарю».

Опомнись, Ахтамарец, ты! в стихах не суесловь!
Припомни, что колючий шип — здесь, на земле, любовь:
На слёзы обречёт и скорбь, согрев недолго кровь.
Что проку в радости, когда — потом рыдать нам вновь!

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Цветут цветы в моём саду,
На счастье мне иль на беду?
В моём саду благоуханном,
Желанная, тебя я жду.

В твоей груди таится мёд,
Речь сладостная с губ течёт.
Мне видится твоё сиянье,
Мне душу ожиданье жжёт.

Один я, нету мне пути,
Мне в мире счастья не найти.
Своей непостижимой тайной
Мой ум смятенный просвети.

Я жду, как ждал в былые дни;
В моём саду, в его тени
Мы спрячемся, как в тайной келье,
Как будто в мире мы одни.

Твоим словам внимать хочу,
И стан твой обнимать хочу.
Украдкой поцелуй твой сладкий
С горящих губ сорвать хочу.

Пусть мне ослепнуть суждено,
Твой лик увижу всё равно.
В моей душе твоё сиянье
Навечно запечатлено.

И ты меня своим огнём
Воспламени — и мы вдвоём

Ввысь вознесёмся на мгновенье
И рай небесный обретём.

Пока не стар, пока я жив,
Прошу — услышь ты мой призыв.
Взываю я, к тебе, далёкой,
Свой взор молящий устремив.

Любовью ли наказан я,
На царство ли помазан я —
Не знаю, но своей любовью
К твоей любви привязан я.

Ты ладан иль цветок живой,
Сабур ты, мак ли луговой —
Весь этот мир тобой наполнен
И все опьянены тобой.

Алмаз ты или же топаз?
Ты блеском ослепила нас,
И все сердца тревожно бьются,
И слёзы каплют из глаз.

Владычица моей души,
Ты эти слёзы осуши,
Ты — благодатный ветер южный,
Цветок, раскрывшийся в тиши.

Моя целебная вода,
Жемчужно-светлая звезда,
Ты в сердце мне тайком проникла
И там осталась навсегда.

ТЫ — РАЙ ДЛЯ МЕНЯ

Ты — рай, что расцвёл в начале времён.
Где солнца восход, раскинулся он.
Цветов и плодов сияние тут,
Сюда серафимы вход стерегут.

Ты — солнечный глаз, дарящий лучи,
Ты — шаг полнолуния, тихий в ночи.
Мерцанье звезды, блеск росы с утра,
Тёплого юга благие ветра.

Ты — жемчуг среди сапфиров, на дне
Морей затаившийся в глубине
И вынесенный пловцом из волны;
Ты яхонт, ты изумруд без цены.

Величье небес, красота миров
И благоразумие — твой покров.

Ты — мирт, кипарис, янтарь и сандал,
Я б розой тебя раскрытой назвал.

Ты — цвет лимонный. В полуночный час
Я встал и бродил. Ты светоч для глаз,
Мой нард и шафран. Мы вместе пойдём,
Вино я припас, и открыт мой дом.

Ты — золото и серебро. Смотря
На косы из чёрного янтаря,
Смотря на тебя, кто вздыхать с тоской
Не станет, утратив души покой?

Калиса лист, апельсина цветок.
Ты — пальма, шафрана свежий росток!
Павлиньего переливы крыла,
Ты столько мне радости принесла!

Ты — лилий благоуханье и роз,
Ты — дол, что цветами щедро зарос,
Фиалка, мускус, нарцисс, нунуфар,
Ты — ладан, ты средоточие чар.

Разбит над тобой зелёный шатёр,
Стою и руки к тебе я простёр.
Уходишь — и вздохи теснят опять.
О, поговори и рядом присядь!

Волнуюсь всегда — и ночью и днём,
Где б ни был — вне дома я или в нём,
Желаний трепет в груди не уйму,
Тоскую по образу твоему.

Ахтамарци, о нет, не пустословь.
Что жизнь? Только прах. Вспомни это вновь:
Ты раб добровольный, ты славишь грех,
И будешь унижен ты больше всех.

ПЕСНЯ

(Борьба духа и плоти)

Вечно телом душа стеснена;
В непрестанных стенаньях, она
Богу молится, слёз не тая:
«Рассуди, справедливый судья».

Бог меня сотворил, и закон
Заповедал мне, грешному, он:
Пусть не делят раздор и вражда
Душу с телом моим никогда.

Но я сам для себя стал судьёй,
Потому суд несправедлив мой.
Дерзость люди взрастили в сердцах,
Потеряли к создателю страх.

Говорю я теперь: горе мне.
Нет душе исцеленья. В огне
Одинокaя будет страдать,
Призывая Христа благодать.

Я измучен обильем грехов,
Я дрожу. Мне не сбросить оков.
И враждует с душой моей плоть,
И друг друга хотят побороть.

Я покоя найти не могу.
Как бродяга, всё в том же кругу
Я блуждаю. Хотя на два бы дня
Кров и отдых нашлись для меня!

О Григорис, когда, не боясь,
Ты отмыл бы греховную грязь!
Излечись, разве время для сна?
Мир наш — тление, жизнь непрочна;

Смерти день приближается. Где
Врач твой, где исцеленье в беде?
Завтра явится Вестник в пути
И прикажет отсюда уйти.

НЕРСЕС МОКАЦИ

Родился в селе Аскнджав. В одной памятной записи сказано, что в 1609 г. в Иерусалиме собрались восемь вардапетов и среди них — Барсех Ахпакеци со своими учениками Ованесом Багишеци и Нерсесом Мокаци. Некоторые сведения о жизни поэта приводит историк XVIII в. Аракел Даврижеци. В последние годы поэт жил на острове Лим озера Ван. Здесь он скончался в 1625 г. (по другим сведениям — в 1627 г.).

Сочинения: Нерсес Мокаци. Стихотворения, научно-критический текст, предисловие и комментарии А. Г. Долуханян, Ереван, 1975 (на армянском языке).

СПОР НЕБА И ЗЕМЛИ

Что краше и что могучей —
Земля или небосвод?
Небесное солнце и тучи
Иль блага земных щедрот?

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но в сумрак и ночью поздней
На Небе мерцают звёзды,
Сияют с моих высот».

Земля отвечала:
«Я тоже
Отмечена милостью божьей,
Владычица я не из бедных:
Шесть тысяч цветов разноцветных
В моих цветниках растёт!».

Небо Земле сказала:
«Богатств на Земле немало,
Но дождь не польётся с неба —
Не будет земного хлеба,
Земной не нальётся плод».

Земля отвечала:
«Я тоже
Отмечена милостью божьей:
Все тучи рождает море —
Оно на земном просторе,
Земною влагой живёт».

Небо Земле сказала:
«Богатств у тебя немало,
Но стоит мне рассердиться —
И солнце моё накалится,
И всё на земле сожжёт».

Земля отвечала:

«Я тоже

Отмечена милостью божьей:
И в зной хлебопашцам на благо
Моих водоёмов влага
Посевы в полях спасёт».

Небо Земле сказала:

«Богатств у тебя немало,
Но стоит мне рассердиться —
Небесный град разразится
И все посевы побьёт».

Земля отвечала:

«Я тоже

Отмечена милостью божьей.
Твой град не достигнет цели:
Мои поглотят ущелья
Всё, что с небес упадёт!».

Небо Земле сказала:

«Богатств у тебя немало,
Но человек иль птица
По промыслу неба родится,
А их Земля приберёт!».

Земля отвечала:

«Всё может

Вершиться по воле божьей.
И как бы я ни хотела,
Ничьё не возьму я тело,
Коль Небо души не возьмёт».

Небо Земле сказала:

«Богатств у тебя немало,
Но, свет неся несравненный,
Сонм ангелов благословенный
По Небу свершает полёт».

Земля отвечала:

«Я тоже

Отмечена милостью божьей:
Апостолы и святые,
Они ведь — люди земные,
Их горе земное гнетёт».

И Небо Земле сказала:

«Богатств у тебя немало,
Но всё же на Небе тот,
Чья власть над тобой и мною,
Кто высшее всё и земное
По воле своей создаёт».

Земля отвечала:

«И всё же
Я знаком отмечена божьим:
Суд страшный грешников ждёт,
Внизу он вершиться будет,
На Землю спустятся судьи,
Небо на Землю падёт».

И Небо в гордыне смирилось,
И Небо Земле поклонилось...
И вы, неразумные дети,
Скорее на этом свете
Воздайте Земле почёт!

МАРТИРОС КРЫМЕЦИ

Год рождения неизвестен. Сохранились сведения о его общественной и церковной деятельности. Современники отзываются о нём как о прогрессивном деятеле. Известно, что однажды, когда Крымеци воспрепятствовал незаконному браку и ему стали угрожать, то он сказал: «Заботы и дела наши в том прежде всего, чтобы зло называть злом, а добро добром». В рукописи 1651 г., переписчиком которой был Крымеци, сохранилась собственноручная памятная запись поэта. Крымеци собирал древние рукописи и говорил, что лучше тратить деньги на рукописи, чем копить их. Основное место в творчестве Крымеци занимают сатирические произведения, писал он также лирические стихи и стихи на исторические темы.

Умер Мартирос Крымеци в 1683 году.

Сочинения: А. А. Мартиросян, Мартирос Крымеци, исследования и тексты, Ереван, 1958 (на армянском языке).

ПЕСНЬ, ВОСХВАЛЯЮЩАЯ ГОРОД АМАСИЮ

Здесь, где горы снеговые,
Где к утёсу льнёт утёс,
Крепости свои вознёс
Град, чьё имя Амасия.

Здесь, где крут скалистый скат,
Где растут леса густые,
Царь понтийский Михридат
Высек стены Амасии.

В пору давних тех времён,
В годы древние, глухие,
Внуки Айка горный склон
Обживали здесь впервые.

Здесь река Ирис течёт
Сквозь леса береговые
И волну свою несёт
В волны Понта голубые.

От её живой воды
Зреют яблоки большие,
Сладким соком налитые.
Как в раю, цветут сады.

Распускаются цветы
Белые и огневые,
Розы дивной красоты,
Лавры, хмелем обвитые.

Под плодами деревá
Летом нагибают выи,
Зреют персики, айва,
Абрикосы золотые.

Алой розе соловей
Шлёт хвалы свои ночные
И томится лишь о ней,
Позабыв цветы иные.

Виноград здесь дарит нам
Гроздий ягоды тугие;
Их, как говорят, Адам
Ел по наущенью змия.

Гроздья спелые сорви,
Выжми ягоды хмельные,
Лей в бокал вино любви,
Восхваляй дары святые!

ВИНО

Вино веселить тебя будет,
В тебе веселье пробудит.
Коль выпьешь, чем-то заев,
Забудешь ты горе и гнев
И будешь бесстрашен, как лев.

Прими совет ненапрасный:
Вино в стеклянный бокал
Налей, чтоб тот запылал.
Он станет розою красной,
Наполнясь живым огнём,
И ты отразишься в нём.

Но пусть, ради господа бога,
Не льётся вино через край.
Ты пей, но хотя бы немного
Водю вино разбавляй.

ИЕРЕЙ СИМЕОН

На понтийском бреге славном
Вырос град во время оно.
Там я повстречал недавно
Иерея Симеона.

С виду он смиренен очень,
Но обман смирение это.
Мудрецом считаться хочет
Симеон — дурак отпетый.

Он с его бездушьем чёрствым
Чуждый всем, кто горем ранен,
И его причислить к мёртвым
Вправе каждый прихожанин.

Рано храм свой покидает
Этот пастырь неусердный,
И, уйдя, пренебрегает
Он обеднею вечерней.

Редко он творит молитвы,
Богомольцев он поносит.
Голоден пришелец, сыт ли,
Ел ли, пил — вовек не спросит.

Самому ж ему охота
Есть всегда, и в час застолья
У него одна забота:
В глотку сунуть кус поболе.

Он сидит обычно с краю,
Не вступает в разговоры,
Мысля: чаша круговая
До меня дойдёт ли скоро?

Не ходи к нему, проситель,
Ничего тебе не даст он.
Но при этом он любитель
На пирах быть гостем частым.

Коль пирушка где случится,
Весел иерей бывает.
Подавиться не боится,
Ест — жевать не успевает.

Он, наевшись честь по чести,
Счастлив, хоть вздыхает тяжко,
И вином с водою вместе
Заливает жир барашка.

Потчуй пастыря на славу,
Прежде чем просить что-либо,
Наготовь ему пилаву,
Суп свари из красной рыбы.

Гость чтоб сытый был и пьяный,
Съел бы всё, что съесть по силам,
Не жалея приправы пряной,
Чтоб еду переварил он.

НАГАШ ОВНАТАН

Нагаш Овнатан родился в селе Шорот Агулисской области в 1661 году. В начале XVIII века был приглашён в Тифлис к Вахтангу VI как придворный художник и поэт (Нагаш означает —художник). Судя по количеству рукописных сборников, в которых сохранились стихи Овнатана, он был очень популярен. Таких сборников только в Матенадаране (хранилище древних рукописей в Ереване) больше пятидесяти. Его любовные и сатирические стихотворения близки по языку, по мотивам народной лирике.

Умер Нагаш Овнатан в 1722 году.

Сочинения: Нагаш Овнатан. Стихотворения, подготовка текста и вступительная статья А. Мнацаканяна и Ш. Назарян, Ереван, 1952 (на армянском языке).

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Зажёгся нынче новый свет,
От милой слышал я привет,
Расцвёл в душе весенний цвет, —
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Когда любовь так разлилась,
Как жить, от милого таясь?
Тебе внемлю я, веселясь, —
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Когда в мой дом вошла ты вдруг,
Твоих речей вкусил я звук,
И выпало перо из рук.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Не лги мне, золото надев!
Твоих молодых грудей, созрев,
Малы шамамы, как у дев.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Откроем дверцу, вступим в сад...
Рукой сжать грудь твою я рад,
Бери цветок, а я — гранат.
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Здесь на ковре, средь луговин,
Расставим мы кувшины вин...
Целуй, и да цветёт твой сын!
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Играй и мне цветы бросай,
С груди руки не отгоняй,
Дай сжать, души не отнимай, —
Ведь я —изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

Тобою мне цветочек дан,
Вина ты выпила, я — пьян,
Сожжён любовью Овнатан, —
Ведь я — изгнан! не наноси мне новых ран,
о мой султан!

* * *

Я нарядною тебя видел на заре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!
Вся ты в золоте была, в перлах, в янтаре,
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Лоб твой бел, твоё лицо — розы лепесток,
Левой ручкой протяни, подари цветок,
Сахар я тебе припас и медовый сок.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Зеркала — твои глаза, золото — мечи,
Сумрак шёлковых ресниц — стрелы и лучи,
Горн — душа моя, огни страсти — горячи.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Полумесяц — бровь твоя, косы — чёрный мак,
От любви я не рыдать не могу никак.
Да погибнет, пропадёт наш разлучник — враг!
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сладкозвучный твой язык — соловей ночной,
Гиацинт в руке твоей и вино в другой!
С родинкой твоё лицо — роза под росой.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Сядем здесь под деревцом, будем рвать миндаль.
Грудь у тебя — шамам, не вкусить их жаль.
На тебя гляжу — душа улетает вдаль.
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

Кипарис — твой стан, в кудрях золото при дне,
Дай на стройный стан упасть золотой волне,
Долго ль осуждён Нагаш изнывать в огне?
Ты мой разум отняла, нет покоя мне!

* * *

Ты мне сказала: «Настала весна».

Милая, сжался!

«В час, когда розу осветит луна,
Выйду я в сад, грудь открыв и одна».

Милая, сжался!

Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Розу тебе с письмецом я пошлю.

Милая, сжался!

В нём расскажу, как тебя я люблю.
Выйди с мазой и с араком, молю!

Милая, сжался!

Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем тысяча роз.

Милая, сжался!

Лик твой прекрасен в уборе волос.
Ветер весны благовонья принёс.

Милая, сжался!

Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

Лик твой прекрасней, чем розы весной.

Милая, сжался!

Как соловей я пою под луной:
Милая, сжался хоть раз надо мной,

Милая, сжался!

Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

В косы вплети украшения роз.

Милая, сжался!

Выйди исполнить желания грёз,
Вылечить муки, что я перенёс!

Милая, сжался!

Вечером выйди в сияющий сад!
Розы струят аромат.

ПЕСНЬ О ГРУЗИНСКИХ КРАСАВИЦАХ

Тифлис, хвала тебе, хвала!
Твоим красотам нет числа!
Любая дочь твоя мила, —
Кому грузинки не понравятся?

Природных бань твоих тепло
Их, белогрудых, привлекло.
Как плещутся — в глазах светло! —
Врастана дивные красавицы.

Их лица как цветы в саду.
На них взглянуть — с ума сойду.
Хотя сулят они беду —
Кому грузинки не понравятся?

Их брови загнуты дугой,
В глазах чудесный луч такой!
И носят пояс дорогой
Врастана дивные красавицы.

Их косы чудно сплетены.
Их лица сладостней луны.
Неописуемо нежны, —
Кому грузинки не понравятся?

Сходясь, поют и пляшут вмиг.
А как вкусны слова у них!
Пьют из пиалов золотых
Врастана дивные красавицы.

Пройдут как павы — смотришь вслед,
И оторваться силы нет!
От них исходит звёздный свет, —
Кому грузинки не понравятся?

Одеты в бархат и шелка,
Они взирают свысока.
Свежей, чем зелень цветника,
Врастана дивные красавицы.

Могучих дочери, они
Достойны славы искони.
Пред ними голову склони!
Кому грузинки не понравятся?

Я — океан греха, Нагаш,
Пленённый вами! О, когда ж
Смогу воспеть я облик ваш,
Врастана дивные красавицы.

* * *

Приди ко мне в цветущий сад вечернею порой.
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.
Шамамы зрелые свои украдкой мне открой,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Как звёзды, родинки твои, язык твой — соловей.
Я умираю от тоски, печаль мою развей.
Ужель не стоит жизнь моя стыдливости твоей?
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Как жемчуг, зубы у тебя, глаза твои горят,
И косы чёрные твои едва ли не до пят.
В соблазнах я тону твоих грехов и выплыву навряд,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Твой взгляд — палач, всем, кто немил, он головы сечёт.
Блажен, кто на твоей груди покой свой обретёт,
Кому не пожалеешь ты божественных щедрот.
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Во имя господи-творца не будь со мною зла.
Ты двери дома своего открой мне, будь мила,
И сердце оживи моё, сожжённое дотла,
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

Я осаждён, я обречён, мне нет пути назад,
Перед тобой твой раб Нагаш ни в чём не виноват.
За что ж караешь ты меня, мир превращаешь в ад?
Аман, аман, я страстью пьян, безумен от любви.

ТЫ ОТКУДА ПРИЛЕТЕЛА, ПТИЦА?

Ты откуда прилетела, птица?
Как шараб, твой голос с уст струится.
Я — невольник твой, дай мне напиться
И сама со мной шараб испей!

Мне с моим мечтаньем не расстаться,
О другой помыслить — святотатство.
Для чего мне все мои богатства,
Коль не станешь милою моей?

Лик твой светлый, глаз твоих горенье
Смертных повергают в изумление.
Что ж бросаешь ты в меня каменья?
Снизойди ко мне и пожалей!

Одеянье чёрно или бело —
Всё красиво, что б ты ни надела.
Я страдаю, а тебе нет дела.
Смилуйся и кровь мою не лей.

Грудь твоя — два зрелых апельсина.
Стал я жалок, в этом ты повинна.
Ты одна — беды моей причина.
Знак подай, беду мою развеи!

Я — Нагаш, влюблённый безнадёжно, —
Знать хочу, что истинно, что ложно.
Кроме страсти, в мире всё ничтожно,
Горе мне, спаси меня скорей!

* * *

Тебе достойную воздам ли дань я?
О горе, горе, слишком ты сладка,
Мой озарило путь твоё сиянье,
Твой взгляд пронзил меня издалека.

Любимая, твой взгляд огнём лучится,
Грудь — океан, и мне порою снится,
Что я руками лёгкими, как птицы,
По волнам сладостным скользнул слегка.

Прошу я: сжался над душой моею.
Ни с розой, ни с жасмином, ни с лилеей
Тебя, твой раб, сравнить я не посмею.
О горе, горе: ты нежней цветка.

У соловья язык ты одолжила,
И что б ты ни сказала, всё мне мило.
И кажется, что речь твоя продлила
Моё существование на века.

Молю, истерзанный тоской великой:
Приди ко мне с раскрывшейся гвоздикой.
Поверь, что без тебя, без ясноликой, —
О, горе, горе, — жизнь моя тяжка.

Блестит твой пояс с пряжкой золотою.
Готов идти я следом за тобою.
Мне ведать не дано, чего я стою,
Но стоишь царства ты наверняка.

ТЫ И ЛАНЬ МОЯ, И ГАЗЕЛЬ

Сад расцвёл, наступила весна.
Ты со мной, как зима, холодна.
В чём моя пред тобою вина?
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Дремлет сад, далеко до зари.
Ты свой рай предо мной отвори

И промолви: «Что хочешь, бери!».
Ты и лань моя, и газель,
Я таких не встречал досель.

Мы, как все, превратимся во прах.
Но покуда желанье и страх
И в твоих полыхает глазах,
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель,

Я, как рыба на сковороде,
Ты ведь тоже горишь, ты в беде.
Что же врозь мы всегда и везде?
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

У меня нет любимой иной,
Погляди, что случилось со мной.
Ты виновна, что стал я больной.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель!

Чтоб заставить сильнее страдать,
Ты решилась мне грудь показать.
Приоткрыла, закрыла опять.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

Ты атласом стянула свой стан,
И погиб я, твой раб Овнатан.
Я вином твоим сладостным пьян.
Ты и лань моя, и газель.
Я таких не встречал досель.

* * *

Лик твой — как луна, глаза горят.
От кого ты родилась такую?
Золотые волосы до пят
Дай я поцелуями покрою.

Брови — две светящихся дуги.
Милая, меня побереги.
Понапрасну сердце мне не жги
Взглядом, затенённым кисеёю.

Двум подобны яблокам тугим,
Круглы груди под платком твоим.
Чтоб не увядать до срока им,
Мне дозволь коснуться их рукою.

Платье, пояс — всё тебе идет.
Что тебя в коварной жизни ждёт?
Я боюсь — тебя обнимет тот,
Кто тебе не предан всей душою.

Красны губы, красны, как вино,
Но не мне испить его дано.
Я, Нагаш, тебя люблю давно,
Я хочу навеки быть с тобою.

ПЕСНЯ ВЕСНЫ И РАДОСТИ

Пришла весна. Блестит солнца круг.
Растаял лёд, теплом повеял юг.
Цветут сады, и зеленеет луг.
Мы пьём вино, мы славим миг усад.
Поможет бог, и всё пойдёт на лад.

В тени ветвей цветущих отдохнём;
Вино горит сверкающим огнём,
И лепестки, слетев, белеют в нём.
Мы пьём вино, мы славим миг усад.
Поможет бог, и всё пойдёт на лад.

Как знать, что нам пошлёт навстречу рок;
Людская жизнь — что полевой цветок:
Сейчас в цвету, а завтра он поблёк.
Мы пьём вино, мы славим миг усад.
Поможет бог, и всё пойдёт на лад.

Весна, и свет, и пасхи благодать...
Фиалкам цвести, и розам цвести опять,
Песнь соловья нам сладко услыхать.
Мы пьём вино, мы славим миг усад.
Поможет бог, и всё пойдёт на лад.

Подвинь сюда наполненный сосуд,
Барашка пусть на блюде принесут;
В котле пилав, миндаль, гвоздики тут...
Мы пьём вино, мы славим миг усад.
Поможет бог, и всё пойдёт на лад.

Журчит ручей, и зелень тешит взгляд.
Мы пьём вино, мы сели дружно в ряд,
И розы пусть подарит брату брат.
Мы пьём вино, мы славим миг усад.
Поможет бог, и всё пойдёт на лад.

Достойно пить — без выкриков и ссор.
Кто шумно пьёт, тому, друзья, позор!
Мы мирно пьём, и только весел взор.
Мы пьём вино, мы славим миг усад.

Поможет бог, и всё пойдёт на лад.

Плачь, Овнатан, ты во грехах погряз.
Непрочно всё, что в мире тешит глаз.
Так будем пить, — веселья краток час!
Творцу хвала, пусть он не взыщет с нас.

БАГДАСАР ДПИР

Багдасар Дпир родился в 1683 году. Жил в Константинополе. Подробности биографии неизвестны. Деятельность Дпира многогранна: он выступал как поэт, композитор, издатель и филолог. В 1726 году им была издана «Книга скорби» Григора Нарекаци.

Умер Багдасар Дпир, как полагают, в 1768 году.

Сочинения: Багдасар Дпир, Песни любви и тоски, подготовили к изданию Ш. Назарян и А. Мнацаканян, Ереван, 1958 (на армянском языке).

ПЕСНЯ ВЕСНЫ

Приободрённый весенним цветеньем
И ликованием вернувшихся стай,
Преобразился почти во мгновение
Сумрачный мир, превратившийся в рай.

О соловей, что желал ты, свершилось.
Роза твоя в цветнике распустилась.
Славь же великую божью милость
И в безнадежной тоске не рыдай.

Роза, омывшись росинкой падучей —
Лёгкою каплей, оброненной с тучи,
Стала ещё ароматней и лучше
И нанесла тебе боль невзначай!

Всюду весна подняла своё знамя,
Всюду зажгла изумрудное пламя.
Горные склоны покрыла цветами,
Вешней травой украсила край!

О богородица, дева святая,
Молим, к твоим мы стопам припадая:
Детям сего просветлённого края,
Благословенье и счастье нам дай!

НЕ ПЛАЧЬ, СОЛОВЕЙ

Полно, не причитай, не сетуй и не скорби,
Ты мне забыться дай, ран моих не растрави.
Лучше не поминай горькой моей любви.
Слёз горючих не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Чья-то злая рука ставит мне сотни препон,
И далека, далека та, в кого я влюблён.
Боль и твоя тяжка: с розою ты разлучён,
И всё-таки слёз не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Ты, улетаая на срок, к розе вернёшься опять.
День возвращенья далёк, всё же он должен настать.

Я ж навсегда одинок, мне милой не увидеть.
Слёз понапрасну не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

Зря ты грустишь, соловей, зря ты клянёшь весь свет.
Много на свете роз, и каждой прекрасен цвет,
А схожей с милой моей красавицы в мире нет.
Слёз горючих не лей, не плачь, печальная птица, —
Твоя беда, соловей, с моей бедой не сравнится!

СВЕТ МОИХ ОЧЕЙ

Свет моих очей, тебя люблю я.
Пленника, меня не позабудь.
В этот скорбный час тебя молю я:
Пленника, меня не позабудь.
 Не забудь меня, влюблённого,
 Не забудь порабощённого.

О моя голубка дорогая,
Я, в далёкий отправляясь путь,
Покидая край твой, заклиная:
Пленника, меня не позабудь.
 Не забудь меня, влюблённого,
 Не забудь порабощённого.

Розы лепесток благоуханный,
Свет, не убывающий ничуть,
Слышишь, говорю я непрестанно:
Пленника, меня не позабудь!
 Не забудь меня, влюблённого,
 Не забудь порабощённого.

Жаворонок, рвался ты в тревоге,
Чтоб из рук влюблённых ускользнуть.
Милая, коль помнишь ты о бже,
Пленника, меня не позабудь.
 Не забудь меня, влюблённого,
 Не забудь порабощённого.

Без тебя бреду я наудачу,
Злое горе мне сжигает грудь,
И во сне и наяву я плачу:
Пленника, меня не позабудь.
 Не забудь меня, влюблённого,
 Не забудь порабощённого.

Книги жизни — лучшая страница,
Может быть, ещё когда-нибудь
Будет суждено мне возвратиться,
Пленника, меня не позабудь.

Не забудь меня, влюблённого,
Не забудь порабощённого.

К МАМОНЕ

Кто ты, откуда твой закон,
Что может нас обречь на муку?
Кому ты не протянешь руку,
Тот на злосчастье обречён.

Немилости твоей страшится
И тот, на ком золотой венец.
Кто помощи твоей лишится,
Тот как без пастбища телец.

Ты гибельна для душ людей,
Ты порождаешь зло, и всё же
Порою мы свершить не можем
Добра без помощи твоей.

Ты с нами строго сводишь счёты.
Ты, нас опутав, служишь злу.
Так почему же в кабалу
К тебе идут с такой охотой?

Страдая от твоей руки,
Порой тебя мы покоряем
И торопливо запираем
В окованные сундуки.

Дрожат могучие колонны,
И стены разрушенья ждут,
Когда, тобою укреплённый,
Подходит к ним ничтожный люд.

Чем мы твоей послушней воле,
Тем мы свободней и сильнее;
И чем сильнее мы — тем боле
Мы властью связаны твоей.

Ты труса превратишь в героя,
Его заставишь рваться в бой.
И дарит силу нам порою
Бессилие перед тобой.

И хоть ты, может, всех сильнее,
Но всё-таки порой бывает,
Что и слабейший из людей
Тебя с презреньем попирает.

* * *

Пришла весна, и меж ветвей — тиховой.
В тоске любви вчера в саду соловей
Близ милой розы рокотал, молвя ей:
 Явись, прелестная, во всей красоте!
 Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Минула ночь, и наконец рассвело,
С востока солнце, загорясь, подошло;
А сердце с вечера тоской истекло.
 Явись, прелестная, во всей красоте!
 Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Пленился каждым я твоим лепестком,
Не останавливал бы глаз ни на чём;
Мне без тебя — ночная тьма даже днём.
 Явись, прелестная, во всей красоте!
 Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

Пусть от шипов сто тысяч раз мне страдать,
В огне любви пусть песни петь и рыдать, —
Всё за великую сочту благодать!
 Явись, прелестная, во всей красоте!
 Проснись! Сравненья нет твоей красоте!

ПЕТРОС КАПАНЦИ

Петрос Капанци родился в конце XVII века в Сюнике. Подробности биографии неизвестны. Писал на древнеармянском языке. В 1772 году издал в Константинополе сборник своих стихов «Книжка называемая “Ергараном”», то есть «Песенником».

Умер Петрос Капанци 20 марта 1784 года.

Сочинения: Шушаник Назарян, Петрос Капанци, исследования и тексты, Ереван, 1969 (на армянском языке).

НАРОДУ МОЕМУ ЛЮБИМОМУ

Коль ты меня, народ мой, не наставишь —
Мне по миру скитаться круглый год,
А если ты мне светлый лик свой явишь —
На путь благой ступлю я, мой народ!

Как вешний дождь, твоё веленье свято.
Когда пригреешь ты меня как брата,
Вновь становлюсь я тем, чем был когда-то,
А не пригреешь — мучусь от невзгод!

Нет без тебя мне счастья, я безроден,
Без твоего участия я бесплоден.
На что я годен и кому угоден?
Я словно древо, где не зреет плод.

Привечен ты владыками вселенной,
Отмечен в книге древней и священной.
Подобно солнцу вечный и нетленный,
Меня ты озаряешь, мой народ!

Ты, озарённый светом и весною,
Исполни всё желаемое мною.
Коль твоего благоволения стою,
Благослови — и сад мой зацветёт.

Но что ж ты допускаешь промедленье,
Зачем свои скрываешь побужденья?
Твоё неторопливо пробужденье, —
Веди меня, мой праведный народ!

СТАИ

Печальный стон сегодня слышен мне
Над полем и над лесом в вышине.
Тоскуя о родимой стороне,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Цвели цветы, здесь был недавно рай,
Увял и сник цветущий этот край.
Здесь больше места нет для птичьих стай,
И улетают стаи, стаи, стаи.

Кто знает, будет доброй или злой
Судьба, всегда подёрнутая мглой?
Скорбя и плача о весне былой,
Летят куда-то стаи, стаи, стаи.

Простилась птица каждая с гнездом,
Сошла трава, повяло всё кругом.
Редуют тучи, бедные дождём,
И улетают стаи, стаи, стаи.

И ты спешишь, о жаворонок мой,
Ну что ж, лети дорогою прямой,
Но с вестью о весне вернись домой,
Не покидая стаи, стаи, стаи.

НЕ ОСЫПАЙ, О РОЗА, ЛЕПЕСТКИ

Не осыпай, о роза, лепестки,
Не заставляй терзаться от тоски
И слёзы лить того, кому нужна
Из всех цветов на свете ты одна.

О роза, свой не осыпай ты цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришёл на этот свет.

Сулит нам сотни благ весна вокруг,
Пойми же, роза, кто твой враг, кто друг.
Не делай так, чтоб в сей счастливый миг
Главою твой возлюбленный поник.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришёл на этот свет.

Как хитрый вор, придёт садовник в сад,
На розу бросит он недобрый взгляд,
Шипы оставив, розу он сорвёт,
А гибель розы и меня убьёт.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришёл на этот свет.

Неумолим садовник и суров,
Он всё сорвет, ему не жаль цветов.
Так будь, любимая, ко мне добра,
Пока царит цветения пора.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришёл на этот свет.

На краткий срок, покуда не придёт
По наши души грозный садовод,
Меня приветь, с тобою быть позволь,
Дай мне излить перед тобою боль.

О роза, ты не осыпай свой цвет,
Не убивай меня во цвете лет.
Не забывай, что я люблю впервые
С тех пор, как я пришёл на этот свет.

ГРИГОР ОШАКАНЦИ

Родился в 1757 году. Некоторые сведения о жизни Григора Ошаканци сохранились в рукописях Ованеса Карнеци, близко знавшего поэта. Образование Ошаканци получил в Эчмиадзине. Был видным церковным и общественным деятелем. Литературное наследие невелико — до нас дошло немногим более 20 стихотворений.

Умер Григор Ошаканци в 1799 году.

Сочинения: Амазасп Воскеан, Четыре армянских лирика и их стихи, Вена, 1966 (на армянском языке).

ПЛАЧ О ГОРОДЕ АНИ

Прославленный в былые дни
Приют царей, ты был твердыней,
А ныне на себя взгляни —
С вдовицей бедной схож ты ныне.
Ты погран, славный град Ани.
Ты стал безлюдною пустыней.
 О горе, сыны твои, дочери
 Из города изгнаны отчего!

Ты сыновей своих растил
Не для позора, но — проклятье! —
Чингис коварный подступил,
Несметные приблизил рати,
И в битве недостало сил
Твоим сынам, чтоб отогнать их.
 О горе, сыны твои, дочери
 Из города изгнаны отчего!

Подняв тяжёлый камнемёт
На земляные укрепления,
Монголы двинулись вперёд
В ожесточённое сражение —
И рухнули твои строенья
И стен твоих высоких свод.
 О горе, сыны твои, дочери
 Из города изгнаны отчего!

Вознёсся ввысь, вселяя страх,
Клич воинов многоплемённых,
И затаилась скорбь в глазах
Твоих гусанов обречённых.
И пение святых канонов
В твоих умолкнуло церквах.
 О горе, сыны твои, дочери
 Из города изгнаны отчего!

Несчастный город, в этот год
Твои строенья опустели,
И в храмах, как в глухом ущельи,

Пасётся одичалый скот.
И нет уже былых красот
В твоих церквах, где хоры пели.
О горе, сыны твои, дочери
Из города изгнаны отчего!

ПЕСНЯ ЛЮБВИ

Ты подобна розе алой,
Райской птице небывалой,
Милости прошу я малой:
Лик свой сладостный яви
Мне, невольнику любви!

Голос твой — ручей журчащий,
Гласа ангельского слаще.
Я молю тебя, скорбящий, —
Истомлённому тоской,
Дай мне лик увидеть твой.

Дни скорбей моих настали,
По горам брожу в печали,
Тщетно вглядываюсь в дали.
Лик свой обрати ко мне,
Страннику в чужой стране.

Дан был мудрым Соломоном
Мне совет в пути бессонном:
«Жди у родника под склоном,
И настанет сладкий миг —
Милой ты увидишь лик».

Вот и жду я, обречённый,
Я ищу тебя, влюблённый.
Я молю, изнеможённый:
Свет яви во мгле дорог,
Я от скорби изнемог.

Вслед спешил я за тобою.
Враг следил с ухмылкой злою,
Он пронзил меня стрелою.
Так явись в последнем сне
Умиравшему мне!

АРУТИН САЯТ-НОВА

Великий армянский поэт, слагавший свои стихи на армянском, грузинском и азербайджанском языках, родился в 1722 году. Отец поэта, Карапет Саадян, выходец из г. Алеппо, мать, Сарра, уроженка Тбилиси. Творческая жизнь поэта связана с Тбилиси, тогдашним центром культурной жизни Закавказья.

Сохранилась собственноручная рукопись стихов поэта. Некоторые стихотворения датированы самим поэтом 1742 — 1759 годами. В настоящий сборник вошли стихотворения Саят-Новы, написанные им на армянском языке.

Умер Саят-Нова в 1795 году.

Сочинения на армянском языке: Саят-Нова, Собрание сочинений, Ереван, 1959; Саят-Нова, Сборник армянских песен, Ереван, 1969; на русском языке: Саят-Нова, Стихотворения, Библиотека поэта, Малая серия. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Сурена Гайсарьяна, Л., 1961.

* * *

Как соловей, томилась ты,
Как роза, распустилась ты,
Водой из роз омылась ты,
Омылась ты.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Твоя краса лютей бича,
Ах, тоньше волос твой — луча,
К лицу — с павлинами парча,
К лицу парча.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Ты светишь солнцем и луной, —
Я по тебе томлюсь тоской, —
Ты носишь пояс золотой,
Ах, золотой!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Парча румянцем зацвела,
С бюльбюлем слёзы ты лила,
На щёчке родинка мила,
Ах, как мила!

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

О мне заплачет и скала —
Какие ты творишь дела!
Саят-Нову с ума свела.
С ума свела.

Равной в мире нет, равной в мире нет,
Равной нет, равной нет,
Несравненной нет!

Март, 1752

* * *

Ты, безумное сердце! мне внемли:
Скромность возлюби, совесть возлюби.
Мир на что тебе! Бога возлюби,
Душу возлюби, деву возлюби!

Божий глас внемли и твори добро,
В житиях святых слово — серебро;
Святых целей три: возлюби перо,
Возлюби письмо, книги возлюби.

Сердце, пусть тебя скорби не гнетут!
Знай, что хлеб и соль люди честно чтут,
Но не будь смешным: возлюби свой труд,
Мудрость возлюби, правду возлюби.

Там, где господин, будь не горд, но тих;
Скромным будь всегда у господ своих:
Но у всех — душа: возлюби чужих,
Бедных возлюби, гостя возлюби.

Так, Саят-Нова, мудрость жить велит.
Что нам эта жизнь! Страшный суд грозит!
Душу берегай: возлюби и скит,
Келью возлюби, камни возлюби!

* * *

Твой силен ум: таким рождён, — себя глупцу равнять зачем?
Меня за свой вчерашний сон презрительно считать зачем?
Я издавна горю, сожжён! опять меня сжигать зачем?
Устала ты, поверю я, меня же обвинять зачем?

Привет! — ведь ты сильна, как тот Ростом, сын Зала! — дочь царя!
Старинный твой прославлен род, красы зеркало, дочь царя!
Коль грешен я, пусть меч не ждёт меня нимало, дочь царя!
Но господа побойся ты: напрасно враждовать зачем?

Кто ранен, позовёт врача: не повредит, поможет он;
Раба ругают сгоряча, судиться всё ж не может он.

Кто сердцем светел, как свеча, молву людей отложит он.
Я богом истинным клянусь: меня нещадно гнать зачем?

Не всем мой ключ гремучий пить: особый вкус ручьёв моих!
Не всем мои писанья чтить: особый смысл у слов моих!
Не верь: меня легко свалить! гранитна твердь основ моих!
Так наводнением без конца их тщетно подрывать зачем?

Бьёт ветер морской, песок гоня: песка не меньше будет всё ж!
Живу ль, не станет ли меня, — толпу напев разбудит всё ж!
Уйду, но в мире с того дня и волос не убудет всё ж!
В Абаш, к арабам, к индам прах Саят-Новы ссылать зачем?

1753

* * *

Друг, ты попал в сети любви, — песенный дар я для тебя.
Колких репьев не собирай, — мак, сусамбар я для тебя.
Спрячу тебя в тень от жары, пышный чинар я для тебя.
Смерти твоей я не хочу, персик, шакар я для тебя.

К розе чужой ты не стремись, — розы своей не обездоль.
Изредка к нам в сад загляни, дружбу храня, помня хлеб-соль.
Мир обойдя, ты не найдёшь розы такой, ласковой столь,
Лишь бы другой не полюбил, верная яр я для тебя.

Лучше бы я не родилась, горе весне, сблизившей нас.
О соловей, не говори: краток цветка розовый час,
И в Индостан не улетай, что тебе ткань, бархат, атлас!
Всё, чего ждёшь, здесь ты найдёшь, — шёлка пожар я для тебя.

Богом клянусь: нежный мой цвет рад для тебя жертвою стать.
Будем с тобой весело жить, нам с соловьём грусть не под стать.
Пусть говорят все, что хотят, стану тебе я угождать.
Хочешь, создам вечную жизнь силою чар я для тебя.

Старит беда, стала и я старше от мук, Саят-Нова,
Чашу любви не отдавай в руки из рук, Саят-Нова,
Я привозной редкий атлас, верный мой друг, Саят-Нова,
Песенник свой в ящике скрой, — сладостный тар я для тебя.

1 апреля, 1754

* * *

Ах, не нужен мне лекарь, не нужен врач,
Дай иного, иного лекарства мне!
Жжёшь, не лечишь ты рану, горит — хоть плачь,
Дай иного, иного лекарства мне!

А она: не тревожь, уходи скорей,
На другой, на другой ищи стороне.

Не бывает добра от таких затей,
На другой, на другой ищи стороне.
На другой, увы, стороне.

Говорю ей: покоя не знаю я,
Стал бездельником, прочь бегу от жилья,
Тело чахнет, сгорает душа моя,
Дай иного, иного лекарства мне!

Отвечает: тебя мне не исцелить,
Сам ты горе своё научись избыть,
А не то оборвёшь краткой жизни нить,
На другой, на другой ищи стороне.

Соловей я, а розу сожрёт червяк,
Ты вложила мне в рану палючий знак.
Ах, и в книгах, и в песнях грустят не так,
Дай иного, иного лекарства мне!

Говорит: благо ты превратил во вред,
Ни боязни, ни совести, видно, нет,
Не гаси своей жизни неяркий свет, —
На другой, на другой ищи стороне.

Я сказал: золотишь ты волосы хной,
Подглядел как-то раз я в тиши ночной,
Стал мне смертью любви ненасытный зной —
Дай иного, иного лекарства мне!

— Пусть я царской короны аквамарин,
Пусть ты любишь меня, как Фархад — Ширин,
Пусть всегда мной любим был лишь ты один —
На другой, на другой ищи стороне.

Ах, не спорь, не кружи моей головы,
Захлестнуло мой челн волной синевы,
Коль умру, нет второго Саят-Новы,
Дай иного, иного лекарства мне.
Дай, увы, иного лекарства мне.

3 сентября, 1756

* * *

От любви, как Меджнун, горю,
Думой вслед за Лейли парю,
Ты не засти, гора, зарю,
Прочь, гора, уйди, говорю, отсюда, отсюда!

За самшит милых рук и плеч
Пусть войдёт в моё сердце меч,
Рад к порогу любимой лечь
Хоть на камень. Ты слышишь речь — отсюда, отсюда?

Стан твой в шёлк и атлас одет,
Держишь чашу, а в ней шербет.
От любовных томлюсь бесед.
Дай лекарства! Услышь, мой свет, отсюда, отсюда.

Сад люблю — садовник не я,
Знаю, кто хозяин жилья,
Песнь моя — призыв соловья.
Уходи, колючка репья, отсюда, отсюда.

Саз — пиров упоенье — ты,
Монастырское пенье — ты,
Плод — садов украшение — ты.
Слышишь — Саят-Новы мечты — отсюда, отсюда?

5 апреля, 1757

* * *

Меджнун я, тоской палимый,
Лейли! Недуг исцели мой!
В печали неутомимой
Я плачу кровью, сгорая, сгорая.

Ночным соловьём рыдал я,
Ронял не слёзы, а лал я,
В горячке, в бреду пылал я,
Пав к изголовью, сгорая, сгорая.

Безбожником стал я ныне,
В любовной истлел пустыне.
Безжалостна ты, в гордыне, —
Взываю вновь я, сгорая, сгорая.

Кричу, помогите, други,
Грудь — сад, а брови что дуги,
Нет краше во всей округе,
Любуюсь бровью, сгорая, сгорая.

Фиалка, цветок мимозы,
Дыханье карминной розы,
Утишь Саят-Новы слёзы, —
Горю любовью, сгорая, сгорая.

1757

* * *

Ах, почему мой влажен глаз и кровь на сердце! жжёт она!
Болезнь — любовь и этот раз, лекарство в свой черёд, — она!
Я слёг, но взор мой каждый час опять к себе влечёт — она!
Мне надо умереть, ко мне — ах! — лишь тогда придёт она!

Весна настала, и манят зазеленевшие края;
Фиалковые горы в сад давно послали соловья.
Но песни ночью не звучат. Чинара, это месть твоя?
Пусть ищет роза соловья: его, ах! — не найдёт она!

Мак, ярко-красный, дал совет: «Скиталец-соловей влюблён.
И, верно, вспомнит про букет, что базиликой оплетён,
Но ты солги, что розы нет и что цветок был унесён!».
Вот — изгородь, ах, соловей! твой бедный труп несёт она.

Сладки, сладки — твои слова! Язык твой сахар и набат,
И твой шербет, гласит молва, хорош, как спелый виноград.
Семь дней твердил я, ты ж, резва, семь платьев мерила подряд.
Бязь и кумач, но где же ткань, что всех достойней? — ждёт она!

Язык ашуга — соловей: он славит, не клянёт с плеча!
Пред шахом он поёт смелей, и для него нет палача,
Нет правил, судей и царей, он сам спасает всех, звуча,
Лишь ты, Саят-Нова, — в беде, пришла, не отойдёт она!

Июнь, 1758

* * *

Меня ты ранишь без ножа. Палач моих желаний ты.
О стыд души, не убивай меня тоской заране ты!
Изделье царских мастеров, халат из лучшей ткани ты.
Инд, и Абаш, и Арабстан, Калат, что в Хоросане, ты.

Как горна золотой огонь, твоё лицо, сияя, жжёт.
И всякий, видящий тебя, ума лишится в свой черёд.
Кто не видал, к тебе спешит, а кто увидит, тот умрёт.
Картина с фоном золотым, хранимая в сафьяне, ты.

Их много, кто, пленясь тобой, тоскуя встретит смертный час.
А ты, как редкостный товар, открыта взору в год лишь раз.
Твой господин сполна блажен, есть пища у него для глаз.
Сад роз, и летом и зимой полна благоуханий ты.

Хвала художнику тому, кто нарисует твой портрет.
От лба до брови не дойдёт, каким он рвением ни согрет.
Твоей возжаждавшей воды, не утолится ей, о нет!
В ширазском кувшине шербет, сладчайший для гортани, ты.

Блажен сидящий близ тебя, яр, чья подруга такова,
Кто не встречал коварной яр, кто верить мог в твои слова.
Скажи: владеющий тобой, боится ль бед Саят-Нова?
Ты с костяным узором сень, дворец меж прочих зданий ты.

6 сентября, 1758

* * *

Яр, никогда не знай беды, беда вовек — врагам твоим.
Благоуханьем залит мир нежнее, чем бальзам, — твоим,
Позолочённый Асмавур не предпочту словам твоим.
Сияешь ясною луной, — и где предел лучам твоим?

В поток любви твоей войдёт не всякий, он — глубок, залум.
Он тридцать перейдёт мостов, а всё пред ним поток, залум.
От стрел-бровей, от стрел-ресниц я вовсе изнемог, залум.
Пловцу открыта смерти дверь, он обречён волнам твоим.

Твой стан — поднявшийся тростник, а лик твой на букет похож,
Ты — всех цветов, но цвета нет, чтоб был на вдовый цвет похож.
Горит алмаз во рту змеи, — он на тебя, мой свет, похож.
Ты освещаешь без огня, покорна ночь огням твоим.

Едва приветишь, — твой привет — приветствие владык, точь-в-точь.
Пергамент — руки у тебя, и жар-перо — язык, точь-в-точь.
Как знамя золотой парчи, ты выёшься каждый миг, точь-в-точь.
И всякий думает: ты шах, предшествуешь войскам твоим.

Яр, отдалиться от тебя тяжеле смерти для меня.
Язык твой сладок, речь сладка, в устах — камень ярче дня.
И семь десятков на лице чернеет родинок, маня,
Как семь десятков слов несёт Саят-Нова к ушам твоим.

9 октября, 1753

* * *

Чужбина — мука соловья: год — сада он родного ждёт!
Чтоб подала рука твоя вина мне, сердце снова ждёт!
С другими ты, и мучусь я: так раб царя земного ждёт!
Созрел грудей твоих шамам, — сосуда золотого ждёт!

Слова бессильны пред тобой! как алый лик твой описать?
Как бровь изобразить сурьмой? и золота тут мало взять!
И только стан прекрасный твой овалу плеч твоих под стать!
А золото твоих волос давно луча дневного ждёт!

Ты с детства слышишь голос хвал: но славить красоту я рад.
Ковчег — твоих грудей овал, чтоб ставить амбру и мускат!
Не может, кто тебя встречал, представить лучший миг услад!
Рука — самшит, а пальцы — воск: хрустальных спиц он снова ждёт.

Нет, я не люблю другой! сдаётся: ты мне суждена!
Лишь я неделю не с тобой, как рвётся каманчи струна!
Сам царь иль врач Лохман со мной, а мне поётся: «Где она?»
Им раны не понять моей: она клинка стального ждёт!

Красавица! в тоске души один брожу, сожжён тобой!
Красавица! о не спеши! дай погляжу, пленён тобой!

Красавица! мир чей, реши: сужу, что отнят он — тобой!
Доколе жив Саят-Нова, тебе ль певца иного ждать!

1758

* * *

Внемли: проникнуты слова мои мольбой, о свет очей.
Привет мой взору твоему, о свет очей!
Ты отвернулась, но я чист перед тобой, о свет очей!
Весь мир насыщен, я один томлюсь алчбой, о свет очей!

Иль раньше не любил никто? Какая на меня напасть!
От чар твоих я без ума, меня испепеляет страсть.
Всех да минует мой удел, его не вынести и часть!
Как перепел, я опалён твоей красотой, о свет очей!

Друзьями ль объявлю врагов, когда врагом стал каждый друг?
Не вижу, как проходит день, наполнить нечем мне досуг!..
Господь свидетель, — тяжело мне, и вон всё валится из рук.
Ты море чар, а я, как челн, в пучине той, о свет очей!

Уста раскрою, но они как описать тебя могли б?
Уже я десять лет брожу, как падишахов тот шахиб,
Семь лет я с сазом проброжу, как некогда бродил Кариб,
Ты мой кумир, ты Шахсанам, и нет другой, о свет очей!

Будь у меня сто тысяч бед, не дрогнет сердце им в ответ.
Ты — повелительница, ты, и мне иного шаха — нет.
Саят-Нова сказал: «Увы, не страшно мне покинуть свет,
Но ты — ты, косы распустив, плачь надо мной, о свет очей!».

1758

* * *

Ты ярче сбруи золотой в своих камнях, красавица.
Хранимы ты и милый твой на небесах, красавица.
Ты соловью дала язык, ты рай в цветах, красавица,
Но розе — месяц жить, а ты живёшь в веках, красавица.

Хвалить тебя — конца не знать, всего не перечесть добра:
Убранство стен твоих — парча, ковёр чудеснее ковра,
И каждый гвоздик — золотой, и доски сплошь из серебра,
Ты — трон павлиний, что воздвиг великий шах, красавица.

Ты — Искандеров царский лал, жемчужин вереница ты,
Саморедчайшего зерна чистейшая частица ты;
Когда выходишь ты гулять, не различаешь лица ты,
Тебе пред сильными земли неведом страх, красавица.

Возможно Соломонов ум ума превысит глубиной,
Возможно дорогой наряд заткать жемчужною волной,

Быть можно гурией в раю, быть можно солнцем и луной, —
Ты превосходишь всё, что есть в земных краях, красавица.

Тебя одел небесный снег, ты пахнешь, как весна, мой друг,
Кто сядет рядом, — опалён, ты так чудес полна, мой друг.
Саят-Нова ещё живет, зачем же ты грустна, мой друг?
Пусть я умру, а ты живи, оплачь мой прах, красавица.

1758

* * *

Я был в Абаше, я весь мир прошёл до края, нежная,
Тебе подобной нет нигде, ты отблеск рая, нежная,
Ведь на тебе и холст простой — ткань парчевая, нежная,
Недаром все творят хвалу, тебя встречая, нежная.

Ты — дивный жемчуг. Счастлив тот, кому судьба купить тебя.
Не пожалеет, кто найдёт, но горе — обронить тебя.
Увы, в блаженном свете та, чей жребий был родить тебя;
Живи она, была б у ней, как ты, — вторая, нежная.

Ты драгоценна вся насквозь, твоя сверкает красота,
Волна твоих густых волос янтарной нитью повита.
Глаза — два кубка золотых, гранёных чашечек чета,
Ресницы — строем острых стрел разят, пронзая, нежная.

Лицо твоё, — сказал бы перс, — второе солнце и луна.
Окутав шалью тонкий стан, ты золотом оплетена.
Художник выронил перо, рука виденьем сражена.
Встав, ты — как Раш, а сев, — затмишь блеск попугая, нежная.

Но не таков Саят-Нова, чтоб на песке воздвигнуть дом.
Чего ты хочешь от меня, — как в сердце вычитать твоём?
Ты вся — огонь, твой плащ — огонь, — как воевать с таким огнём?
На ткань индийскую твою легла другая, нежная.

* * *

Я болен от любви к тебе, — о злом недуге плачу.
От горя я совсем зачах и вот в испуге плачу.
Как озабоченный векил, о всей округе плачу.
Изгнанник, потерявший дом, я по лачуге плачу.

Куда пойти, к кому воззвать, какой поможет властелин!
Когда бы врач Лохман воскрес, помог бы мне лишь он один.
На мой рассудок посмотри, я сам над ним не господин.
Разлив унёс моё бревно — по лёгком струге плачу.

Сгорело сердце от любви, его не исцелить теперь.
Ограды нет, и нет плетня, на что мне этот сад теперь!
Остался лук без тетивы, на что такой снаряд теперь!
Стрелу о камень я разбил и по кольчуге плачу.

Напрасно я вожу пером, в чернилах словно влаги нет.
Всех слов не высказать зараз, как вечной мудрости завет.
Как в затонувший монастырь, к моей душе потерян след.
Ушёл мой пастырь, о грехе в сердечной туге плачу.

В селе ты первый старшина, в столице ты султан и хан,
В саду ты роза и жасмин, в горах ты молодой шушан.
Сама убей Саят-Нову, он будет счастлив, бездыхан,
Себя не жаль мне, жаль народ: о нём, о друге, плачу.

1758

* * *

Служи народу, не жалея своей души, Саят-Нова,
И помни, роскошь ждёт одних, других — гроши, Саят-Нова.
Желчь подносящим — сахар дай, да поспеши, Саят-Нова,
Но бойся камня, что тебе грозит в тиши, Саят-Нова.

Хоть в школу ты отдашь глупца — не поумнеет от битья,
Покуда в нём злой дух сидит, он никому не даст житья.
Кто худороден, чёрен — тот не побелеет от мытья,
Не выровняешь кривизны, как ни теши, Саят-Нова.

Пусть всемогущ ты и велик, все звёзды сосчитал почти,
Зло всё равно пребудет злом... Ты жития святых прочти,
Слова Завета — жемчуга, ты их вниманием почти,
Пред свиньями их не мечи, себя сдержи, Саят-Нова.

Коль здесь отринешь славы блеск, то там тебе алмаз дадут.
Коль здесь наденешь ты чуху, то там тебе атлас дадут.
Коль здесь расквасишься, то там бессмертие тотчас дадут, —
Покайся же в грехах и впредь ты не греши, Саят-Нова.

Где торжество, а где печаль, где пир у мира на виду,
Молебен, свадьба, траур, песнь и плач, венчающий беду...
Ты волю выполнил души — с душою тело не в ладу...
Какую выдержишь ты боль и как — скажи, Саят-Нова.

1758

* * *

Кто рядом сел — он пьян уже, в его глазах двоишься ты,
Кто раз взглянул — безумным стал, к безумцу не склонишься ты,
Источник мук и красота и лакомство меджлиса ты,
Оно — на час, ты — навсегда, зачем напрасно злишься ты?

У слов твоих шербета вкус, но жгут, как будто зной в тебе.
Как конь-огонь ты вся в лучах, и всё же блеск иной в тебе.
Жемчужный ток и перламутр! Небесный свет весной — в тебе!
Златая дверь! Двойным замком из серебра хранишься ты.

Пусть солнце озаряет мир, пусть звёзды день задул уже,
Твой свет сильней, не побороть твоих лучей разгул уже.
В руке — вода, в руке — и кровь, палач свой горн раздул уже,
Виновен я — убей меня, не виноват — приблизься ты.

Что мне павлин, его наряд! Убранством беспорочна яр,
Пригретый солнцем гиацинт глядит из снега, точно яр.
Влекомый розой соловей, к тебе прикован прочно, яр,
Меня так скоро не гони, хоть соколом кружишься ты.

Любовь свела меня в постель, ни музыки, ни пенья нет,
Врачи все охают подряд: «Саят-Нове спасенья нет»,
Кто приглашал — ушёл ни с чем. Душе — отдохновенья нет,
Но встану я, коль ты придёшь, коль с каманчой сдружишься ты.

1758

* * *

Наш мир — окно, но улиц вид меня гнетёт, мне стал не мил.
Кто взглянет, ранен. Язвы жар, что душу жжёт, мне стал не мил.
Сегодня хуже, чем вчера; зари приход мне стал не мил.
Нельзя резвиться каждый день. Забав черёд мне стал не мил.

Что достоянья редкий клад, когда от нас он утечёт?
Тот человек хорош, кого сопровождал всегда почёт.
Мир не останется для нас, как слово мудрых нам речёт.
Хочу бюльбюлем улететь, мой сад — и тот мне стал не мил.

Ты не поручишься, что день с утра до ночи проживёшь.
В руках господних, человек, легко придёшь ты и уйдёшь.
Но эта правда не для всех, людьми овладевает ложь.
Им — двадцати — не взять раба! весь рой господ мне стал не мил.

Мир не останется для нас, — пусть жизнь порой и весела.
Адама нечестивый сын, проклятье на твои дела!
Нет сил терпеть насмешек злых, душа моя изнемогла.
Врагами стали мне друзья, чужой народ мне стал не мил.

Саят-Нова сказал: дни бед меня гнетут превыше мер.
Бывалой сладкой славы нет, и горек труд превыше мер.
Над розой плачу, как бюльбюль, — шипы растут превыше мер.
Раскрыться розам не дают, — их сбор и счёт мне стал не мил.

Апрель, 1759

* * *

Из всех людьми хвалённых лир полней звучишь ты, каманча!
Кто низок, не иди на пир: пред ним молчишь ты, каманча!
Но к высшему стремись: весь мир, всех покоришь ты, каманча!
Тебя не уступлю я: мне — принадлежишь ты, каманча!

Ушко — серебряное будь, сверкай на голове — алмаз;
Рука — слоновой кости будь, на чреве — перламутр, что глаз;
Струна — из злата свита будь, резьбой пленяй, железо, нас;
Ты — бриллиант и лал! И суд — всех посрамишь ты, каманча.

Смычок — быть должен золочён, чтоб пышно он блистал, звеня;
Певучий волос — быть сплетён из косм крылатого коня.
Тем, как бальзам, даришь ты сон, тех ты бодришь всю ночь, до дня;
Ты — золотой сосуд с вином, и всех пьянишь ты, каманча.

В ашуге две души с тобой: ему и чай и кофе есть;
Когда он утомлён игрой, на полке ты находишь честь,
Когда ж поёт, — вновь пир горой, ты — празднеств и гуляний весть!
Собрав красавиц вокруг себя, их всех манишь ты, каманча!

Ты всем даёшь весёлый вид, с тобой опять здоров больной;
Чуть сладкий зов твой зазвучит, блажен, кто говорит с тобой.
Проси, да скажут: «Бог продлит — дни нас пленявшего игрой!»
Доколе жив Саят-Нова, что не узришь ты, каманча!

1759

* * *

Надломлена душа твоя, и стонет, посох свой кляня.
Хмельному можно ли шуметь, дары лозы кривой кляня?
В чём провинился, что сидишь, беднягу день-деньской кляня?
Тобою выжат я — и мне б роптать, тебя с тоской кляня...

Мне в душу облик яр другой ни на мгновенье не входил.
Лишь ты со мной — откуда бы ни шёл, куда бы ни входил.
И будто в город караван четыре года не входил —
Как сборщик пошлины, уныл, сажу, убыток свой кляня.

Слабеет, видимо, любовь, раз так со мной сурова яр,
И, словно мальчика, меня воспитывать готова яр.
Мне в сердце острый нож любви вонзать желает снова яр...
Ах, плачут многие, смотрю, красавиц вздорный рой кляня.

Хоть притчи, мудрости полны, впитались в кровь мою и плоть,
Я обезумел от любви, её не в силах побороть!
Жесток огонь любви и в нём гореть — не приведи господь!
И стонет раненый джейран, стрелу и жребий свой кляня.

Прошла холодная пора, вновь кипарис сиять готов.
Воскресла красота весны — петь соловей опять готов.
Без друга, голову склоня, Саят-Нова рыдать готов,
Как потерявший войско царь, имущество с казной кляня.

1759

* * *

Коль неучу слово дано, ему внимать к чему теперь?
Коль всё кругом черным-черно, нам маков ждать к чему теперь?
Коль смерти ты ему желал, плач соблюдать к чему теперь?
Для савана лишь цвет один, зря украшать к чему теперь?

Платить за слово мастеров добра и денег не жалеи.
Цвет цвету рознь, числа им нет, один богаче, тот бедней.
Иного наряди в атлас, ничуть не станет он видней.
Коль чёрен ты, зря родинки тебе желать к чему теперь?

Кто справедлив и чист в делах, я лишь того готов ценить.
И мудрецам не удалось нам до конца мир объяснить.
Вот скачет рок — крылатый конь четвероглав, — его ль пронзить?
Нам ничего не взять с собой, тлен собирать к чему теперь?

Разлука с матерью горька, заплачь, дитя, тоску залей.
Силки расставил Сатана, соблазнами он всех сильнее, —
Сынов Адама ждёт беда, — его улов, что день — мощней,
Когда б не так, то Орну нам благословлять к чему теперь?

Судьбы кружится колесо — достатком ты не наделён,
Увидят — стар, помят армяк, не спросят: гость? откуда он?
Саят-Нова для ран своих целебных трав, корней лишён,
Врачи не могут врачевать, колдунью звать к чему теперь?

1759

* * *

Красавица, певца Шахатаи ты унижать не станешь,
Но, пробудив любовь, отступишь ты и приближать не станешь.

Особенное пламя у любви: вовеки не угаснет.
Хоть даже в море брошусь, обожжён, — ты охладить не станешь.

Твоей недавней молнии удар не вынести ашугу,
Ты — самодержица, и никого ты ублажать не станешь.

Ты встретишь горы снежные — и вдруг, как свечи, их растопишь.
Войдёшь ты в город — рухнет всё вокруг: ты возрождать не станешь.

Тот, кто не воспевал Шахатаи — доверья недостоин.
И недоверчив ты, Саят-Нова, и защищать не станешь.

* * *

Не плачь, о джан, пусть разум твой ни в чём плохого не узрит.
Пусть взор ничей, что так судьба твоя сурова, не узрит.

Пусть луч зари, пусть лунный свет над миром вовсе не горит!
Пусть друг умрёт, да лишь твой лоб он без покрова не узрит.

В потоке слёз исходишь ты — в печали смерть и мне грозит.
Пусть после нас подлунный мир воды и крова не узрит.

Коль я к тебе не загляну, — снесу немало я обид.
Но не приду, пусть взор тоски и зла такого не узрит.

Пусть утешением тебя небесный голос одарит.
Пусть скорбь твою Саят-Нова, на смерть готовый, не узрит.

* * *

Ты — узоры парчи, ты как золото ткани, о джан!
Каламкар ты, что с Инда везли в караване, о джан!
Вожделенный алмаз, чьи бесчисленны грани, о джан!
Многоводных глубин жемчужные дани, о джан!

Выйдешь в сад, — и волну вижу в плавности шага, о джан!
Скрой ты родинки щёк, да не тронет их влага, о джан!
Удивляются все лику, полному блага, о джан!
Ты — украсивший мир новый плод в гюлистане, о джан!

Милосердною будь, пребывая со мною в ладу.
Джан милей не найду, пусть я многие земли пройду.
Ни в индийских краях, ни на прангских коврах не найду.
Ты иной соткана для людских любований, о джан!

Славословий моих только слон мог бы книгу нести.
Мысли горькие ты от себя отгони, не грусти.
Тонок стан твой, как нить, что могли бы сквозь жемчуг вести.
В зной грустим о тебе, как о тёмном платане, о джан!

От тебя я уйду, лишь когда минет срок моих дней.
Осени, как умру, ты меня покрывалом кудрей.
На Саят-Нову, джан, ты сложи груз печали своей.
Ты не схожа ни с кем, ты одна меж созданий, о джан!

* * *

Я — на чужбине соловей, а клетка золотая — ты!
Пройдёшь, как по ковру царей, лицо мне попирая, ты!
Твои ланиты — роз алей, как образ дивный рая — ты!
Как шаха, я тебя молю; молчишь, не отвечая, ты!

О милая! вошла ты в сад и взорами цветы палишь:
Твои глаза огонь струят, ты силой красоты палишь,
А я своим мученьям рад: сгораю я, а ты палишь...
Никто так стройно не ступал, как ходишь, всех сжигая, ты!

Причти меня к своим рабам! что я твой раб, не скрою я!
Поставь меня к своим вратам: страдать в темнице стою я!
Я жив иль мёртв, не знаю сам, но болен лишь тобою я!
Как море, как Араз, мечусь: причина — дорогая, ты!

Ты, с пятнышком лица, мила; кто видел, тот пленён тобой,
Хотя ты мной пренебрегла, но суд произнесён тобой.
Ты отвернулась, отошла, не выслушан мой стон тобой,
Хотя жизнь можешь даровать, как царь повелевая, ты.

Саят-Нова сказал в слезах: «Я слёз не лью, пока могу,
Но буду выносить я страх и скорбь свою, пока могу.
Хочу быть славным на пирах, тебя пою, пока могу...
Когда б со мной, саз золотой, вошла на пир, сверкая, ты!»

* * *

Откуда ты? (я соловью).
Не плачь! не плачь! я слёзы лью.
Ты розу ждёшь, я — милую...
Не плачь! не плачь! я слёзы лью.

Пой, соловей, песнь соловья!
Счастливой будь тропа твоя!
Тебе — цветок, мне — милая...
Но ты не плачь! я слёзы лью.

В душе моей — тоска по ней,
Как острый шип в груди твоей.
Цветок иль яр? что сладостней?
Не плачь! не плачь! я слёзы лью.

Как кипарис, один стою.
Пой соловей! и я пою.
Ты розу ждёшь, я — милую...
Но ты не плачь! я слёзы лью.

Певец, мила мне песнь твоя!
Пылаем мы, и ты и я...
Саят сказал: «О милая!
Не плачь! не плачь! я слёзы лью».

* * *

С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты.
Ты всех в Меджнунов обратишь, сама с Лейлою сходна ты.

Моя на целом свете ты,
Нет у жестокой доброты.
Набатов губы залиты.
Как сахар, вся собою ты.

Тут нужен мастер, нужен саз,
Чтобы воспеть зубов алмаз.
Твой цвет лица — пранги-атлас,
И вся с парчою сходна ты.

Рехана волос твой нежней.
Ты о другом вздыхать не смей.
О, не терзай души моей, —
Иль с девою злою сходна ты?

Беда для горькой головы.
Струится кровь из глаз, увы!
Увы, судьба Саят-Новы,
Теперь с рабою сходна ты.

* * *

Нынче милую мою видел я в саду;
След подковки золотой освятил гряду;
Словно розу соловей, я воспел звезду,
Взор затмился мой слезой, разум был в бреду.
Ах, пусть враг мой попадёт, как и я, в беду!

Яр моя! твой нежный вид душу тайно жжёт,
Образ твой — шербет любви, губы — сладкий мёд.
Словом, взглядом многих ты мучишь в свой черёд.
Что ж, убей, но не скажи, что и я — не тот!
Пусть умру, вверяю жизнь — твоему суду.

Пряди кос твоих весь год туго сплетены,
Мёд в устах, могли б им быть груди смочены,
Расцветает алый рот между роз весны...
Но садовника глаза влагою полны:
Посмотри, как соловей, я пою и жду.

Ты прекраснее стократ, чем и твой портрет;
Если в комнату войдёшь, тьмы без лампы нет;
Как вином мускатным дом, дух тобой согрет;
И в садах перед тобой блекнет каждый цвет;
Ветер льнёт к тебе, вокруг воздух как в меду!

Знай: другой не воспою, ты доколь жива!
Выслушай, матах тебе: искренни слова!
Хлеб и соль не забывай, волю божества!
От любви к тебе — в тюрьме я, Саят-Нова!
Я теряю разум, я — вовсе пропаду!

* * *

Так жить хочу, чтоб каждым днём обязан был я лишь себе.
Чтоб сотней бед, входящих в дом, обязан был я лишь себе.
Чтоб всем сказать: своим добром обязан был я лишь себе.
Бегу от зла, познав, что злом обязан был я лишь себе.
Я скромным стал; своим стыдом обязан был я лишь себе.

Из дальних стран — безумец я! — для всех свой клад сюда принёс.
Рубинов рой — пусть ювелир свой косит взгляд — сюда принёс.

Товар индийский, что милей нам всех услад, сюда принёс.
С каких станков, каких шелков, какой наряд сюда принёс.
Торгую сам, в труде своём обязан был я лишь себе.

Один мой тюк из прангских стран; атлас горит в нём, как пожар.
Другой мой воз, — бесценный в нём, как бы пергамент, каламкар.
Ещё мой воз, — да весь Китай куплю за этот я товар!
Тут — блеск парчи, халаты там. Для женских плеч всё это дар.
Я всё скроил, и вот во всём обязан был я лишь себе.

Индиго — здесь, а пурпур — там; сюда глядите — тут шафран.
Корицы воз, гвоздики воз, — добыча всё далёких стран.
Не мог стянуть края тюков; чрезмерный груз тюкам был дан.
Со дна морей камня есть, — их мой привёз вам караван.
Жемчужин набранных зерном обязан был я лишь себе.

Прослышав то, промолвил люд: «Саят-Нова-то наш богач».
Забыв, что мне милей лады, что мне не надо к ним придач,
Что песен звук ценней всего, что мне ценней он всех удач,
Что держит смерть затылок мой, об этом лишь мой горький плач.
Спаси, чтоб, песней теша яр, обязан был я лишь себе.

* * *

Ты — как сирена, что губит плывущих,
Мне на погибель дана, дорогая.
К северу, к югу, к востоку, к закату
Так ни одна не стройна, дорогая.

Дьяволу служит тобою пленённый.
Будь хоть однажды ко мне благосклонной.
Пусть веселят нас за чашей бессонной
Бубен, сантур и зурна, дорогая.

Сердцем сказать мои беды я жажду,
Плачем излить мои бреды я жажду,
Вечной с тобою беседы я жажду,
Шуток хмельнее вина, дорогая.

Скромен твой облик, и речи приятны,
В пальцах твоих сусамбар ароматный.
Жизнь отдаю тебе в дар безвозвратный,
Будь мне навеки верна, дорогая.

Скажет Саят: «Я не ведаю страха.
Хан, ради милой отрада и плаха,
Лишь бы на прах мой могильного праха
Бросила горстью она, дорогая».

* * *

Отраден голос твой, и речь приятна.
Бог — светоч твой в земном просторе, прелесть.
Ты станом — лань, ты — белый сахар цветом,
Ты — золото в цветном узоре, прелесть.

Скажу — ты шёлк, но ткань года погубят;
Скажу — ты тополь, — тополь люди срубят;
Скажу — ты лань, — про лань все песни трубят.
Как петь? Слова со мной в раздоре, прелесть.

Скажу — цветок, — гора взрастила, скажут;
Скажу — алмаз, — земная жила, скажут;
Скажу — луна, — ночей светило, скажут.
Ты солнца свет таишь во взоре, прелесть.

Мой храм молитв — твои дверные плиты.
Твои глаза — как розы цвет раскрытый.
Язык — звучней пера, как снег — ланиты,
Ты дивный перл, возникший в море, прелесть.

Зерно любви ты в сердце мне вложила;
Томясь тобой, душа во мне изныла;
Ты своего Саят-Нову убила.
Не ведай слёз, пусть мне всё горе, прелесть.

* * *

Я в жизни вздоха не издам, доколе джан ты для меня!
Наполненный живой водой златой пинджан ты для меня!
Я сяду, ты мне бросишь тень, в пустыне — стан ты для меня!
Узнав мой грех, меня убей: султан и хан ты для меня!

Ты вся — чинарный кипарис; твоё лицо — пранги-атлас;
Язык твой — сахар, мёд — уста, а зубы — жемчуг и алмаз;
Твой взор — эмалевый сосуд, где жемчуг, изумруд, топаз.
Ты — бриллиант! бесценный лал индийских стран ты для меня!

Как мне печаль перенести? иль сердце стало как утёс?
Ах! я рассудок потерял! в кровь обратились токи слёз!
Ты — новый сад, и в том саду, за тыном из роскошных роз,
Позволь мне над тобой порхать, краса полян ты для меня!

Любовью опьянён, не сплю, но сердце спит, тобой полно:
Всем миром пусть пресыщен мир, но алчет лишь тебя оно!
С чем, милая, сравню тебя? — Всё, всё исчерпано давно.
Конь-Раш из огненных зыбей, степная лань ты для меня!

Поговори со мной хоть миг, будь — милая Саят-Новы!
Ты блеском озаряешь мир, ты солнцу — щит средь синевы!
Ты — лилия долин, и ты — цветок багряный средь травы:
Гвоздика, роза, сусамбар и майоран ты для меня!

* * *

Я ждал, я пролил столько слёз, —
Я в добрый час увидел яр!
Меня встречаешь, роза роз,
 Шипами,
 Шипами, —
Я в добрый час увидел яр!

Приди, пойми печаль мою:
Мученья смертные таю,
Горю любовью, слёзы лью
 Ночами,
 Ночами, —
Я в добрый час увидел яр!

Наденешь пурпурный атлас,
Погубишь мир, отрада глаз,
Тебе к лицу — рубин, алмаз —
 Рядами,
 Рядами, —
Я в добрый час увидел яр!

У саза нет иных забот,
Твои шамамы он поёт.
В саду ты водишь хоровод
 С друзьями,
 С друзьями, —
Я в добрый час увидел яр!

Саят-Нова забыл покой:
Твои глаза — пинджан золотой.
Да не глумится недруг злой
 Над нами,
 Над нами, —
Я в добрый час увидел яр!

* * *

Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
На весах пусть блещут лалов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом!

Пусть я стану горсткой праха,
Яду я приму без страха,
Пусть придёт указ от шаха, —
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом!

Пусть сверкают дивных лалов горсти, горсти,
Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти,
Не отдам, не разлучу тебя я с другом, равным другом!

* * *

Роза шлёт весть соловью: мол, расцвела, — ожидает,
Чтоб над ветвями порхал, их подняла, ожидает,
Чтобы звенели весны колокола, ожидает.
А соловей: нет, меня мак, у села, ожидает.

Молвила роза в слезах: «Маку вверяться не надо,
Помни, скиталец, тропу в гущу знакомого сада».
Пусть в забытии был Ростом — недругов тщетна засада.
Он победитель, его в мире хвала ожидает.

Сетует роза: «Тебя я прокляну, вероломный,
Минул апрель, минул май, розы не видишь ты скромной»;
Это всё козни судьбы, старой карги неумной.
Умер Фархад, и Ширин смертная мгла ожидает.

Исстари всё ж соловьи розу зовут своей милой,
Равную ж розе, молю, боже, спаси и помилуй,
Преданный Саят-Нова ждать будет и за могилой,
Так, как могила слуги шаха ждала, ожидает.

* * *

О царь, люби закон и суд, не будь жесток, коль жизнь мила,
Виновен я — повелевай, швырни в поток, коль жизнь мила,
Но не губи, не истребляй надежд исток, коль жизнь мила,
Уедешь ли — бери с собой на юг, восток, коль жизнь мила.

Ютится роза близ воды, прохладой веет сад для ней,
Зелёный лист и алый цвет — созвучный песне лад для ней,
И все цветы ковром царей вокруг стелются, горят для ней,
От глаз ворон убереги, о дуб, цветок, коль жизнь мила.

Не быть вороне соловьём — я в этом заверенье дам,
Средь всех красивейших цветков, лишь розе предпочтенье дам.
И, кто с серпом срезать придёт, тому своё презренье дам,
На страже будь, храни, о шип, родной росток, коль жизнь мила.

Из дальних стран к нам соловей свой звон несёт по всем садам.

.
Саят-Нова, пронзив сердца, нам песнь поёт по городам.
О, джаваир, небесный лал — мой лепесток, коль жизнь мила.

* * *

Я вкус утратил к бытию, устал от мира — сладу нет.
Увяла роза сердца вдруг — веселья нет, отрады нет.
И каждый замкнут на своём, ни друга нет, ни брата нет.
Вздыхают все, уставясь в тьму, и в радости награды нет...

Я горьким словом уязвлён, от уст злоречных плачу я.
Друзья врагами стали вдруг, от бессердечных плачу я.

От рук чужих, от глаз чужих, в сомненьях вечных плачу я:
Не верю больше никому — ни друга нет, ни брата нет.

Эй, справедливость, эй, судья, — кто не прощает славы мне?
В чём я виновен, расскажи: всё надо знать по праву мне!
Ты в траур облачил меня и протянул отраву мне...
Ни благородства, ни души, в тебе того, что надо — нет.

Глянь — сердце горечью полно и горестями голова.
Вмиг место заняли моё — из круга вышел я едва...
Пришёл твой возраст, говорят, плачь и горюй, Саят-Нова...
Эй, вах, нет каманчи в руках, бокала нет — улады нет.

* * *

Яр, что в словах и «да» и «нет» мешает — осуждаю я.
Тех, кто безверие сынам внушает — осуждаю я.
Кто соловья расцветших роз лишает — осуждаю я.
Кто надо всем возвысить зло решает — осуждаю я.

Богобоязненных князей на свете не осталось, нет.
Съел сильный слабого — причём в ответе не остался, нет.
Дев, верящих в загробный мир, заметьте, не осталось, нет.
Когда — «на помощь!» крику плач мешает — осуждаю я.

Страдания мира — боль моя: как свет от горя уберечь?
О совести, о нищете и о добре веду я речь...
О правде речь Саят-Новы, о лжи, разящей, словно меч...
Кто обездоленных всего лишает — осуждаю я.

ПРИМЕЧАНИЯ

Средневековая армянская лирика впервые была представлена на русском языке в подготовленной В. Я. Брюсовым антологии «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней» (М., 1916). Во вступительной статье к антологии Брюсов точно и ёмко охарактеризовал многих выдающихся поэтов средневековой Армении. «Средневековая армянская лирика, — писал Брюсов, — есть одна из замечательнейших побед человеческого духа, какие только знает летопись всего мира» (с. 7).

В первую книгу двухтомника «От “Рождения Ваагна” до Паруйра Севака» вошли переводы из брюсовской антологии «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней», из «Антологии армянской поэзии» (под редакцией С. С. Арутюняна и В. Я. Кирпотина, М., 1940) и, главным образом, из «Армянской средневековой лирики» (вступительная статья, составление и примечания Л. М. Мкртчяна, Л., 1972), а также из двухтомника «Армянская классическая лирика» (вступительная статья, составление и примечания Л. М. Мкртчяна, Ереван, 1977).

При подготовке двухтомника к печати некоторые мои товарищи выразили сомнение по поводу заголовка. «Рождение Ваагна» как бы знаменует собой рождение армянской поэзии, её начало. Что касается имени Паруйра Севака, вынесенного в заголовок, то здесь имеется в виду поэзия Севака. Кроме того, Севак — признанная величина новейшей армянской поэзии.

За пределами двухтомника осталась целая плеяда интересных поэтов, идущих по времени вслед за Севаком и определяющих развитие сегодняшней армянской поэзии. Назрела, разумеется, необходимость уже теперь подготовить специальный том на русском языке, посвящённый армянским поэтам среднего и молодого поколения.

В примечаниях комментируются непонятные для современного читателя исторические события или библейские сюжеты, положенные в основу ряда произведений, географические названия, а также армянские слова и термины.

НАРОДНАЯ ЛИРИКА

Из древнейших песен

Рождение Ваагна. Фрагмент языческой народной песни. Записан Мовсесом Хоренаци — одним из образованнейших людей V в. В своей «Истории Армении», созданной по предложению армянского просвещённого князя Саака Багратуни, он использовал армянские народные предания и эпос языческой поры. *Ваагн* — древнеармянский языческий бог солнца и грома. Хоренаци пишет: «Мы собственными ушами слышали, как пели эту песнь в сопровождении бамбирна. Затем в этой песне воспевали борьбу Ваагна с драконами и победу над ними. Всё воспеваемое в честь его имело большое сходство с подвигами Геракла. Пели также о причислении его к сонму богов; в стране же иверов ему была воздвигнута статуя, которой приносили жертву».

О царе Арташесе. Записано Мовсесом Хоренаци. Последние две строчки даны здесь в переводе Н. Эмина. *Арташес* — древнеармянский царь, живший во II в. до н. э., *аланы* — осетины.

Воспоминания Арташеса. Отрывок взят из сочинений Григора Магистроса (X — XI вв.). — См.: Григор Магистрос, Письма, Александрополь, 1910, с. 87 (на арм. яз.). Магистрос замечает: «Говорят, что эти стихи сказал Арташес в час своей смерти». «Воспоминания Арташеса» комментировались по-разному Г. Алишаном, Н. Эмином, Г. Халатянцем. Согласно Л. Хачикяну (его комментарии представляются наиболее убедительными),

умирающий Арташес желал бы видеть дым, а может быть, полагает Хачикян, и туман (в подлиннике слово, которое означает и дым и туман) зимой, в январе. Хачикян считает, что в подлиннике слово «тцхан» (традиционно это слово переводится как «очаг») употребляли в древней и средневековой Армении как синоним слова «январь». Учёный приводит соответствующий случай из средневековой переводной армянской литературы. Поэтому в нашем переводе: не «дым очага», а «дым дымарей в январе». *Навасард* — название первого месяца года в языческой Армении. По современному календарю начало месяца навасард приходится на середину августа. Умирающий Арташес, как замечает Хачикян, вспоминает именно эти месяцы (январь и навасард), так как на них приходились всенародные праздники в честь языческих богов, сопровождавшиеся царской охотой. — См.: Левон Хачикян, Об эпическом отрывке относительно Арташеса 1-го, сохранившемся у Григора Магистроса. — Сб. «Литературные разыскания», Ереван, 1946, с. 405 — 424 (на арм. яз.).

Средневековые народные песни

Трудовые песни

Самая ранняя из дошедших до нас рукописей с записями народных песен, если не считать гохтанских стихов, записанных ещё в V в. М. Хоренаци, относится к 1608 г. Основная масса записей сделана уже в XIX в. На некоторых средневековых народных песнях видны следы позднейших наслоений. Но в целом (по языку, образам и примитиву мелодии) это, конечно, песни средних веков. Переводы Н. Гребнева по кн.: «Трудовые песни армянского народа». Редакция, вступительная статья и составление Арама Ганалаяна, Ереван, 1937 (на арм. яз.).

«Ёр, ёр, ёр, ёр...» — напев, сопровождающий работу крестьянина-пахаря.

Оровел — песня пахаря, а также припев в крестьянских песнях.

Песня пахаря. *Хоо* — окрик для понукания волов.

Сеятель. *Чувяки* — мягкая обувь без каблуков. В подлиннике «чарух» — род лаптей, изготовленных из кожи.

Песня полольщиц. *Масис* — армянское название горы Арарат. Название Арарат также общеупотребительно в армянском языке.

Песня мотыжницы. *Кунжут* — масличное растение.

Песня косаря. *Джан* — буквально: душа, тело. Употребляется как ласковое обращение в значении: милый, милая или дорогой, дорогая.

Песня жатвы. *Яр* — возлюбленная, возлюбленный (в армянском языке отсутствует категория рода). *Ле-ле-хоп* — звукоподражание, соответствующее ритму жатвы.

Песня жернова. *Долма* — армянское блюдо, вроде голубцов; здесь имеется в виду так называемая постная долма, начинённая крупами.

Маленький земледелец. *Хелев-хелев* — восклицание при понукании животных.

Песня выпечки хлеба. В песне рассказывается о процессе выпечки армянского хлеба — лаваша. Это тонко раскатанное тесто. Перед самой выпечкой его подбрасывают вверх и подхватывают на лету, отчего тесто делается ещё тоньше. Затем тоненькие листы настилают на вытянутую «подушку» и с размаху ударяют ею о раскалённые стены круглой вырытой в земле печи, называемой тоныром. Хлеб пристаёт к раскалённому камню. Руку с «подушкой» отводят и настилают на неё новое тесто. Весь этот процесс по ритму воспроизведён в восклицании «хеп-хо-хеп». *Шамам* — небольшая особенно ароматная дыня; по форме и размеру напоминает яблоко.

Песня маслобойки. *Мацун* — кислое молоко, приготовленное особым способом.

Прялка. *Керман* — город (Иран), славившийся на Востоке коврами и шальями. *Ашуг* — народный поэт и певец.

Песни любви

Любовные, обрядовые песни, плачи, заклинания, песни об изгнанниках-скитальцах переведены в основном по следующим изданиям: А. С. Мнацаканян, Армянские средневековые народные песни, Ереван, 1956 (на арм. яз.); «Армянское народное творчество», Избранное, Составил Гр. Григорян, Ереван, 1956 (на арм. яз.).

«Склон вершины Мндзурской...» *Мндзурские горы* — в Западной Армении. Мндзурские горы вместе с Антитавром называют Внутренним Тавром.

Поцелуй был сладок. *Гарманц* — в подлиннике Хорманц, то есть район, населённый ромейцами (греками). Здесь речь идёт о ромейском квартале, расположенном на склоне холма.

«Ах, яр, ямман, ямман, ямман!..». *Яр* — см. примеч. к «Песне жатвы». *Ямман* — восклицание, выражающее чувство скорби, огорчения, горя.

Песня на день Преображения. *Ван* — город и область в Западной Армении. *Воскресенье роз* или День роз — то же, что и праздник Преображения господня. Церковный праздник, установленный в честь великого события, которое якобы имело место в жизни Христа. Согласно Евангелию, Христос со своими учениками поднялся на высокую гору и преобразился перед ними: «И просияло лицо его, как солнце, одежды его сделались белыми, как свет».

«Как из яблок шербета — твой румяный лик!..». *Шербет* — сладкий напиток. *Каманча* — струнный смычковый инструмент.

Песни изгнания

Я — несчастная пленница. *Гусан* — народный музыкант, сочинитель и исполнитель песен.

Журавль. *Халев* — Алеппо, город в Сирии.

Песни о природе

Песня аиста. *Варагские горы* — находятся в Западной Армении, восточнее города Вана и севернее местности Айоц-дзор.

Обрядовые песни

Песня облачения царя. В народных песнях жениха и невесту называют царём и царицей.

Свадебная песня («Царю что дам я...»). *Гамаспюр* — цветок, обладающий, согласно народным преданиям, чудодейственными свойствами. По народному поверью, человек, который съест гамаспюр или натрёт им своё тело, приобретёт всевозможные знания и умение говорить на всех языках.

Свадебная песня («С божьего благословения...»). *Креститель Карапет* — Иоанн Креститель. Соловей, лань степная, праведная пчела, и т. д. — здесь: люди в масках, принимающие участие в театрализованной свадебной церемонии.

Бет дизан — дословно: большая копна. Прямая связь этих слов с текстом песни утеряна. По всей вероятности, они имеют значение запева. *Вардапет* — в армянской церкви учёный монах, архимандрит.

Плачи

Песня о князе Мокском. Нетрудно заметить некоторую натяжку в том, что «Песня о князе Мокском» публикуется в разделе «Плачи». В песне есть черты баллады, есть в ней эпическое дыхание. В своих воспоминаниях о Комитасе Аветик Исаакян пишет: «Комитас только что набрёл на “Мокац Мирзу” и обработал эту величественную эпическую песню с абсолютным совершенством и мастерством...».

«Эта песня очень старая, — сказал он, — возможно, родилась она во время язычества. В ней слышны могучие голоса, гордое мужество. Это идёт от наших высоких гор, гремящих вод, грозных утёсов. Должно быть, храбрые патриархи-родоначальники пели эту песню. Наверное, Оган-Горлан её пел, а Давид Сасунский её слушал». (Ав. Исаакян, Проза, Изд-во «Айастан», Ереван, 1975, с. 254).

Перевод печатается по книге: Н. Тихонов. Дни открытий. Изд-во «Айастан», Ереван, 1970, с. 157 — 160.

Плач матери. *Эким* — знахарь, врач.

Заклинания

Заклинание на волка. *Саркис* (святой Сергей), по преданию, был знатным римским сановником. После того, как он принял христианство, его мучили, водили в женских одеждах и с железным обручем на шее по городу. Обезглавлен ок. 196 — 303 г. *Тем жезлом ли Моисеевым. Моисей* — библейский пророк, который вывел древних евреев из Египта. По библейской легенде, пророк Моисей мог превращать свой жезл в змею, вызывать и излечивать проказу, превращать воду в кровь. *Тем копьём ли свят-Егория*. Имеется в виду святой Георгий, исповедник христианства, обезглавленный после восьмидневных мучений. Согласно традиции, изображался на иконах юношей-воином на белом коне, с копьём, поражающим дракона. *Той ли верой свят-Григория*. Имеется в виду Григорий Просветитель (IV в.), распространитель христианства в Армении.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛИРИКИ

Иоанн Мандакуни

«Преображеньем твоим на горе...» — см. примечания к «Песне на день Преображения».

Комитас

«Жёны, славны страной и народом своим...». Стихотворный гимн посвящён св. Рипсимэ и её подругам, принявшим мученическую смерть за христианскую веру. По преданию, Рипсимэ была необыкновенно хороша собой и все язычники стремились завладеть драгоценной жемчужиной, то есть Рипсимэ. Рипсимэ и её подруги родом были не из Армении, но, пожертвовав собою, способствовали христианизации чужой для них страны Армении. В 301 г. христианская религия стала государственной религией Армении. Рипсимэ совершила свой подвиг и в конце III в. при армянском царе Трдате (298 — 330), который был поначалу язычником, но затем стал приверженцем христианства. При нём Армения приняла христианство. *Точило* — жом, устройство для выжимки виноградного сока.

Давтак Кертог

Плач на смерть великого князя Джеваншира. В подлиннике начальные буквы строф подобраны таким образом, что они воспроизводят армянский алфавит (оригинал состоит соответственно из 36 строф). Поэтому Каганкатваци пишет, что Кертог «стал петь по алфавитному заглавию» («История Агван Моисея Каганкатваци, писателя X века». Перевод К. Патканьяна. СПб., 1861, с. 182). *Джевانشир* княжил в Гардманке в 637 — 670 гг. *Исайя* — библейский пророк, предсказавший Иудее всю опасность союза с Ассирией. «Стрелы его заострены, — предупреждал Исайя, — и все луки его натянуты; копыта коней его подобны кремню, и колёса его — как вихрь» (Исайя, гл. 5, с. 28). *Светлого крестовоздвиженья день* — один из праздников христианской церкви, приходится на воскресенье между 11 и 17

сентября. Исходя из этой строчки, можно предположить, что Джеваншир был убит в середине сентября 670 г. *Моавитяне* — племя, происходившее от Моава, сына Лота, и жившее на востоке от Иордана и Мёртвого моря. Пророк Исайя предсказал гибель моавитян. *Ирод Великий*, царь Иудеи в 40 — 4 гг. до н. э., отличался крайней жестокостью. По преданию, хотел убить младенца Христа. «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже по времени...» (Матфей, гл. 2, с. 16). *Арей* — бог войны, сын Зевса и Геры. *Священная кровь из ребра Иисуса* — по преданию, когда Христа распяли, один из воинов ударил копьем в ребро Иисуса, откуда «тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн, гл. 19, с. 34). *В опустевшей стране я потомков сирен, а не страусов стаи сегодня оплачу*. Стихи восходят к древнегреческой мифологии (сирены — полуптицы-полуженщины, соблазнительные красавицы, чарующие своим голосом), а также — к образам Библии, в частности, к книге пророка Исайи: «Но будут обитать в нём звери, пустыни и дома наполнятся в нём филинами; страусы поселятся и косматые будут скакать там» (Исайя, гл. 13, с. 21). *Волны бурные тивериадских глубин*. Имеется в виду Тивериадское озеро в Палестине, называемое также Галилейским морем (озером). *Гунны* — кочевой народ, по-видимому, отчасти тюркского, отчасти монгольского происхождения. В первой трети V в. гунны объединились под властью короля Аттилы. С берегов Тиссы гунны совершали далёкие опустошительные походы в Малую Азию, в Армению и даже в Месопотамию.

Григор Нарекаци

Песнь сладостная. Стихотворение навеяно библейской «Песнью песней».

Вардавар — праздник роз. Так в Армении назывался праздник Преображения господня (см. примеч. к «Песне на день Преображения»). *Вардавар* — название армянского языческого праздника, перешедшего в предания христианства. *Царь-псалмопевец* — царь Давид (конец XI — начало X в. до н. э.). Ему приписывается авторство Псалтыря — книги псалмов. В данном случае имеется, по всей вероятности, в виду не псалом Давида, а то, как он воспевал Ковчег завета, величайшую святыню израильтян. Давид и сыны израилены, сказано в Библии, «играли на всяких музыкальных орудиях из кипарисового дерева, и на цитрах, и на псалтырях...» (Вторая книга царств, гл. 6, с. 5).

Книга скорби. Состоит из 95 глав. Это около десяти тысяч строк. Количество строк колеблется в зависимости от того, как делить главы на строчки: в подлиннике текст не разделён на стихи.

Глава 1. *Иаков*, согласно библейскому преданию, — основатель рода Израилева, обманым путём получивший право первородства. В подлиннике говорится об Иакове со ссылкой на книгу пророка Исайи: «И когда вы простираете руки ваши, я закрываю от вас очи мои; и когда вы умножаете моления ваши, я не слышу: ваши руки полны крови» (Исайя, гл. 1, с. 15). *Вавилон* — буквально: врата божьи, символ порочного и греховного города. Согласно преданию, в Вавилоне возводили башню, которая должна была достать до самого неба. Разгневанный бог смешал языки строителей, возникло замешательство, путаница: строители перестали понимать друг друга. *Скиния* — куща, шатёр, походная церковь у израильтян. *Селом* — город, в котором, по библейскому преданию, разместили скинию и ковчег завета — величайшую святыню израильтян. *Давид* — царь израильский, из городка Кариаф-Иарим перевёз в Иерусалим ковчег завета. *Кивот*, или киот — застеклённая створчатая рама или шкафчик для икон, здесь имеется в виду ковчег завета. По библейскому преданию, филистимляне в битве при Афеке разбили израильтян и захватили ковчег завета. Оказалось, однако, что ковчег завета приносит филистимлянам несчастья, и они его вернули израильтянам, которые установили его в городке Кариаф-Иарим. *Апостол Павел* —

согласно церковной традиции, фарисей Савл, бывший ярим гонителем христианства. После чудесного видения стал не менее ревностным его проповедником, приняв с новой религией и новое имя — Павел. Отсюда крылатое выражение: превратиться из Савла в Павла. *Моисеевы скрижали* — две каменные «дощечки», полученные Моисеем от бога Яхве. На них были высечены десять заповедей народу Израиля. *Моисей* — см. примеч. к «Заклинанию на волка». *Филистимляне* — народ, живший в древности в Палестине. Филистимляне враждовали с израильтянами, царь которых Давид, как о том рассказывает Библия, сломил могущество филистимлян. *Эдомитяне*, или идумеи, согласно библейскому преданию, происходили от Исава, брата Иакова, враждовали, как и филистимляне, с израильтянами, испытывая к ним родовую ненависть.

Глава 2. *Содом* — древний город в долине Сиддим при устье реки Иордан. По библейскому преданию, за развращённость нравов и нечестивость горожан бог Яхве наказал города Содом и Гоморру, на них обрушился ливень серы и огня, города были сожжены. *Как Ханаан, грехом я осквернён*. В подлиннике: «Я подлее, чем Ханаан». Ханаан — сын Хама. Хам был сыном Ноя. Когда однажды Ной опьянел, повествует легенда, и лежал голый у себя в шатре, Хам увидел наготу отца своего и рассказал об этом двум своим братьям — Симу и Иафету, которые обратили лица назад, чтобы не видеть наготы отца, и прикрыли его. Проснувшись, Ной страшно рассердился на Хама, и не только на Хама, но и на его сына Ханаана. Ной сказал: «Проклят Ханаан — раб рабов будет он у братьев своих» (Бытие, гл. 9, с. 25). *Амалик*, согласно Библии, — предок разбойничьего племени амаликитян, разгромленных царём Саулом, а также название самого племени. *Тир* — древний финикийский город, главная часть которого была основана на острове, отделённом от материка проливом шириной в 1 километр. В 332 г. до н. э. город был взят и частично разрушен Александром Македонским. По библейским преданиям, Тир был разрушен за надменность, за то, что «накопил серебра, как пыли, и золота, как уличной грязи» (см. примеч. к гл. 39). *Сидон* — древний финикийский город, был разрушен в XII в. до н. э. филистимлянами, а в середине IV в. до н. э. — персами, которые сожгли город. *Я — Иерусалим, священный град Пред тем, как от него лишь пыль осталась*. В 586 г. до н. э. Иерусалим был полностью разрушен вавилонским царём Навуходоносором II. *Талант* — древняя весовая и денежная единица. Известна притча о зарытых в землю, неиспользованных талантах — деньгах. Отсюда выражение: зарыть талант в землю. *Голос Изрееля*. Согласно библейскому сказанию, пророк Осия, по слову бога, взял себе в жёны блудницу, она родила ему сына, которого Осия назвал Изреелем, как того хотел бог. Затем бог сказал, что блудница по его воле познает его, господу, и в тот день «земля услышит хлеб и вино и елей, а сии услышат Изреель» (Осия, гл. 2, с. 22).

Глава 9. *Как та смоковница* и т. д. По преданию, Иисус Христос, входя в Иерусалим, проклял смоковницу (фиговое дерево), не дававшую плодов. *В притче праведной твоей*. Имеется в виду притча, которую, по евангельскому преданию, рассказал Христос: заимодавец призвал двух своих должников (один был должен ему пятьсот динариев, а другой — пятьдесят) и сказал, что он им дарит эти деньги, при этом больше обрадовался тот, который больше задолжал.

Глава 21. Велиар — Вельзевул, злой дух, властитель ада.

Глава 24. *Могу ли в град, где первенцы, вступить*. Град первенцев — выражение, входящее к Евангелию: «Но вы приступили... к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах» (Послание к евреям, гл. 12, с. 22 — 23). *Мне ль быть внесённым в книгу Бытия, Когда уже я вычеркнут оттуда?* Эти строки навеяны Библией: «Господь сказал Моисею: того, кто согрешил передо мною, изглажу из книги моей» (Исход, гл. 32, с. 33). *И, в облике представи триедином*. Согласно христианскому вероучению, бог един в трёх лицах: бог — отец, бог — сын, бог — святой дух.

Глава 25. *Исайя* — библейский персонаж, описавший гибель Иерусалима: «Правда обитала в ней, а теперь — убийцы. Серебро твоё стало изгарью, вино твоё — испорчено водою. Князья твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты, и дело вдовы не доходит до них» (Исайя, гл. 1, с. 21 — 22). *Лазарь* — евангельский персонаж, брат Марфы и Марии. Христос прослезился над могилой Лазаря; по преданию, воскресил его из мёртвых. *Иуда* — один из учеников Христа, по преданию, предал его. Христос сказал о нём: «Горе тому человеку, которым сын человеческий предаётся: лучше было бы этому человеку не родиться» (Матфей, гл. 26, с. 24). *Иона* — библейский пророк, разгневал бога, поэтому корабль, на котором он плыл, попал в страшную бурю. Моряки, узнав, что причина их несчастий Иона, выбросили его за борт. Однако бог приказал киту проглотить Иону, дабы тот не утонул. Пророк во чреве кита провёл три дня и три ночи, распевая благодарственные гимны господу. По истечении трёх суток кит «изверг» Иону на сушу. *И капли благодати просочатся Из твоего пронзённого ребра.* — см. примеч. к «Плачу на смерть великого князя Джеваншира» Давтака Кертога.

Глава 26. *Чтоб каждый стих вершился звуком «и», Что означает также цифру «двадцать».* В древней Армении пользовались алфавитным принципом нумерации. Числовое значение букв устанавливалось по месту, занимаемому той или иной буквой в алфавите. Армянская буква «и» обозначала число 20. Алфавитная нумерация употребляется в Армении и сейчас для обозначения глав в книгах, строф в стихотворениях, томов собраний сочинений. Вторую и третью части 26-й главы Нарекаци рифмует на букву «и». Рифма «и», имеющая значение числа, должна подчёркивать, по замыслу автора, сколь велики его долги.

Глава 39. *Иезекииль* — библейский пророк, в «видениях божьих» видел книгу, на которой было написано: «Плач, и стон, и горе». *И правда, может, схож я с той блудницей.* В книге пророка Исайи сказано, что с Тиром, разрушенным за надменность, будет то же, что было с блудницей (см. примеч. к гл. 2). «Возьми цитру, — сказали блуднице, — ходи по городу, забытая блудница. Играй складно, пой много песен, чтобы вспомнили о тебе» (Исайя, гл. 23, с. 16).

Глава 46. *Онагр* — дикий осёл. *Вертоград* — сад, виноградник; в данном случае имеются в виду райские кущи, из которых, по преданию, был изгнан Адам.

Глава 55. *Нетленный стих Давидова псалма* (см. об этом во вступительной статье, с. 13). *Иов* — библейский персонаж, олицетворение богобоязненности и смирения.

Глава 60. *Псалтырь* — см. примеч. к стихотворению Г. Нарекаци «Вардавар». *Псалом сорок девятый псалтыря.* В нём говорится, в частности: «Когда видишь вора, сходишься с ним, и с прелюбодеями общаешься. Уста твои открываешь на злословие, и язык твой сплетает коварство». *Как говорил о том апостол Павел.* Имеются в виду слова апостола Павла: «Стану молиться духом, стану молиться и умом, буду петь духом, буду петь и умом». (Первое послание к коринфянам, гл. 14, с. 15). *Скиния* (см. примеч. к гл. 1). *Астарты, Милхом* — языческие боги. *Тарахат* — языческий идол. В Библии повествуется, как «во время старости Соломона, жёны его склонили сердце его к иным богам... И стал Соломон служить Астарты, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской (Третья кн. царств, гл. 11, с. 4 — 5). *Иаков* — библейский персонаж.

Глава 71. *Сауловы деянья совершаю, Давидово обличие приняв* — намёк на библейское сказание, согласно которому царь Саул был греховен, а царь Давид — праведен. *Авраам* — библейский персонаж, патриарх. Здесь Нарекаци хотел, вероятно, сказать, что его жизнь издавна греховна, потому даже праотец веры Авраам напоминает ему об этом. По преданию, *Моисей* (см. примеч. к «Заклинанию на волка») не раз устрашал словом и делом израильтян, которых он вёл в землю обетованную. Согласно библейскому сказанию, город Иерихон был разрушен Иисусом *Навином*. Всё богатство разграбленного города было под

заклятием: добыча должна была отойти к сокровищнице господней. Но Ахан украл из заклётого одежду, серебро и золото. За это бог наказал всех израильтян, которые потерпели жестокое поражение от жителей города Гайи. Согласно библейскому преданию, царь Саул во время припадка бешенства подверг избиению многих *гаваонитян*, поэтому уже в дни царствования Давида там был голод. По требованию гаванитян, Давид отдал им семь человек из потомков Саула. Гаванитяне повесили их. *Навал* — буквально: безумный. По преданию, Давид послал к нему десять отроков за дарами; Навал же выгнал их ни с чем, хотя был богат. Давид вознамерился жестоко отомстить Навалу, он шёл «на пролитие крови», но жена Навала поспешила к Давиду с дарами и остановила его. *Илия* — библейский пророк. По преданию, царь Охозия, которому Илия предсказал скорую смерть, посылал за пророком стражников, дабы они привели его. Но дважды, по слову Илии, сходил с неба огонь, спаливший стражников. Согласно Евангелию, *Анания* и его жена *Сапфира* продали своё имение и утаили от апостола Петра часть вырученных денег. За это апостол Пётр покарал их смертью. *Апостол Павел* — см. примеч. к гл. 1. *Иона* — см. примеч. к гл. 25.

Глава 80. *Родившая того, кто триедин* — см. примеч. к гл. 24.

Григор Магистрос Пахлавуни

Призыв к бою. Текст стихотворения на армянском языке вместе с комментариями к нему взят нами из неопубликованной работы доктора филологических наук Г. В. Абгаряна. *Прислужник Мономаха. Подагрика слуга и приближённый.* Император (1042 — 1055) Константин IX Мономах болел подагрой. При нём в 1045 г. столица Армении г. Ани был взят византийцами. *Айк* — родоначальник армянского народа. *Бел* — у ассирийцев, вавилонян, халдеев был богом солнца, владыкой неба и света, создателем мира и людей. По сведениям древних, один из ассирийских царей назывался Белом. В армянской мифологии воспевается борьба Айка с Белом. *Арам* — защитник границ армянской земли. *Халдеи* — древние семитические племена.

Ованес Саркаваг Имастасер

Мудрая беседа, которую вёл в час прогулки философ Ованес Саркаваг с птицей, именуемой пересмешник. Переведено в отрывках; в подлиннике около двухсот строк. *Хоть не была ты в горнице на благовествовании.* Имеется в виду евангельское предание, согласно которому апостолы были крещены святым духом. Собрались они в горнице с «некоторыми жёнами» и Марией, матерью Иисуса, и «явились им разделяющие языки как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» (Деяния, гл. 2, с. 3). *Ни башен я не строила, ни бога не кляла* и т. д. Имеется в виду предание о Вавилонской башне (см. примеч. к гл. 1 «Книги скорби» Г. Нарекаци). *Амфион из Фив* — сын Зевса и Антионы, обладал божественным даром игры на кифаре.

Нерсес Шнорали

Небо. *Отделены, как заметил ещё Моисей, Верхние воды от нижних стихией моей.* Моисей — см. примеч. к «Заклинанию на волка». Имеется, очевидно, в виду библейская легенда, согласно которой море перед Моисеем стало сушей: «И простёр Моисей руку свою на море, и гнал господь море сильным восточным ветром всю ночь, и сделал море сушею и расступились воды» (Исход, гл. 14, с. 23). *Я покрываю собою четыре стихии*, т. е. землю, воду, воздух, огонь. По древним преданиям и согласно учениям древних философов, мир создан из вышеназванных четырёх стихий или первоэлементов.

На распятие господне. Согласно Евангелию, изжаждавшегося Иисуса напоила водой из колодца *самаритянка* из города Сихарь. *И сотник римских войск, желчь с уксусом*

смешав. По преданию, когда Христа распяли, один из римских сотников взял губку, наполнил её уксусом и дал ему пить. *Днём солнце было мглой затем облечено*. По евангельскому преданию, когда Иисуса распяли, «от шестого часа тьма была по всей земле до часа девятого». *«Или! Или!..»*. Перед смертью распятый Христос воскликнул, согласно преданию: «Или, Или! Лама савахфани?», то есть «Боже мой, боже мой! для чего ты меня оставил?». *Завета Ветхого порвался завес — в миг*. Имеется в виду смена так называемого Ветхого завета Новым заветом. *Авраамовы наследники*. Имеется в виду древнееврейский патриарх Авраам, которому было обещано потомство, многочисленное, как звёзды на небе и песчинки на морском берегу.

«Утро света...» — одно из самых известных стихотворений Н. Шнорали, ставшее песней. Оригинал, как и «Плач на смерть великого князя Джеваншира» Давтака Кертота, воспроизводит армянский алфавит, соответственно в стихотворении 36 строф — в каждом из трёхстиший повторяется одна и та же буква алфавита в начале строчки:

А
А
А

Б
Б
Б

В переводе эту особенность оригинала сохранить не удалось. Перевод печатается впервые.

Ованес Ерзнкаци Плуз

Ованес и Аша. *Что же значит яблоко это, Наземь брошенное тобой?* По обычаю, яблоками кидают в женихов. *Гяур* — так называют турки всех немусульман. *Кади* — духовный судья у мусульман. *«Аллилуйя»* — возглас в торжественных песнопениях христианского богослужения. *Восемь выучи наших канонов И псалмы в писаньи святом*. Имеются в виду восемь основных циклов (канонов), на которые делятся псалмы.

Костандин Ерзнкаци

Песня чистой весны. *Лал* — рубин. *Чинмачин* — Китай, здесь употребляется как обозначение далёких сказочных стран. *Рейхан* (рехан) — ароматическая съедобная трава.

Песня любви. *Саз* — струнный (щипковый) музыкальный инструмент.

Борьба плоти и духа. *Меня всех четырёх стихий* — см. примеч. к стихотворению Н. Шнорали «Небо».

Фрик

К богатым. *Лазарь*. Имеется в виду евангельская притча о нищем по имени Лазарь и богаче, который при жизни ни разу не помог нищему, за что попал после смерти в ад, тогда как нищий оказался в раю. *Пурпур* — красящее вещество красновато-фиолетового цвета, а также дорогая ткань, окрашенная пурпуром. *Виссон* — название ткани, которая в древности и в средние века была предметом роскоши.

Жалобы. *Агаряне* — арабы. По Библии, Измаил, сын египетской рабыни Агари и патриарха Авраама, стал родоначальником арабских племён, прозванных по имени его матери агарянами. *Далмат* — так называли жителей Далмации или тех, кто был родом из Далмации, области на восточном берегу Адриатического моря. В данном случае речь идёт о далмате, проживающем в Испании. *Алан* — см. примеч. к песне «О царе Арташесе». *Иль*

ввергли в гнев тебя армяне, Как некогда израильтяне? По библейскому преданию, израильтяне, которых Моисей вёл в Ханаан (страна, где, по преданию, поселился патриарх Авраам, земля обетованная), трусили и были наказаны богом. Приговор гласил, что ни один израильтянин старше двадцати лет не получит возможности видеть Ханаан. В течение сорока лет они должны были скитаться в пустыне. *«Аллилуйя»* — см. примеч. к стихотворению Ов. Ерзнкаци «Ованес и Аша».

Хачатур Кечареци

«Я смертный, сотворён из праха...». *Из четырёх стихий земных* — см. примеч. к стихотворению Н. Шнорали «Небо».

Наапет Кучак

«Черноброва ты, тонкостанна...». *Шамат* — см. примеч. к «Песне выпечки хлеба».

«Пророк Давид, тебя молю...». *Давид* — см. примеч. к стихотворению Г. Нарекаци «Вардавар».

«В ту долгую ночь лишь раз, лишь два...». *Яр* — см. примеч. к «Песне жатвы».

«Мне месяц ясный говорит...». *Гариб* — скиталец.

Памятные записи

Переводы по следующим изданиям: «Памятные записи армянских рукописей XIV века». Составил Л. С. Хачикян, Ереван, 1950 (на арм. яз.); «Памятные записи армянских рукописей XV века». Составил Л. С. Хачикян, Ереван, 1968 (на арм. яз.).

Памятная запись XIV века, принадлежащая переписчику Библии Мхитару Анеци. *Мхитар Анеци* — переписчик рукописей, биография неизвестна. *Аваг* — заказчик рукописи. *Хоран* — миниатюрные украшения в начале рукописных евангелий.

Памятная запись XIV века, принадлежащая переписчику Овану. *Ован* — переписчик рукописей, биография неизвестна.

Памятная запись XV века. *Хасан-Бек Ак-Кюнлу* или Узун Хасан — основатель государства Ак-Кюнлу (ум. в 1478 г.). *Нас знаком синим заклемили...* Христиане должны были нашивать на одежду чёрный или синий знак, дабы они были узнаны и преследуемы. *Харадж* — поземельная подать, которая после арабских нашествий взималась с христиан. *В злосчастном нынешнем году, Что под созвездьем Скорпиона.* Речь идёт о 1476 годе. *Гуржистан* (Гюрджистан) — Грузия. *Тепхис* — Тифлис. *Баграт* — царь грузинский (1466 — 1478).

Аракел Сюнеци

Из «Адамовой книги». В подлиннике этой лирической поэмы больше пяти тысяч строк. Переведена в отрывках. Известны три редакции «Адамовой книги», над которой работал поэт в 1401 — 1403 гг. Лучшей считается редакция так называемой «Первой Адамовой книги». Здесь публикуются отрывки из этой книги. Сюжет этой лирической поэмы, написанной частью в виде диалогов, восходит к известной библейской легенде об Адаме и Еве. Перевод — по кн.: Аракел Сюнеци, Адамова книга. Опубликовал М. Потурян, Венеция, 1907 (на арм. яз.). *Но перед тем, как дьявол завладеет Моей душой, как телом Моисея.* Имеются, очевидно, в виду духовные сомнения и колебания Моисея, библейского пророка, возникавшие, как думал Сюнеци, не без влияния злых сил.

Ованес Тлкуранци

Песня любви. *Златой ковчег* — «традиционное условное выражение, символизирующее женскую грудь» (примеч. В. Брюсова).

Не убей меня, любовь. *Мысыр* (Мсыр) — название египетско-сирийского халифата. В армянском народном эпосе «Давид Сасунский» «город Мсыр» — собирательное название египетско-сирийского халифата. *Хоросан* — провинция в Персии, известная в древности своим богатством, роскошью. *Абаш* — Эфиопия. *Емен* — Йемен. *Яздан*, или *Ездан* — город в Персии. *Хата* (Хута, Хта) — название Китая в средневековой армянской литературе.

Песня Ованеса о любви. В антологии «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней» (М., 1916) стихотворение опубликовано как песня некоего Ованеса, жившего в XV — XVI вв. Однако такие учёные, как М. Абемян, Б. Кюлсерян, полагают, что стихотворение принадлежит именно Ованесу Тлкуранци. — См.: Манук Абемян, Труды, т. 4, Ереван, 1970, с. 491 (на арм. яз.). *О! кровь мою ты пролила, чтоб алый сок для ног найти*. На Востоке женщины красят ноги хной. *Кидайте яблоки в меня!..* — см. примеч. к стихотворению Ов. Ерзнкаци «Ованес и Аша».

«Земля подобна раю стала...». *Поднёсший виноград к устам, Из рая изгнан был Адам...* Согласно библейскому преданию, бог запретил Адаму и Еве есть плоды с дерева познания добра и зла. Самый плод не назван, но считается, что это было яблоко. В армянской средневековой литературе запретный плод, наряду с яблоками, символизирует иногда виноград. Это можно объяснить, очевидно, тем, что в Армении издревле культивировался виноград.

Песнь о храбре Липарите. *Саркис* — см. примеч. к «Заклинанию на волка». *Торос* — армянский царь (XII в.) Киликийского армянского княжества (царства). *Мушег* — армянский князь из рода Мамиконянов (VIII в.), один из тех, кто возглавил борьбу армян за независимость в 773 — 775 гг. *Вардан* — Вардан Мамиконян, руководил восстанием армян против Персии в 450 — 451 гг. Пал в 451 г. в Аварайрской битве. *Тырдат* (Трдат) — см. примеч. к стихотворному гимну Комитаса «Жёны славны страной и народом своим...». *Джиган* (Джахан) — река в Киликии, впадает в Средиземное море. *Сис* — столица Киликийского армянского царства в XI — XIV вв. *Манчак* — эмир города Тарса, напавший в 1369 г. вместе с эмиром Алеппо Ишик Тимуром на столицу Киликийского армянского царства Сис. Бои за Сис продолжались несколько лет. Среди защитников армянской столицы отвагой и героизмом отличился спарапет (командующий войсками) *Липарит*, известный своими подвигами в борьбе против мамелюков. *Ован* (Иоанн). По предположению Н. Акиняна, речь идёт о сыне Липарита, который, как и отец, погиб в борьбе с египетскими мамелюками. — см. журнал «Андес амсориа», 1933, № 1, с. 135 (на арм. яз.).

Коль не было б мужей. *Твердил владыка: «Есмь я Соломон!»*. Соломон, сын царя Давида, — третий иудейский царь (972 — 932 до н. э.), прославившийся своей мудростью.

К смерти. *Ты мстишь Адамовым сынам*. По преданию, сыны Адама, люди, в ответе за то, что их прародители съели запретный плод. *Давид* — см. примеч. к стихотворению Г. Нарекаци «Вардавар». *Моисей* — см. примеч. к «Заклинанию на волка». *Авраам* — см. примеч. к гл. 71 «Книги скорби» Г. Нарекаци. *Исаак* — сын Авраама. По преданию, испытывая Авраама, бог велел ему принести в жертву любимого сына Исаака. Но когда Авраам занёс нож над Исааком, ангел остановил его. *Константин* — римский император Константин Великий (ок. 258 — 337). *Тиридат* (Трдат) — см. примеч. к стихотворному гимну Комитаса «Жёны славны страной и народом своим...».

Мкртич Нагаш

О жадности. *У жадного и бога нет*, — апостол говорит святой. Имеется в виду апостол Павел. *Католикос* — глава армянской церкви.

Аракел Багишеци

Песня о розе и соловье. Переведено в отрывках. *Гавриил*, то есть человек божий, один из семи архангелов, предсказавший, по преданию, деве Марии рождение Христа.

Григорис Ахтамарци

Песнь об одном епископе. *Точило* — см. примеч. к стихотворному гимну Комитаса «Жёны, славны страной и народом своим...».

Песня («Весна пришла! весна пришла...»). *Град Катай* — некогда знаменитый город в Восточном Туркестане. *Хоросан* — см. примеч. к стихотворению Ов. Тлкуранци «Не убей меня, любовь». *Аквамарин* — драгоценный камень сине-зелёного цвета. *Нунуфар* — кувшинка. *Гамаспюр* — см. примеч. к «Свадебной песне» («Царю что дам я...»).

Песнь о розе и соловье. *Поднялось солнце в небеса и до Овна дошло*, то есть был март месяц. Овен — зодиакальное созвездие; в начале нашей эры в созвездии Овен лежала точка весеннего равноденствия, солнце вступало в знак Овна в марте.

Песня любви. *Сабур* — алоэ.

Ты — рай для меня. *Нард* — лаванда, полукустарник, с сильно пахнущими голубыми или тёмно-синими цветами. *Калис* — мирта.

Мартiros Крымеци

Песнь, восхваляющая город Амасию. *Амасия* — город в северной части Малой Азии на берегу Чёрного моря. Михридат — понтийский царь Митридат IV, был в союзе с армянским царём Тиграном II (II в. до н. э.). *Айк* — см. примеч. к «Призыву к бою» Григора Магистроса Пахлавунни. *Ирис* — река на территории Малой Азии.

Нагаш Овнатан

«Ты мне сказала: “Настала весна” ...». *Маза* — закуски (олива, сыр, кусочки омара на хлебе и т. п.). *Арак* — восточная водка.

Песнь о грузинских красавицах. *Врастан* — Грузия.

Ты откуда прилетела, птица? *Шараб* — сладкий прохладительный напиток.

Петрос Капанци

Народу моему любимому. *Отмечен в книге о ровней и священной*, то есть в Библии. По библейскому преданию, Ноев ковчег причалил к горе Арарат (Армения). Кроме того, средневековые армянские историки считали, что армяне происходят от библейского Аскеназа, потомка Ноя. У пророка Иеремии сказано: «Поднимите знамя на земле, трубите трубою среди народов, вооружите против него народы, созовите на него царства Араратские, Минийские и Аскеназские...» (Иеремия, гл. 51, с. 27). Армянские историки полагали, что и здесь речь идёт, в частности, об армянах.

Григор Ошаканци

Плач о городе Ани. *Ани* — столица средневековой Армении. В 1045 г. город был взят византийцами, а в 1064 г. — турками-сельджуками. С падением Ани Армения утратила свою самостоятельность.

Арутин Саят-Нова

«Как соловей, томилась ты...». *Бюльбюль* — соловей.

«Твой силен ум...». *Ростом, сын Зала* — один из героев «Шахнаме» Фирдоуси. *Абаш* — см. примеч. к стихотворению Ов. Тлкуранци «Не убей меня, любовь».

«Друг, ты попал в сети любви...». *Сусамбар* — растение с ароматными ветвями. *Тар* — музыкальный щипковый инструмент.

«Ах, не нужен мне лекарь...». *Фархад и Ширин* — герои любовных поэм Низами и Навои.

«От любви, как Меджнун, горю...». *Шербет* — см. примеч. к песне «Как из яблок шербет — твой румяный лик».

«Ах, почему мой влажен глаз...». *Набат* — кристаллы топлёного сахара.

«Меня ты ранишь без ножа...». *Абаш* — см. примеч. к стихотворению Ов. Тлкуранци «Не убей меня, любовь». *Арабстан* — страна арабов. *Калат* — город в Хоросане, провинции Персии.

«Яр, никогда не знай беды...». *Асмавур* — сборник, составленный из жизнеописаний святых. *Залум* — злой, безжалостный.

«Чужбина — мука соловья...». *Шамам* — см. примеч. к «Песне выпечки хлеба». *Лохман* — арабский легендарный мудрец-лекарь. *Каманча* — см. примеч. к песне «Как из яблок шербет — твой румяный лик».

«Внемли: проникнуты слова мои...». *Шахиб* — высший чиновник при дворе, правитель, наместник. *Кариб* — скиталец-певец, герой народных сказаний. *Шахсанам* — возлюбленная Кариба.

«Ты ярче сбруи золотой...». *Искандеров царский лал*. *Искандер* — Александр Македонский, великий полководец древности (356 — 323 до н. э.). *Лал* — см. примеч. к «Песне чистой весны» К. Ерзнкаци.

«Я был в Абаше, я весь мир прошёл...». *Раш* — огненный конь.

«Я болен от любви к тебе...». *Векил* — представитель власти, опекун, министр. *Шушан* — лилия.

«Кто рядом сел — он пьян уже...». *Меджлис* — собрание, пир, пиршество, а также государственный совет.

«Коль неучу слово дано...». *Орна* — земледelec, на гумне которого, по преданию, царь Давид соорудил жертвенник.

«Ты — узоры парчи...». *Каламкар* — драгоценная шёлковая ткань из Индии. *Гюлистан* — сад роз, цветник.

«С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты...». *Джаваир* — бриллиант. *Пранги* — французский.

«Нынче милую мою видел я в саду...». *Матах тебе* — быть бы тебе жертвой.

«Ты — как сирена...». *Сантур* — струнный ударный музыкальный инструмент.

«Я в жизни вздоха не издам...». *Пинджан* — сосуд, чаша. *Конь-Раш* — см. примеч. к стихотворению «Я был в Абаше...».

СОДЕРЖАНИЕ

Поэты Армении (Древнейший период. Средние века).

Вступительная статья Л. М. Мкртчяна

3

НАРОДНАЯ ЛИРИКА

ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ПЕСЕН

Рождение Ваагна. *Перевод Л. Мкртчяна* 39

О царе Арташесе. *Перевод В. Брюсова* 39

Воспоминания Арташеса. *Перевод Л. Мкртчяна* 40

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

Песня — молитва сеятеля. *Перевод Н. Гребнева* 41

«Ёр, ёр, ёр, ёр...». *Перевод Н. Гребнева* 41

Оровел. *Перевод Н. Гребнева* 42

«Вол, кормилец, поспеши...». *Перевод Н. Гребнева* 43

«Денница, как счастливый знак...». *Перевод Н. Гребнева* 43

«Божьей волей плуг спустился...». *Перевод Н. Гребнева* 44

Песня пахаря. *Перевод Н. Гребнева* 45

Песня пахарей. *Перевод В. Брюсова* 45

Соха. *Перевод Н. Гребнева* 46

Песни боронования. *Перевод Н. Гребнева*

1. «Тап-тап-тап-тап...» 47

2. «Эй, шагай ты прямо, а не в сторону...» 47

Сеятель. *Перевод Н. Гребнева* 47

Песня полольщиц. *Перевод Н. Гребнева* 48

Песня мотыжницы. *Перевод Н. Гребнева* 48

Песня косаря. *Перевод Н. Гребнева* 49

Песня жатвы. *Перевод Н. Гребнева* 50

Песня жнеца. *Перевод Н. Гребнева* 51

Песни молотбы. *Перевод Н. Гребнева*

1. «Над землёй плывут облака...» 52

2. «Вол, я говорю как другу...» 53

Песня возчика. *Перевод Н. Гребнева* 53

Песня жернова. *Перевод Н. Гребнева* 54

Песня крестьянина. *Перевод Н. Гребнева* 55

Маленький земледелец. *Перевод Н. Гребнева* 55

Песня выпечки хлеба. *Перевод Н. Гребнева* 57

Песня маслобойки. *Перевод Н. Гребнева* 57

«Ах, сбивалка, ты моя сбивалка...». *Перевод Н. Гребнева* 57

Песня веретена. *Перевод Н. Гребнева* 58

Прялка. *Перевод Н. Гребнева* 59

Песня прялки. *Перевод А. Суркова* 60

Песня чесальщицы шерсти. *Перевод Н. Гребнева* 60

ПЕСНИ ЛЮБВИ

«Я высечен резцом...». *Перевод Н. Гребнева* 62

«Склон вершины Мндзурской слишком крут...». *Перевод Н. Гребнева* 62

Поцелуй был сладок. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	63
«Нынче вечером был я пьяным...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	63
Как мне спасти тебя? <i>Перевод Н. Гребнева</i>	64
Ты — моя милая. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	65
Раскрылся цветок. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	65
«Стан твой, словно рукоять кинжала...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	66
«Ты не плачь, не плачь! — сказал бывалый...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	67
«Милая, ты в благодатном саду...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	67
«Если на гору поднимешь ты взгляд...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	67
«Ах, яр, ямман, ямман, ямман!...». <i>Перевод А. Кочеткова</i>	68
«Я повторять всегда готов...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	68
«Ах, раствориться — и стать водой...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	69
Песня на день Преображения. <i>Перевод В. Брюсова</i>	69
«Как из яблок шербет — твой румяный лик!...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	69

ПЕСНИ ИЗГНАНИЯ

«Что, красавица, плачешь в печали...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	71
Я — несчастная пленница. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	71
Журавль. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	72
«Ручеек немногословный...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	73
Песня бездомного. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	74
Жалоба куропатки. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	74
Куропатка. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	75

ПЕСНИ О ПРИРОДЕ

Песня о временах года. <i>Перевод В. Брюсова</i>	76
«Как вам не завидовать...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	78
Песня аиста. <i>Перевод В. Брюсова</i>	78
«Белым снегом вершины покрыло...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	79

ОБЯДОВЫЕ ПЕСКИ

Песня облачения царя. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	81
Свадебная песня («Царю что дам я, с ним что схоже...»). <i>Перевод В. Брюсова</i>	81
Свадебная песня («С божьего благословения...»). <i>Перевод Н. Гребнева</i>	83
«Бет дизан» (Свадебная песня). <i>Перевод Н. Гребнева</i>	86

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

«У меня ль невеста есть...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	87
«Баю-бай, идут овечки...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	87
«Колыбель качает южный ветер...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	88
«Щёчка у тебя бела...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	88
«Наша доченька мала...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	89
«Что за мать тебя породила?...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	89
«Баю-баю, кончается день...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	90
«Баю-баю, Орсаягюль...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	90
«Дочку, что досталась нам...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	90
«Соловей под горой...». <i>Перевод Н. Тихонова</i>	91

ПЛАЧИ

Песня о князе Мокском. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	92
«Пришла я, но очи твои не видят...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	94

«Был ты жемчугом, мог блистать...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	95
Плач по ребёнку. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	95
Плач матери. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	96
Плакальщицы — матери. <i>Перевод В. Брюсова</i>	97
Плач вдовы. <i>Перевод Н. Тихонова</i>	97
Плакальщицы над молодым. <i>Перевод В. Брюсова</i>	97
Жалоба сестёр. <i>Перевод В. Брюсова</i>	97

ЗАКЛИНАНИЯ

«Забелелася заря...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	98
«Погашены огни...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	98
Заклинание на волка. <i>Перевод В. Брюсова</i>	99
«На подушку я — голову склонил...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	99
Заклятие старух к луне. <i>Перевод В. Брюсова</i>	99

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЛИРИКИ

МЕСРОП МАШТОЦ

Биографическая справка	103
«Море жизни всегда обуревают меня...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	104
«Подвергнут опасностям и мукам я...». <i>Перевод Л. Мкртчяна</i>	104
«Рано утром предстану перед тобой...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	104

ИОАНН МАНДАКУНИ

Биографическая справка	105
«Преображеньем твоим на горе...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	106

КОМИТАС

Биографическая справка	107
«Жёны, славны страной и народом своим...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	108

ДАВТАК КЕРТОГ

Биографическая справка	109
Плач на смерть великого князя Джеваншира. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	110

ГРИГОР НАРЕКАЦИ

Биографическая справка	115
Песнь сладостная. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	116
Вардавар. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	117
Из «Книги скорби». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	118

ГРИГОР МАГИСТРОС ПАХЛАВУНИ

Биографическая справка	173
Призыв к бою (<i>Послание к неизвестному</i>). <i>Перевод Л. Мкртчяна</i>	174

ОВАНЕС САРКАВАГ ИМАСТАСЕР

Биографическая справка	175
Мудрая беседа, которую вёл в час прогулки философ Ованес Саркаваг с птицей, именуемой пересмешник. (<i>Отрывки</i>). <i>Перевод Н. Гребнева</i>	176

НЕРСЕС ШНОРАЛИ

Биографическая справка	180
Небо. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	181

Солнце истины. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	181
На распятие господне. <i>Перевод В. Брюсова</i>	182
Всем усопшим. <i>Перевод В. Брюсова</i>	183
«Утро света...». <i>Перевод Л. Мкртчяна</i>	184

ГРИГОР ТХА

Биографическая справка	188
Стихотворение полезное и чудесное. <i>Перевод М. Петровых</i>	189

ОВАНЕС ЕРЗНКАЦИ ПЛУЗ

Биографическая справка	190
«Наш мир подобен колесу: то вверх, то вниз влечёт судьба...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	191
«Язык для речи служит нам, речь праведных — что злата звон...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	191
«Подобен морю мир: сухим остаться, переплыв, — нельзя...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	191
«Я, все грехи свои собрав, оплакал зло прошедших лет...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	191
«О безрассудный человек, проснись, опомнись же скорей!...». <i>Перевод О. Румера</i>	191
Ованес и Аша. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	192

КОСТАНДИН ЕРЗНКАЦИ

Биографическая справка	195
Весна. <i>Перевод В. Брюсова</i>	196
Песня чистой весны. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	197
Песня любви. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	199
Иные злословят обо мне. <i>Перевод М. Лозинского</i>	200
Борьба плоти и духа. <i>Перевод М. Лозинского</i>	202
Слово на час печали, написанное о братьях, обидевших меня. <i>Перевод М. Лозинского</i>	203
Иносказательные рассуждения о солнце истинном и о том, как произошёл от отца сын единокровный Христос. <i>Перевод Н. Габриэлян</i>	204
Стихотворение, которое имеет двоякий смысл (души и тела) и иносказательно звучит так. <i>Перевод Н. Габриэлян</i>	206

ФРИК

Биографическая справка	209
Сердце моё, отчего ты забилося? <i>Перевод Н. Гребнева</i>	210
Цветок любви. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	210
К богатым. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	211
Колесо судьбы. <i>Перевод В. Брюсова</i>	214
Жалобы. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	216

ХАЧАТУР КЕЧАРЕЦИ

Биографическая справка	222
Бренное тело корила душа. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	223
Господь словам моим свидетель. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	223
Я, смертный, сотворён из праха. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	224
Жизнь на земле подобна морю. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	225

НААПЕТ КУЧАК

Биографическая справка	226
«Благословен ушедший с милой...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	227
«Когда ты была моей...». <i>Перевод А. Адалис</i>	227
«Где была ты, откуда пришла?..». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	227
«В мире две великих силы...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	227

«Глаза твои — океан...». Перевод П. Антокольского	228
«Ты хвалишься, луна небес...». Перевод В. Брюсова	228
«Вышла из-за гор луна...». Перевод В. Звягинцевой	228
«Я в любви, как ребёнок малый...». Перевод Н. Гребнева	228
«Ручною птицей на земле...». Перевод В. Звягинцевой	229
«Не нужна ты мне, не нужна...». Перевод Н. Гребнева	229
«Ради бога, что создал нас...». Перевод Н. Гребнева	229
«Видишь, как покраснела я...». Перевод А. Кушнера	229
«О красавица, жить мне дай...». Перевод Н. Гребнева	230
«Что ты белые щёки румянишь...». Перевод Н. Гребнева	230
«Как мне быть — не могу я боле...». Перевод Н. Гребнева	230
«От любви пробежит по мне...». Перевод А. Кушнера	230
«Сад сажал я, но в том саду...». Перевод Н. Гребнева	231
«В далёкий дол я побреду...». Перевод С. Иванова	231
«Из дома выйди своего...». Перевод А. Кушнера	231
«Я прозрачнее ладана стал...». Перевод А. Кушнера	231
«Черноброва ты, тонкостанна...». Перевод Н. Гребнева	232
«Я думал, ты грустишь по мне...». Перевод А. Кушнера	232
«Ты — жемчужина, ты — светла...». Перевод Н. Гребнева	232
«Белогрудой красоте...». Перевод В. Звягинцевой	232
«Идя близ церкви, видел я...». Перевод В. Брюсова	233
«Боже, что от меня хотят!..». Перевод Н. Гребнева	233
«Как нам быть — все про нас говорят...». Перевод Н. Гребнева	233
«Мне пред тем, как совсем рассвело...». Перевод Н. Гребнева	233
«Этот мир похож на базар...». Перевод Н. Гребнева	234
«Шла она с другим...». Перевод В. Звягинцевой	234
«Шёл по улице неторопливо...». Перевод Н. Гребнева	234
«Боль и радость в сердце моём...». Перевод Н. Гребнева	235
«Пророк Давид, тебя молю...». Перевод Н. Гребнева	235
«Вышел ночью навеселе...». Перевод А. Кушнера	235
«Вчера по улице вели...». Перевод В. Звягинцевой	235
«Утром, выйдя за порог...». Перевод А. Кушнера	236
«Мы, любимая, не равны...». Перевод Н. Гребнева	236
«Как сладок этот поцелуй...». Перевод В. Микушевича	236
«В эту ночь я блюла закон...». Перевод Н. Гребнева	236
«На кровле ты легла уснуть...». Перевод В. Брюсова	237
«О, длиться бы стократ поре ночной...». Перевод С. Иванова	237
«Твердь небесная, твердь земная...». Перевод Н. Гребнева	237
«В ту долгую ночь лишь раз, лишь два...». Перевод В. Брюсова	237
«Грудь твоя — белоснежный храм...». Перевод А. Кушнера	238
«Милая, если позволишь...». Перевод В. Звягинцевой	238
«Эти волосы, брови и взгляд!..». Перевод А. Кушнера	238
«На любимую бросьте взгляд...». Перевод Н. Гребнева	238
«Художник обмер, написав...». Перевод В. Микушевича	239
«Взяли милой моей портрет...». Перевод А. Адалис	239
«С той поры, как рождён на свет...». Перевод А. Адалис	239
«Вино твоего румянца...». Перевод В. Звягинцевой	239
«Я ласкал бы твой нежный лик...». Перевод П. Антокольского	240
«Я увидел на верёвке...». Перевод В. Звягинцевой	240

«Белогрудая в кофте белой...». Перевод Н. Гребнева	240
«Из чего ты создана?..». Перевод В. Звягинцевой	240
«Ты ль не вырезана из лоз...». Перевод Н. Гребнева	241
«Ты — красива, ты — молода...». Перевод Н. Гребнева	241
«Ловчий сокол я с красным кольцом...». Перевод Н. Гребнева	241
«Ослепительный блеск...». Перевод А. Кушнера	241
«Пред тобою я, мой желанный...». Перевод Н. Гребнева	242
«Я, как скала, крепка...». Перевод А. Кушнера	242
«Я, как всякая птица, дика...». Перевод Н. Гребнева	242
«Было слышно: вода рокошет...». Перевод Н. Гребнева	242
«Гляну вниз иль гляну вверх я...». Перевод В. Звягинцевой	243
«О царица, пусть будет воспета...». Перевод Н. Гребнева	243
«Высоко ты ходишь...». Перевод Ф. Сологуба	243
«Скажи, мой милый месяц, мне...». Перевод В. Брюсова	243
«Я молод, ты молода...». Перевод П. Антокольского	244
«Мне б рубашкою стать льняною...». Перевод Н. Гребнева	244
«Стан твой тонок, ты высока...». Перевод Н. Гребнева	244
«Пришла ты поздно за водой...». Перевод В. Микушевича	244
«Что возьмёшь за поцелуй...». Перевод В. Звягинцевой	245
«Вот гранат, разрежь...». Перевод В. Звягинцевой	245
«Мне сказали сегодня под вечер...». Перевод Н. Гребнева	245
«Поцелуй, обознавшись, просил...». Перевод А. Кушнера	245
«Люди пришли и сказали...». Перевод В. Звягинцевой	246
«Мне месяц ясный говорит...». Перевод В. Микушевича	246
«Я персиковый саженец...». Перевод В. Микушевича	246
«Выбери четверостишие...». Перевод В. Звягинцевой	246
«Самым худшим из проклятий...». Перевод В. Звягинцевой	247
«Обидевший скитальца...». Перевод В. Звягинцевой	247
«Душа моя ушла из тела...». Перевод В. Звягинцевой	247
«От долгих раздумий растут...». Перевод В. Звягинцевой	247
«Клеветы человеческой...». Перевод В. Звягинцевой	248
«Спросили раз у мудреца...». Перевод С. Иванова	248

ПАМЯТНЫЕ ЗАПИСИ

Памятная запись XIV века, принадлежащая переписчику Библии Мхитару Анеци. Перевод Н. Гребнева	249
Памятная запись XIV века, принадлежащая переписчику Овану. Перевод Н. Гребнева	251
Памятная запись XV века. Перевод Н. Гребнева	252

АРАКЕЛ СЮНЕЦИ

Биографическая справка	254
Из «Адамовой книги». Перевод Н. Гребнева	255

ОВАНЕС ТЛКУРАНЦИ

Биографическая справка	258
Песня любви. Перевод В. Брюсова	259
Лик твой — солнце. Перевод Н. Гребнева	259
Встретил я красавицу нежданно. Перевод Н. Гребнева	260
Не убей меня, любовь. Перевод С. Спасского	261
Песня Ованеса о любви. Перевод В. Брюсова	262

«Земля подобна раю стала...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	263
Песнь о храбром Липарите. <i>Перевод С. Спасского</i>	265
Коль не было б мужей... <i>Перевод Н. Гребнева</i>	268
К смерти. <i>Перевод В. Брюсова</i>	269

МКРТИЧ НАГАШ

Биографическая справка	270
Суета мира. <i>Перевод В. Брюсова</i>	271
О жадности. <i>Перевод П. Панченко</i>	271
Странник. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	273

АРАКЕЛ БАГИШЕЦИ

Биографическая справка	275
Песня о розе и соловье. <i>Перевод В. Брюсова</i>	276

КЕРОВБЕ

Биографическая справка	279
Горе несчастному мне. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	280

ГРИГОРИС АХТАМАРЦИ

Биографическая справка	282
Песнь об одном епископе. <i>Перевод В. Брюсова</i>	283
Песня. <i>Перевод В. Брюсова</i>	284
Песнь о розе и соловье. <i>Перевод В. Брюсова</i>	286
Песня любви. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	290
Ты — рай для меня. <i>Перевод С. Спасского</i>	292
Песня (Борьба духа и плоти). <i>Перевод С. Спасского</i>	293

НЕРСЕС МОКАЦИ

Биографическая справка	295
Спор Неба и Земли. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	296

МАРТИРОС КРЫМЕЦИ

Биографическая справка	299
Песнь, восхваляющая город Амасию. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	300
Вино. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	301
Иерей Симеон. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	301

НАГАШ ОВНАТАН

Биографическая справка	304
Песня любви. <i>Перевод В. Брюсова</i>	305
«Я нарядною тебя видел на заре...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	306
«Ты мне сказала: “Настала весна” ...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	307
Песнь о грузинских красавицах. <i>Перевод П. Панченко</i>	308
«Приди ко мне в цветущий сад вечернею порой...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	309
Ты откуда прилетела, птица? <i>Перевод Н. Гребнева</i>	310
«Тебе достойную воздам ли дань я?..». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	310
Ты и лань моя и газель. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	311
«Лик твой — как луна, глаза горят...». <i>Перевод Н. Гребнева</i>	312
Песня весны и радости. <i>Перевод С. Спасского</i>	313

БАГДАСАР ДПИР

Биографическая справка	315
Песня весны. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	316
Не плачь, соловей. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	316
Свет моих очей. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	317
К Мамоне. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	318
«Пришла весна, и меж ветвей — тиховой...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	319

ПЕТРОС КАПАНЦИ

Биографическая справка	320
Народу моему любимому. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	321
Стаи. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	321
Не осыпай, о роза, лепестки. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	322

ГРИГОР ОШАКАНЦИ

Биографическая справка	324
Плач о городе Ани. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	325
Песня любви. <i>Перевод Н. Гребнева</i>	326

АРУТИН САЯТ-НОВА

Биографическая справка	327
«Как соловей, томилась ты...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	328
«Ты, безумное сердце! мне внимли...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	329
«Твой силен ум...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	329
«Друг, ты попал в сети любви...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	330
«Ах, не нужен мне лекарь...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	331
«От любви, как Меджнун, горю...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	332
«Меджнун я, тоской палимый...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	333
«Ах, почему мой влажен глаз...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	334
«Меня ты ранишь без ножа...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	334
«Яр, никогда не знай беды...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	335
«Чужбина — мука соловья...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	336
«Внимли: проникнуты слова мои...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	337
«Ты ярче сбруи золотой...». <i>Перевод М. Лозинского</i>	338
«Я был в Абаше, я весь мир прошёл...». <i>Перевод М. Лозинского</i>	338
«Я болен от любви к тебе...». <i>Перевод М. Лозинского</i>	339
«Служи народу, не жалея своей души, Саят-Нова...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	340
«Кто рядом сел — он пьян уже...». <i>Перевод С. Гайсарьяна</i>	340
«Наш мир — окно...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	341
«Из всех людьми хваленных лир...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	342
«Надломлена душа твоя...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	343
«Коль неучу слово дано...». <i>Перевод С. Гайсарьяна</i>	344
«Красавица, певца Шахатаи ты унижать не станешь...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	345
«Не плачь, о джан...». <i>Перевод К. Липскерова</i>	345
«Ты — узоры парчи...». <i>Перевод К. Липскерова</i>	346
«Я — на чужбине соловей...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	346
«Откуда ты? (я соловью)...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	347
«С бесценным камнем джаваир своей красою сходна ты...». <i>Перевод С. Шервинского</i>	348
«Нынче милую мою видел я в саду...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	348
«Так жить хочу...». <i>Перевод К. Липскерова</i>	349

«Ты — как сирена...». <i>Перевод М. Лозинского</i>	350
«Отраден голос твой...». <i>Перевод М. Лозинского</i>	351
«Я в жизни вздоха не издам...». <i>Перевод В. Брюсова</i>	351
«Я ждал, я пролил столько слёз...». <i>Перевод А. Тарковского</i>	352
«Пусть отвесят мне кораллов горсти, горсти...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	353
«Роза шлёт весть соловью...». <i>Перевод В. Звягинцевой</i>	353
«О царь, люби закон и суд...». <i>Перевод С. Гайсарьяна</i>	354
«Я вкус утратил к бытию...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	355
«Яр, что в словах и “да” и “нет” ...». <i>Перевод Е. Николаевской</i>	356
Примечания	357

ОТ «РОЖДЕНИЯ ВААГНА» ДО ПАРУЙРА СЕВАКА

Антологический сборник армянской лирики в двух книгах

Книга первая

Издательство «Советакан грох»

Ереван — 1983

«ՎԱՀԱԳՆԻ ԾՆՈՒՆԴԻՑ» ՄԻՆՉԵՎ ՊԱՐՈՒՅՐ ՍԵՎԱԿ

Հայ քնարերգության ժողովածու երկու գրքով

Գիրք առաջին

«Սովետական գրող» հրատարակչություն

Երևան — 1983

Редактор **Кочарян С. М.**

Художник **Арутюнян В. А.**

Худ. редактор **Гюламирян Г. Х.**

Техн. редактор **Симонян С. М.**

Контрольный корректор **Карменян К. А.**

ИБ № 3364.

Сдано в набор 22.09.1982 г. Подписано к печати 3.02.1983 г. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. 20,16 усл. печ. л., 17,6 уч. изд. л. Заказ 1511. Тираж 50000 (1-й завод 1 — 40000 экз.). ВФ 07221. Цена 1 р. 70 коп.

Издательство «Советакан грох», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Набор изготовлен в типографии г. Дилижана Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Арм. ССР, г. Дилижан, ул. Мясникяна, 78.

Отпечатано в полиграфкомбинате им. Акопа Мегапарта Госкомитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли Арм. ССР, Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Сканирование, OCR — Айвазян Владимир

